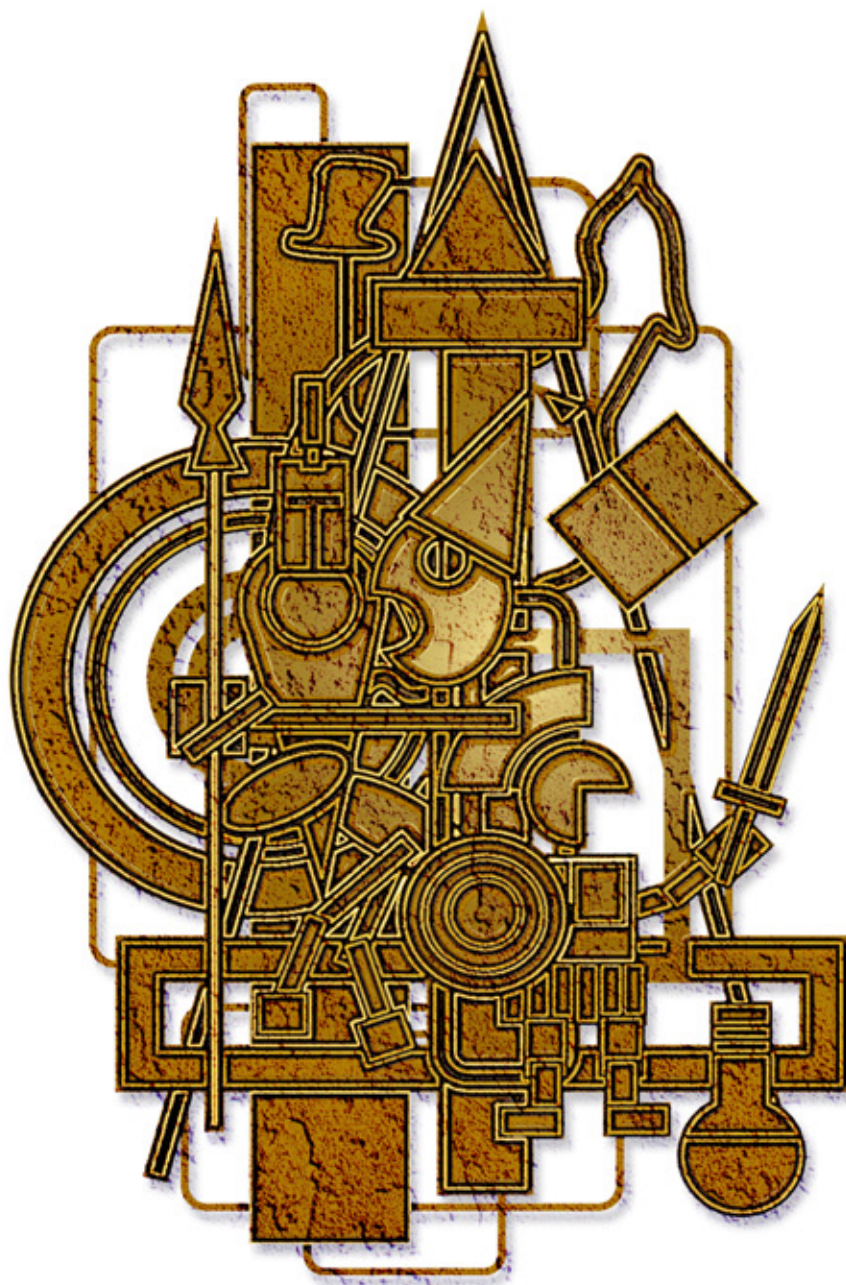

Международная заочная научная конференция

«Исторические исследования»

Уфа

УДК 93
ББК 63
И90

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *О.А. Шульга*

Исторические исследования: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, июнь
И90 2012 г.). — Уфа: Лето, 2012. — iv, 92 с.

ISBN 978-5-87308-050-2

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Исторические исследования».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Волошин Д.А.

О римском глобализме и запасе прочности Imperium Romanum.....1

Комаров К.В., Ашенкова Я.С.Отечественные историки и общественные деятели о перерастании монополистического капитала
в государственно-монополистический.....4

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Митюков Н.В., Порцева Л.П.

Фортификация Манилы периода испано-американской войны..... 13

Ромайкин И.А.Боевой путь 355-ой Кировской стрелковой дивизии Калининского фронта
(26.12.1941 – сер. июля 1942 гг.)15**Шмелева Е.В.**

Посольский обычай в России в конце XV – начале XVII вв.: опыт системного анализа..... 20

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Андреева Г.П.**Аграрные преобразования начала 50-х гг. XX в.: просчеты и ошибки (на примере сельских территорий
Южного Урала).....25**Ваганов А.А.**

Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период..... 28

Голуб Ю.А.

О естественном движении народонаселения Горьковской области в 1945–1955 гг.....35

Заводчиков В.В.Творцы победы Башкортостана в кинодокументах Куйбышевской студии кинохроники в годы
Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)..... 38**Калимуллин Р.Р.**Отраслевая перестройка промышленности в условиях научно-технической революции в 1950–1960 гг.
(по материалам Среднего Поволжья)41**Карсакова Г.Б.**

Некоторые аспекты развития культурных традиций в Сибири (XVI–XVII вв.) 44

Комаров К.В.Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) – основной институт консолидации
молодежной политики финно-угорского мира.....47**Николаев О.С.**

Обоснованность выбора Бородинского поля как места сражения.....52

Рискулова Ф.Ф.	
Социальная защита беспризорных и безнадзорных детей в 1945–1946 гг. (на материалах БАССР)	55
Семендяев Ф.И.	
К вопросу о статусе и положении первых русских митрополитов	58
Хорина В.В.	
Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства: история деятельности (1889–1911).	60
Шалахов Е.Г.	
Из опыта архивных исследований Юринского историко-художественного музея: местное кирпичное и гончарное производство	66
Эмирханов В.М.	
История возникновения и развития практики оглашения в Церкви в I–V вв.	68
5. АРХЕОЛОГИЯ	
Багиров Р.Б.	
Древнее поселение типа города-крепости Нахчывана	73
7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	
Барштейн В.Ю.	
Новая функция специальных исторических дисциплин	76
Горбачева Г.В.	
Проблема осмысления взаимоотношений полов культурной элитой серебряного века	80
Мельникова Л.А.	
Толерантный характер архитектуры ярмарочных городов Западной Европы и России в средние века и новое время	82
Феребов А.Н.	
К вопросу о хронологии сводных статистических данных, опубликованных в 23-ем номере «Периодического сочинения о успехах народного просвещения». Предварительные итоги исследования. . .	84

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

О римском глобализме и запасе прочности Imperium Romanum

Волошин Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент
Армавирская государственная педагогическая академия

Так называемая «имперская парадигма» сегодня активно используется для осмысления современных глобалистских тенденций. Обращение в этой связи к истории Древнего Рима как одного из первых наиболее развитых государств, убеждает нас в том, сколь значима (и в то же время утопична по своему содержанию) в его внешнеполитической доктрине была идея глобального «вселенского» государства.

В свое время император Октавиан использовал римское владычество, чтобы передать странам трех континентов римские ценности и мир: вслед за его войсками шли торговцы (прообраз будущих капиталистов), неся новым подданным блага римской культуры — такие как центральное отопление или канализация [1, с. 11]. Проблема отношений римского глобализма с римским же империализмом крайне сложна и неоднозначна. Отметим лишь один ключевой момент: глобализация привела к небывалому ранее росту экономики и выходу на новый цивилизационный уровень; именно она превратила Рим в мегаполис; сделала Италию фактически унитарным государством, ставшим центром огромной Империи и, вместе с тем, не препятствовала развитию провинций. Единая система экономики и торговли стала охватывать всю территорию Империи, продолжались урбанизация, романизация и колонизация.

При этом трудности, возникающие в процессе реализации имперского интеграционного проекта, большинством исследователей объясняются действием двух (противоположных по своей сути) исторических закономерностей:

1) Как только Империя перестает расширяться, она начинает «клониться к закату»;

2) Империя не расширяется потому, что в силу конкретно-исторических внутренних и внешних причин не имеет возможностей к расширению, поэтому и «клонится к закату».

Вообще, вопросы наподобие «В какой момент нескрушиваемая сталь Римской империи покрылась усталостными трещинами?», или «Сколько Римская империя могла бы еще «протянуть», если бы...?» давно уже обрели характер риторических. Известный футуролог Ф. Полак не скрывал своего удивления по поводу своеобразного «римского чуда»: «На наш взгляд, проблема Рима —

это проблема не того, почему он пал, но как он смог вырасти до таких высот и почему он не пал раньше, не имея позитивного образа будущего» [2, р. 85]. Таким образом, проблема, которую пытаются решить с учетом опыта современной науки, по большому счету заключается в том, насколько универсален римский опыт реализации имперского интеграционного проекта. А поиски ответа на вопрос «Осознавали ли римляне пределы возможностей своей Империи?» становится одновременно средством осмысления многих ситуаций современности.

Как известно, древнее сознание могло мыслить только одну Римскую империю в качестве Вселенского государства; такое сознание как бы «сопротивляется» естественной центробежной силе мирового исторического процесса. Римская империя — это первый в истории опыт мировой глобализации, создания универсального многонационального общества, в котором были выявлены магистральные направления исторического развития с его взлетами и падениями, невиданным прогрессом и диким варварством [3, с. 21]. В этом смысле «римское государство продолжается, принимая те или иные формы, вот уже 2000 лет...» [4]. А все потому, что «Рим никогда не рассматривал себя в качестве государства в современном смысле слова, т.е. как одно государство среди других государств» [5, р. 121]. Римская империя претендовала на то, чтобы быть не просто государством, а государством вселенским, государством единственным во вселенной, совпадающим по своим масштабам со всем цивилизованным миром. В этом смысле Римская империя мыслила себя скорее уже не как государство, а как все цивилизованное и политически организованное человечество [6].

Что действительно отличало Римскую империю от ее предшественниц и современниц, это то, что ей действительно удалось совместить культурный универсализм и политический изоляционизм и реализовать их в своей практике — она и на самом деле была многоэтнической, превратившись в формацию, где этнические различия не имели никакого политического значения. Политический порядок парил над этническим разделением, подобно тому, как у нас цивилизация парит над национальными границами и не является поводом для шовинизма. Таким образом была задана идеальная модель империи — в том, прежде всего, что касается формы. «Римская государст-

венная религия не имеет смысла без римского государства, которого достойное она составляет; она есть *religio civilis* в собственном смысле [7, с. 212]. Рим становится единственной сверхдержавой, выражающей парадигму развития человечества, и фактически идентифицируется с этим последним. Развитие человечества вне «римского мира» становится не только нежелательным, но и невозможным, и все населяющие мир народы либо подчинены Риму, либо «замирены», т.е. находятся в русле его политических, а часто и экономических и иных интересов [8, с. 94].

Согласно В. Каганскому, с сугубо пространственной точки зрения империя — это объединенное особыми средствами пространство разнообразных и разнотипных культурных ландшафтов, удерживаемое внешним образом разнообразие ландшафтов. Империя — принудительное, искусственное, внешнее и неорганичное единство разнообразия культурных ландшафтов. Разумеется, это пространство до известной степени впоследствии интегрируется и оестествляется.

В пространстве империи самое пространство вторично, это пространство-проекция, пространство — эманация власти. Пространство империи создано, заполнено и оформлено властью. Данная, прежде всего в пространстве, империя не знает пространства как такового, как автономного феномена, как самозаконной сущности: пространство империи — всего лишь аспект (хотя мощный и значимый) государства, власти, государственной мощи и структуры. Имперское пространство — это пространство-государство, а не пространство-ландшафт. Власть — главный игрок, основной фактор пространства. Империя унифицирует и интегрирует свое пространство; имперское пространство структурируется и интегрируется специальными структурами, преимущественно силовыми. Саму империю как феномен можно считать способом и механизмом силовой интеграции и унификации больших разнообразных территорий.

Всякая империя — пространство линий коммуникации, замыкающихся на центр, приобретающий особую роль и уникальную функцию. Империя — пространство центростремительное: «Все дороги ведут в Рим». Горизонтальные, непосредственные связи мест носят второстепенный характер и отнюдь не насаждаются властью; связи мест часто или в основном носят не прямой, трансцентральный характер (через центры). Империя — пространство доминирования статусных, вертикальных связей, связей прежде всего по направлению «центр — периферия». Потому пространство империи задано двумя основными особыми областями — Центром и Границей; их роль, в том числе сакрально-символическая, хорошо известна. Пространство империи — пространство, извне сжатое внешними, чуть не абсолютными границами — и организуемое внутренним абсолютно доминирующим центром.

И, конечно же, в любом случае в центре империи стоит вполне определенный глобальный проект. Именно им им-

перия обосновывает свое существование, неся всем народам и культурам, которые входят в ее состав, нечто могущественное и объединяющее, чего не хватает ни одной из ее частей в отдельности.

Любая империя стремится простирается на бескрайние просторы и быть вечной, то есть не подверженной перипетиям мимолетной политической и исторической конъюнктуры. Империя — это сочетание локального своеобразия и некой рациональности большого пространства, которое империя будет контролировать. На практике бесконечность и вечность выражаются в том, что территории империи превышают масштабы национальных государств, а цикл существования империй дольше, чем история конкретного политического режима.

Империя — это монументальное величие человека, стремящееся к реализации некой сверхзадачи. Эта монументальность — отличительная характеристика универсалистского имперского мироощущения, воплощенного в нарочито помпезной архитектуре римских общественных зданий, базилик и форумов или в пронизанной римскими мотивами эстетике чопорного николаевского Санкт-Петербурга [9, с. 142]. Империя — уникальный по своим масштабам утопический проект, в свернутом виде присутствующий в мифологическом субстрате имперского бытия, суть которого в стремлении человека преодолеть дискретность и противоречивость собственного существования, как и существование всего мира за счет его упорядочивания и унификации в соответствии с неким априори заданным идеалом в рамках единого политического целого.

Утопический характер имперского проекта обусловлен лежащей в его основании мифологической сверхзадачей, вернее, в ее недостижимости. Однако недостижимость этого идеала отнюдь не обязательно очевидна сразу. Пока эксперимент продолжается, все будто зачарованы его ходом и искренне верят в его счастливое завершение. Много ли сомневающихся в «вечности» Рима было после победоносного взлета империи при Траяне или счастливом благоденствии *Pax Romana* под властью Антонина Пия? Много ли скептиков-диссидентов было в лучшие годы «страны развитого социализма», пока она последовательно расширяла свою экспансию? [9, с. 144]

В то же время, империи, искушенные в стратегическом искусстве и сумевшие просуществовать долго, например, Римская, осознавали пределы своих возможностей и чаще всего старались их не превышать. Потеряв три легиона в чащобах германских лесов, Октавиан Август и его преемники решили, что граница империи в этом районе пройдет по западному берегу Рейна. Аналогичным образом, Рим выбрал Дунай в качестве естественного барьера от дакийских племен, оставив Венгерскую равнину этим воинственным «варварам». Уэльс и Шотландия римлянам также были не интересны, поэтому туда их легионы, как правило, не вторгались. На юге прибрежные районы Северной Африки были богаты ресурсами, но путь дальше

преграждала непроходимая Сахара. Продвигаться восточнее Палестины также было рискованно...

Таким образом, границы влияния империи были установлены самим Римом. Чтобы сохранить свою силу, римляне с безжалостной решительностью делали выбор, на каких территориях они намерены остаться — и драться за них до конца, а куда после неудачи не будут пытаться проникнуть. Это, наряду с некоторыми другими причинами, позволило Римской империи просуществовать целых пять столетий [10].

Однако покой стал для Римской империи губительным. Цитировавшийся выше А.А. Цуркан по этому поводу замечает: ...это один из парадоксов имперского бытия: империя, в своей сверхзадаче стремящаяся к абсолютному и совершенному покою, крайне тягостно переживает остановку своей экспансии, состояние стазиса; стремясь к тотальности своей власти, к целостному охвату унифицированного пространства, она болезненно сносит любую паузу, ибо последняя — «момент истины» для тех, кто осуществляет имперское строительство на практике.

Не следует забывать: по большому счету, рождение Римской империи было вызвано материальными причинами. Еще до ее возникновения торговцы связали все Средиземноморье сетью морских путей. За походы легионеров и присоединение новых провинций выступали не столько настоящие правители Рима, аристократические сенаторы, сколько деятельные представители торговых кругов, которые в иерархии власти были на ступеньку ниже. Италия была для них слишком мала [11]. Не менее материальными причинами был вызван и отказ Империи от дальнейшей экспансии — завоевание этих территорий было попросту нерентабельным. А что до имиджа или престижа Империи, отказавшейся от великого натиска на еще нецивилизованный мир, — то следует учитывать и ее (Империи) внутренние трудности. К при-

меру, главной бедой Рима, по мнению «архитектора» Раха Ротана Октавиана, была алчная, вздорная и продажная власть, власть нескольких связанных узами родства семейств, управлявших огромным государством путем постоянной перетасовки одних и тех же лиц... Что называется, по comments...

Т.е., применительно к римской истории одним из важнейших факторов прекращения экспансии явилось губительное состояние неустойчивого равновесия, когда цели и сверхзадача имперского бытия, очевидно, не достигнуты, а та реальность, которая имеет место, все чаще воспринимается негативно, как не заслуживающая тех жертв, которые были принесены ради ее создания. Римская империя стала примером того, как прагматичная великая держава в определенных случаях осознавала и признавала небеспредельность своих возможностей. И в этом отношении Рим представляется наиболее значительным историческим уроком — прежде всего, для тех современных государств, которые в схожих ситуациях (движимые непримиримостью или идеологическими соображениями) предпочитают следовать девизу «бороться до конца».

P.S. Разумеется, недостижимость имперского идеала никогда не являлась препятствием для попыток его реализации. Пока имперская экспансия продолжается, идеал кажется более чем достижимым, а усилия, затраченные для его претворения, — оправданными. Так было и в Римской империи: в свое время уничтожение в Тевтобургском лесу значительного контингента хорошо обученных римских войск остановило расширение Римской империи. Однако совсем недавно на севере Германии были найдены следы крупного сражения между древними римлянами и германцами начала III века — т.о., после знаменитого поражения в Тевтобургском лесу Рим не оставил попыток покорить германцев...

Литература:

1. Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы. Пер. с англ. Е. Корягина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 348 с.
2. Polak F.L. The Image of the Future. 2 vols. — Vol. 1. — Leyden, The Netherlands: A.W. Sythoff; New York: Oceana Pub., 1961.
3. Буданова В.П., Токмаков В.Н., Уколова В.И., Чаплыгина Н.А. Древний Рим: Учебное пособие для вузов. — М.: Астрель, АСТ, 2006. — 688 с.
4. Das gemeinsame kulturelle Erbe des Römischen Reiches / Grenze des Römischen Reiches / Deutsche Limeskommission [электронный ресурс] // URL: <http://www.deutsche-limeskommission.de> (дата обращения: 17.04.2009).
5. Veyne P. L'Empire romain // Maurice Duverger (ed.) La Concept d'Empire. — Paris: Presses Univ. des France, 1980. — P. 121–130.
6. Лурье С. Translatio Imperii [электронный ресурс] // URL: <http://svlourie.narod.ru> (дата обращения: 18.03.2009).
7. Бердников И. Государственное положение религии в Римско-Византийской империи. — Казань: т-фия Императорск. Ун-та, 1881. — 580 с.
8. Егоров А.Б. Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э.Д. Фролова. — Вып. 5. — СПб., 2006. — С. 77–94.
9. Цуркан А.А. Трагедийный аспект имперского бытия (к вопросу о типологии языческой империи и православного царства) // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2004. — № 1. — с. 142–161.

10. Kennedy P. Rome offers Obama a lesson in limits // The Financial Times. — 2009. — 29 December [электронный ресурс]. URL: <http://www.ft.com> (дата обращения: 03.09.2011).
11. Pravec J. Pád řise evropské // Ekonom (29.07.2010) [электронный ресурс]. URL: <http://ekonom.ihned.cz> (дата обращения: 08.09.2011).

Отечественные историки и общественные деятели о перерастании монополистического капитала в государственно-монополистический

Комаров Кирилл Владимирович, председатель совета молодежных объединений

по реализации программы развития студенческого самоуправления;

Ашенкова Яна Сергеевна, студент

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

Коренной чертой современного империализма является усиление его государственно-монополистического характера. Материальной основой перехода к государственно-монополистическому капитализму является дальнейшее обобществление производства достижение высшей формы монополизации капиталистического хозяйства.

В основе развития государственно-монополистических отношений лежат внутренние антагонизмы капиталистического способа производства на его империалистической стадии. Их самой глубинной основой является то, что современные производительные силы не вмещаются в узкие рамки капиталистических производственных отношений. Достигнутый уровень и степень обобществления производства объективно обуславливают необходимость управления их функционированием и развитием из единого центра в масштабе всей страны и системы стран, объединенных узами международного разделения труда. Однако капиталистическая собственность расчленяет общественное по своему характеру производство на частные предприятия и их объединения, между которыми идет постоянная конкурентная война. Радикальное разрешение этого противоречия возможно лишь на пути революционного перехода от капитализма к социализму, который открывает неограниченные просторы для развития производительных сил.

В капиталистических странах основная часть производительных сил находится под контролем финансового капитала. Определенный их рост необходим монополиям, так как без этого невозможно систематическое увеличение монопольных прибылей. С другой стороны, для той же цели монополиям необходимо ограничивать развитие производства, ибо неограниченный рост его вел бы к «перенасыщению» рынка «избыточными» массами товаров, что мешало бы проведению политики монопольных цен и, следовательно, обеспечению монопольных прибылей. Противоречия капиталистической экономики настолько глубоки, что без самого широкого участия государства в хозяйственных процессах ни ограничение роста производительных сил, ни обеспечение их роста в пределах, опре-

деляемых интересами монополий, невозможно [6, с.592].

При капитализме государство есть комитет по управлению делами буржуазии. Однако обеспечить вмешательство государства в экономику в масштабах, определяемых современностью, ни мелкий, ни средний, ни даже просто крупный капитал не в состоянии. Это под силу лишь финансовому капиталу; лишь с его мощью может произойти органическое сращивание мощи государства. Образованный путем сращивания этих двух сил механизм ставится на службу коренным интересам монополий, спасения капитализма в целом.

Первопричиной не только возникновения, но и развития государственно-монополистических отношений являются внутренние антагонизмы капитализма в эпоху империализма. До первой мировой войны возникновение государственного рынка на производимые монополиями вооружение и военные материалы стимулировалось подготовкой империалистических держав к войне. Первая мировая война, как указывал В.И. Ленин, чрезвычайно ускорила и обострила этот процесс [13, с.3]. После войны эти отношения обуславливались опять-таки имманентными капитализму факторами, такими, как экономические кризисы 1930-х годов, подготовка ко второй мировой войне, которую развернули империалистические страны. В гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии государственно-монополистический капитализм быстро обретал наиболее реакционные черты военно-государственного монополистического капитализма.

Государственно-монополистические отношения образовались первоначально в простейших, неразвитых формах еще до общего кризиса капитализма. Их развитие было ускорено первой мировой войной на том ее этапе, который предшествовал Великой Октябрьской социалистической революции, то есть до того, как общий кризис капитализма обрел свойственную ему качественную определенность, иначе говоря, еще до развертывания революционного процесса ломки мировой капиталистической системы. В период между первой и второй мировыми войнами государственно-монополистические отношения

развивались уже под большим влиянием этого процесса. Рузвельтовский «новый курс» был введен в США с целью смягчить катастрофические последствия экономического кризиса 1929—1933 гг. Он включал, в частности, специальные государственные меры по смягчению безработицы, которая стала по своим размерам угрозой самому существованию капитализма, и применение утонченных методов по скрытому перекладыванию тяжести кризиса на плечи трудящихся. Вместе с тем он в немалой мере был продиктован необходимостью более широко использовать государство для спасения капиталистической экономики [6, с. 7].

Военно-государственные монополистические процессы во второй половине 1930-х годов в странах гитлеровской коалиции, а в период 1939—1945 гг., во всех воевавших капиталистических странах были, обусловлены специфически военными нуждами финансового капитала. Но вторая мировая война, в отличие от первой, была следствием чрезвычайно сложного переплетения уже двух групп противоречий — коренного антагонизма современного мира между двумя противоположными социально-экономическими системами, который международный финансовый капитал рассчитывал преодолеть путем простой ликвидации социализма в СССР, и столкновения конфликтных интересов империалистических группировок.

Если в одних отношениях война явилась следствием стремления правящих кругов империализма ликвидировать социализм, то в других — была порождена такими коренными закономерностями монополистического капитализма, как межимпериалистическая борьба за рынки сбыта, сырья и капиталов, за колонии, за территории, то есть борьба, определяемая самой природой империалистического капитализма независимо от его общего кризиса. Следовательно, государственно-монополистические отношения периода войны тоже определялись как процессами общего кризиса капитализма, так и формами.

После второй мировой войны в основе развития государственно-монополистических отношений продолжают оставаться факторы, определяемые самой природой капиталистического воспроизводства при империализме. К ним относятся: необходимость и противоречия монополистического использования современных научно-технических достижений; усиление классовой борьбы; усложнение взаимоотношений между монополистической и немонополистической буржуазией, между крупным и мелким производством; обострение конкурентной борьбы на мировом капиталистическом рынке.

Рост государственно-монополистических процессов есть коренная закономерность монополистического капитализма. Господство монополий, финансового капитала, коль скоро оно установилось, неизбежно растет каквширь, так и вглубь. Финансовый капитал все более совершенствует механизм своего господства. Он перестал бы быть самим собою, если бы активно и во все возрастающей мере не включал в этот механизм политико-ад-

министративную и экономическую силу государства. Но до общего кризиса активность финансового капитала в этом направлении стимулировалась стремлением усилить, распространить свое господство на новые сферы общественной жизни, новые районы капиталистического мира. А по мере развития общего кризиса эта активность все более диктуется и озабоченностью, страхом за сохранность самих условий монополистического господства, стремлением удержать его.

Степень интенсивности нарастания государственно-монополистических процессов неодинакова в разных странах и в разные периоды. Это объясняется внутренней противоречивостью государственно-монополистического капитализма. С одной стороны, он представляет собой объективный процесс. Развитие производительных сил властно требует регулирования экономики в масштабе всей страны. Частные интересы тех или иных монополий также вызывают потребность в государственном регулировании экономических процессов. Но, с другой стороны, то обстоятельство, что производительные силы принадлежат не обществу, а в решающей своей массе монополиям, препятствует осуществлению государственного регулирования экономики. Монополии идут на прямые формы государственного контроля над экономикой в условиях, когда страна переживает большие трудности, когда возникает угроза ликвидации капиталистических отношений. Но как только необходимость тех или иных разновидностей вмешательства государства в экономику становится не столь насущной, монополистическая буржуазия добивается их устранения. Это в целом сдерживает, тормозит развитие государственно-монополистических отношений [6, с. 8—9].

Касаемо сущности государственно-монополистического капитализма, то в его основе государственно-монополистического развития лежит всеохватывающее огосударствление, сначала развивавшееся по преимуществу стихийно, а затем осознанно форсируемое буржуазией. Огосударствление — это высшая форма концентрации, централизации и монополизации капитала, когда обобществленный характер процесса капиталистического производства выражается масштабами буржуазного государства. В.И. Ленин обращал внимание на «шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства» [15, с. 449]. Эти шаги идут в одном направлении. Огосударствление (этатизация) есть, прежде всего, экономическая категория, отражающая движение капиталистической собственности от индивидуальных к коллективным формам [22, с. 485]. Но этатизация выходит за пределы социально-экономических отношений, охватывая и все другие стороны жизни общества. Поэтому проблемы огосударствления общетеоретической, требующей междисциплинарного подхода к ее анализу.

Государственно-монополистический капитализм — это капитализм на том этапе его истории, когда объективно и субъективно развивающиеся тенденции и элементы обобществления в экономической, социальной и идейно-по-

литической сферах принимают размах огосударствления, когда огосударствление становится определяющей чертой в развитии буржуазного общества, а социальные силы, заинтересованные в сохранении буржуазного строя, приспосабливаются к объективному процессу обобщения, используя его в борьбе с социализмом [24, с. 86].

В марксистско-ленинском обществоведении никогда не вызывал сомнения вопрос о классовой, буржуазной сущности государственно-монополистического капитализма, нацеленного на максимальную активизацию всех средств капитала во имя сохранения и упрочнения его господства. Однако при анализе конкретного содержания этой сущности высказывались различные точки зрения. Одни авторы выделяли в качестве главного содержания ГМК подчинение монополиями государственного аппарата. Эта идея наиболее отчетливо проведена в работе И.И. Кузьмина [11, с. 423].

Л. Леонтьев аргументировано указывает, что данный тезис идет лишь по периферии такого важного феномена, как государственно-монополистический капитализм, не отражая всей глубины проникновения этатизма в организм современного буржуазного общества. При подобной трактовке «исчезает всякое существование различие между монополистическим и государственно-монополистическим капитализмом» [16, с. 108].

Существует две точки зрения, базирующиеся на единой презумпции, что в основе государственно-монополистического капитализма лежит процесс огосударствления. Но одни понимают его как тенденцию или свойство, органически присуще изначально и до конца монополистическому капитализму. А другие анализируют огосударствление как феномен, первоначально проявившийся в виде тенденций или свойств монополистического капитализма, а затем превратившийся в определяющую черту капитализма XX в., что открыло новую ступень в его развитии — этап государственно-монополистического капитализма.

Формулировка первой точки зрения принадлежит М.С. Драгилеву. Он считает, что ГМК — это имманентное свойство монополистического капитализма и отрицает возможность превращения государственно-монополистического капитализма в самостоятельную историческую ступень [9]. М.С. Драгилев обращает внимание на то, что в главных ленинских трудах по империализму нет специальных разделов о ГМК.

Исследование В.И. Лениным государственно-монополистического капитализма является гениальным вкладом в развитие марксистской экономической теории. Наблюдая лишь первоначальный этап формирования системы государственно-монополистического капитализма, В.И. Ленин обосновал вывод о превращении монополистического капитализма в государственно-монополистический. Сущность последнего В.И. Ленин видел в соединении (слиянии, сращивании) силы монополий и силы буржуазного государства в единый механизм [12, с. 83].

Определяя классовую природу государственно-монополистического капитализма, В.И. Ленин указывал на

то, что целью подобного соединения является спасение устоев капиталистического строя, обеспечение получения высоких прибылей финансовой олигархией. Превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический, по мнению В.И. Ленина, является одной из основных тенденций и закономерностей развития империализма. В ее основе лежит объективный процесс развития капиталистического способа производства и углубления всех его противоречий в новых условиях.

Но специально этими вопросами В.И. Ленин занялся в годы первой мировой войны, когда подобные тенденции получили дальнейшее широкое развитие. Исследуя экономику и политику новейшего капитализма, В.И. Ленин в своем классическом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» раскрыл все необходимое для понимания сущности, генезиса и основных форм проявления государственно-монополистического капитализма [14, с. 334].

Но особенно большое внимание вопросам государственно-монополистического капитализма В.И. Ленин уделял в период между Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революциями, поскольку в России тогда на первый план выдвигались задачи обоснования курса на социалистическую революцию, разработки экономической программы большевиков, определения отношения пролетарской революции к государственно-монополистическим тенденциям, быстро развивавшимся в России. Именно в это время В.И. Лениным были созданы такие классические исследования государственно-монополистического капитализма, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Государство и революция» [13, с. 34].

Анализируя причины развития государственно-монополистического капитализма, В.И. Ленин неоднократно отмечал влияние углубления социально-экономических и политических противоречий капитализма. По словам В.И. Ленина, война гигантски ускорила развитие мирового капитализма, «превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический» [15, с. 452]. «Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран...» [15, с. 443].

Одним из важнейших признаков государственно-монополистического капитализма В.И. Ленин считал прямое огосударствление производства. Он указывал на то, что государственно-монополистический капитализм вносит «начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма» [12, с. 83]. «Частные и государственные монополии, подчеркивал Ленин, — переплетаются воедино» [14, с. 370]. Одновременно указывалось на то, что «при сохранении частной собственности на средства производства все эти шаги и большей монополизации и

большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения, к закабалению трудящихся масс на много десятилетий данью капиталистам в виде уплаты миллиардных процентов по займам» [15, с. 449].

Сущность государственно-монополистической собственности была ярко раскрыта В.И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Касаясь соперничества частных банков, с одной стороны, и государственных сберегательных касс и почтовых отделений с другой, в деле централизации капиталов, В.И. Ленин подчеркивал, что речь идет, в конечном счете, об отношениях «двух столоначальников в одной канцелярии», что «государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности» [14, с. 334]. В другом месте, описывая проявления империализма на мировой арене, В.И. Ленин говорил, что государственные монополии наряду с частными «на деле являются лишь отдельными звеньями империалистической борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира» [14, с. 370].

Как видно из высказываний, государственно-монополистический капитализм понимался В.И. Лениным как мировое явление эпохи империализма. Причем его возникновение и развитие рассматривалось в неразрывной связи с концентрацией финансового капитала, ростом монополий, как результат дальнейшей монополизации экономики. Именно из самой природы монополии, из действия присущих ей внутренних закономерностей, из ее стремления и экспансии возникает процесс ее сращивания с капиталистическим государством. Следовательно, государственно-монополистический капитализм оказывается, по мысли В.И. Ленина, органическим порождением монополистической стадии капитализма.

Если, в начале XX в. процессы огосударствления только зарождались, то в дальнейшем, по мере углубления общего кризиса капитализма, этатизм настолько проник во все общественные структуры, что монополистический капитализм перенос государственно-монополистический. Поэтому представляется обоснованной другая точка зрения — тех советских экономистов, которые считают государственно-монополистический капитализм новым, самостоятельным этапом в развитии капитализма (монополистического капитализма). С. Тюльпанов, например, пишет о «государственно-монополистической фазе, начало которой относиться не к первому или второму, а примерно к пятому десятилетию XX в.» [25, с. 103–106]. Ю. Бойко выдвигает четкие критерии, позволяющие делать вывод о государственно-монополистическом капитализме как о «новой ступени развития капиталистического способа производства по

сравнению с монополистическим капитализмом первых десятилетий XX в.», подчеркивая, что при иной постановке вопроса «исчезает тот рубеж, когда та или иная тенденция превращается в доминирующий признак, пропадает диалектика процесса» [2, с. 108]. К определенному моменту государственно-монополистического капитализма превратился в целостную экономическую систему, «определяющую социальные отношения, политику, право, идеологию» [20, с. 4].

Одни ученые при характеристике государственно-монополистического капитализма используют категорию «исторической ступени», выдвинутую и широко использовавшуюся в свое время В.И. Лениным. Другие, делая вывод о качественном сдвиге в процессе перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, говорят о переходе империализма в новую фазу своего развития. Третьи видят качественное изменение в возникновении системы государственно-монополистического капитализма. Различие формулировок может создать даже впечатление о множественности позиций. Но в действительности, на наш взгляд, речь идет об одной и той же позиции, хотя в ряде случаев и с некоторыми различиями и особенностями.

Формой признания качественного изменения в процессе перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический является, в частности, использование ленинской категории «исторической ступени»). На эту сторону ленинского анализа государственно-монополистического капитализма обратил внимание в свое время А. Арзуманян. Основные выводы анализа А. Арзуманяна о генезисе государственно-монополистического капитализма можно было бы сформулировать следующим образом. Исходным пунктом государственно-монополистического капитализма является возникновение и господство монополий. Монополии определяют сущность государственно-монополистического капитализма, его историческое назначение и место. В монополии с самого начала заложена необходимость непосредственного государственного вмешательства в экономическую жизнь общества. Но степень этого вмешательства, его характер и формы определяются не только монополизацией капиталистической экономики, но и всей совокупностью социально-экономических противоречий империализма. Их углубление, особенно в период общего кризиса капитализма, а также мировые войны ускоряют процесс перехода к государственно-монополистическому капитализму. Сращивание монополий и государства усиливает господство монополистической буржуазии в обществе. Монополии используют государственно-монополистические меры в реакционных целях сохранения капитализма, борьбы против социализма и всех демократических сил. Но вопреки желанию монополистической буржуазии развитие государственно-монополистического капитализма обостряет противоречия капиталистического общества, вызывает все более острые классовые антагонизмы [1, с. 77].

Категория «ступень» широко используется в работах многих советских экономистов. «Государственно-монополистический капитализм, — пишет, например, В. Чепраков, — это ступенька внутри империалистической стадии капитализма, это новая, более развитая форма монополистического капитала, она воспроизводит на расширенной основе все антагонистические противоречия капитализма» [26, с. 13]. «Из того, что государственно-монополистический капитализм есть определенная ступенька в развитии монополистического капитализма вообще, — подчеркивает Л. Леонтьев, — вытекает с такой же непреложностью, что государство на этой ступени развития остается органом классового господства монополистической буржуазии, магнатов финансового капитала» [16, с. 434].

Демин А.А. считает, что «государственно-монополистического капитализм — это ступень в развитии империалистической стадии, для которой характерно усиление господства монополий и постоянное, многообразие вмешательства государства в экономику, воспроизводство капитала и процесс эксплуатации наемного труда в интересах монополистической буржуазии. Государственно-монополистического капитализм — это система производственных отношений капитализма, которая не меняет его природы, положения основных классов в системе общественного производства» [8, с. 6].

Большое внимание проблемам государственно-монополистического капитализма уделяется в двухтомном труде «Политическая экономия современного монополистического капитализма». В третьем разделе этого исследования — «Роль государства в экономике монополистического капитализма» — подчеркивается, что государственно-монополистический капитализм не может рассматриваться как явление обратимое, чуждое природе капитализма при так называемых нормальных условиях его развития. «Новейшее развитие государственно-монополистического капитализма заставляет в большей мере, чем раньше, — отмечают авторы книги, — обращать внимание на долговременные тенденции, и прежде всего на тенденцию огосударствления, на тот факт, что по мере усиления общественного характера производительных сил государство должно брать на себя все больший объем организационно-хозяйственных и идеологических функций» [22, с. 373]. Современный этап эволюции государственно-монополистических отношений характеризуется как «развитый государственно-монополистический капитализм». Его наиболее характерной чертой является «вмешательство государства в процесс воспроизводства на макроэкономическом уровне, проявляющееся в его попытках краткосрочного и долгосрочного регулирования всей хозяйственной системы в целом» [22, с. 379—380].

Ряд советских экономистов используют понятие «период государственно-монополистического капитализма», под которым понимается этап, на котором государственно-монополистические процессы получают особенно большое развитие» [4, с. 301—417].

Концепция «фазы», «системы», «исторической ступени» или «периода» объединяет признание качественного изменения в процессе перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. Это качественное изменение проявляется в формировании системы государственно-монополистического капитализма. А формирование последней и означает переход монополистического капитализма в «государственно-монополистическую фазу», «период», на новую ступень «развитого государственно-монополистического капитализма».

Как отмечается в книге «Государственно-монополистический капитализм» (общ. ред. Г.П. Черникова), государственно-монополистический капитализм означает все более полное «переплетение» монополий и государства». «Переплетение» не есть «полное слияние» или «полное сохранение самостоятельности» [5, с. 29]. Каждая из составных частей играет «собственную роль» при наличии единой общей цели. Последняя заключается в развитии накопления капитала и концентрации, усилении капиталистической эксплуатации и увеличении прибылей монополистических групп. В едином механизме государства и монополий первое обладает определенной автономией, которая представляет собой условие обеспечения буржуазным государством общих интересов монополистического капитала. Относительная самостоятельность государства обуславливается в первую очередь тем, что оно играет важную роль в капиталистической экономике. В процессе осуществления своей политики государство должно постоянно лавировать, учитывая конкурентную борьбу между финансово-олигархическими группами и противоречия, существующие между монополистическим и немонополистическим капиталом. Оно в большей степени, чем прежде, вынуждено принимать во внимание растущую силу рабочего класса. Государство исходит не только из текущих, но и зачастую из коренных интересов монополистического капитала. По вопросам экономики, политики, классовых отношений оно должно принимать и проводить в жизнь долгосрочные решения, направленные, прежде всего на то, чтобы уменьшить опасность, нависшую над самими основами монополистического господства. Государство должно при таком положении вещей подчинять первые вторым даже в тех случаях, когда это может вызывать недовольство тех или иных финансовых групп. Все это означает, что наличие определенной самостоятельности государства нужно в первую очередь монополиям для обеспечения своих собственных интересов.

Правильно подчеркивая отсутствие полного слияния государства и монополий, существование относительной автономии буржуазного государства, авторы работы сравнительно меньше говорят о второй стороне процесса государственно-монополистического развития, о происходящем переплетении, сращивании, слиянии монополий и государства в единый механизм. Однако классовый характер государственно-монополистического капитализма раскрывается в книге очень правильно и весьма глубоко.

«Все же, в конечном счете, — подчеркивают авторы исследования, говоря о сущности и деятельности государственно-монополистического механизма, решающая роль принадлежит монополиям» [5, с. 29].

Наиболее глубокой причиной развития государственно-монополистического капитализма, по словам авторов книги, является всеобщий закон капиталистического накопления и развитие производительных сил [5, с. 25]. «Итак, государственно-монополистический капитализм возникает... как продукт существующих антагонистических противоречий между трудом и капиталом, концентрации капитала и обобществления производства» [5, с. 25].

Таким образом, государственно-монополистический капитализм выступает как закономерный результат развития монополистической стадии капитализма, обусловленный всей совокупностью экономических законов империализма, прежде всего, действием основного закона монопольной прибыли, усилением капиталистической концентрации, ростом могущества монополий.

Субъектами государственно-монополистического капитализма являются монополии и государство. «Государственно-монополистический капитализм, — указывается в «Программе КПСС», соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн» [23, с. 26–27]. В ходе государственно-монополистического развития выявились, отмечают советские экономисты, «обе стороны медали». Одна — это усиление роли буржуазного государства, олицетворяющего господство всего класса капиталов, монополистической буржуазии в особенности, сосредоточения в его руках все большего числа рычагов воздействия на процесс общественного воспроизводства. Другая сторона — возрастания силы монополий [18, с. 61].

Сивачев Н.В. считает, что монополии и государство как субъекты государственно-монополистического капитализма нельзя противопоставлять друг другу, поскольку они содержат в себе однородную классовую сущность. Выступая в едином государственно-монополистическом комплексе, они усиливают эксплуататорский характер буржуазного строя. То, что не достигается частномонополистическим путем, реализуется благодаря расширению функций государства, действующего, прежде всего в интересах горстки крупнейших корпораций. Одним из доказательств этого может служить налоговая политика в странах капитала: монополии осуществляют через действия государства настоящее ограбление широких масс трудящихся. Мобилизованные таким путем огромные средства обращаются на укрепление внутренних и международных позиций монополистического капитала [24, с. 88]. В условиях государственно-монополистического капитализма «монополии получили возможность перекладывать на государство часть бремени, вызванного пере-накоплением и обесценением капитала» [19, с. 21].

Будучи продуктом концентрации капитала, монополии двигают дальше процесс обобществления. В 1950 г. в капиталистическом мире имелось только 4 корпорации, валовой оборот которых превышал 1 млрд. долл., в 1976 г. их число уже достигло 400. Составляя лишь 0,002% всех промышленных компаний, эта горстка гигантов владела 66% активов обрабатывающей промышленности буржуазных стран [10, с. 106].

Развитие процесса монополизации в 1950–1970-х годах имело ряд особенностей. Одной из них стал стремительный рост конгломератов. К характерным чертам конгломератной формы монополизации относятся поглощения компаний, не связанных с корпорацией-поглотителем производственно-техническими узами, ликвидация экономической самостоятельности крупных, финансово вполне дееспособных фирм, явно спекулятивные формы деятельности укрупненных таким путем концернов.

Другим важным моментом в эволюции монополий является возникновение транснациональных корпораций (ТНК). ТНК в действительности не являются многонациональными объединениями, а представляют собой монополии транснационального типа, распространившие сферы своего действия за пределы страны базирования путем прямого вставания в экономику «чужих» стран [17].

Наконец, несколько слов надлежит сказать о повышении степени классово-профессиональной организованности крупного капитала. В США, Англии, Франции, Италии, ФРГ и других странах государственно-монополистического капитализма после мировой войны произошло организационное укрепление высшего звена монополистических штабов — конфедерации промышленников.

Бесспорно, монополии стремятся подчинить государство, полностью своим интересам. Но их роль как субъекта государственно-монополистического капитализма гораздо шире. Они ведут курс на общее направление этатизации в выгодное крупному капиталу русло. Все это расширило и усложнило взаимодействие монополий с государственной властью.

Уже в годы первой мировой войны в Германии возникли государственные предприятия, получившие впоследствии всеобщее развитие в той или иной форме во всех странах государственно-монополистического капитализма. Государственные корпорации в 1980-х годах являлись преобладающей правовой формой государственного предпринимательства. В одних случаях они — результат национализации, в других — возникли вследствие роста «смешанной» экономики.

После второй мировой войны, капиталистическое государство следует рассматривать как существенно усложненный механизм классового господства буржуазии, внедряющий принципы этатизма во все клетки буржуазного общества. Расширение функций государства повышает его относительную самостоятельность в условиях государственно-монополистического капитализма, «его возможности как автономного компонента государственно-монополистической структуры».

Активность двух субъектов государственно-монополистического капитализма — монополий и государства — развертывалась неравномерно. В более спокойные для буржуазии моменты огосударствления шло в основном подсудно, а в кризисные времена принимало форсированный темп. Соответственно, в первом случае на авансцене более заметны были монополии, во втором — государство. До 1929 г. более активную роль играла частномонополистическая концепция, в 1929—1945 гг. — государство.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. нанес сильный удар по частномонополистическим устоям и резко ускорил огосударствление ряда структур буржуазного общества. Государство стремительно активизировало свою роль в решении социально-экономических проблем. С середины 1950-х годов монополии как субъект государственно-монополистического капитализма вновь активизировались. Но это не было возвратом к 1920-м годам, ибо повышение роли монополий произошло на базе уже прочно укоренившегося государственно-монополистического капитализма. С конца 1960-х годов противоречия и трудности государственно-монополистического капитализма настолько обострились, что принципы этатизированного подхода к решению социально-экономических проблем вновь стремительно выступала на первый план.

Итак, на основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

Подходы советских экономистов к изучению государственно-монополистического капитализма претерпевали серьезные изменения. В ранних работах по этой проблематике, в частности в книге И.И. Кузьмина обращалось внимание на то, что буржуазное государство представляет собой орудие монополий, используемое ими в целях своего дополнительного обогащения, при этом использовалась сталинская формула о подчинении государственного аппарата монополиям [11]. В дальнейшем советские ученые указали на другую важную функцию государственно-монополистического капитализма. По их мнению, в условиях существования мирового социализма монополистический капитал стремился использовать государство для разрешения противоречий, присущих капитализму, в целях увековечения господства буржуазного способа производства. Эта мысль нашла отражение в Программе КПСС, где говорилось, что «государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн» [23].

Более широкое толкование сущности государственно-монополистического капитализма привело к использованию формулы «сращивание государства с монополиями», которое, по мнению большинства советских экономистов, более правильно отражало суть процесса по сравнению с формулой «подчинение государственного аппарата монополиям».

При дальнейшем анализе советские исследователи все чаще обращались к ленинской формуле о перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический. Однако при толковании этой проблемы выявилось два подхода. Первый из них состоял в том, что перерастание в государственно-монополистический капитализм охватывает все стороны отношений. Как отмечал А.А. Арзуманян, «происходит дальнейшее государственно-монополистическое перерождение всей структуры капитализма. Перестраивается весь его механизм, вся экономическая политика» [1].

Другой же подход сводил государственно-монополистический капитализм главным образом к различным формам экономической деятельности государства. Предпринимались попытки связать степень развития государственно-монополистического капитализма со степенью развития государственной собственности. Хотя это «узкое» понимание не получило распространения, все же толкование развития государственно-монополистического капитализма как повышения роли государства в экономике встречалось довольно часто. В большинстве учебников государственно-монополистический капитализм рассматривался как одно из свойств современного капитализма наряду с пятью признаками империализма, о которых говорил В.И. Ленин.

Ряд экономистов (Э.Я. Брегель, В.А. Чепраков и др.) считали, что государственно-монополистический капитализм является ступенью в рамках монополистической стадии капитализма (после частномонополистического капитализма). Но такое мнение встретило возражения [3, 34]. В полемике, которая развернулась на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения», М.С. Драгилев возражал против того, чтобы рассматривать государственно-монополистический капитализм как особую ступень или фразу в развитии монополистического капитализма. По его мнению, государственно-монополистические черты присущи монополистическому капитализму практически с самого начала его становления [9].

Значительное место в литературе о государственно-монополистическом капитализме занимают работы, посвященные анализу форм государственного вмешательства в экономику: государственной собственности, государственного потребления, экономических и административных методов регулирования хозяйства.

Как отмечалось исследователями, в системе государственного регулирования экономики особое место заняла проблема экономического роста, которая в условиях сосуществования двух мировых систем превратилась для правящих кругов Запада в важную не только экономическую, но и политическую проблему. В этой связи была подробно изучена роль государства в накоплении капитала, в частности значение ускоренной амортизации в поддержании относительно высокого уровня капиталовложений в послевоенные годы, конкретный механизм, применявшийся для решения этой задачи в разных странах, роль государственных капиталовложений.

Привлек внимание исследователей и такой феномен послевоенной экономики ряда стран (Франция, Голландия, Италия и др.), как составление государственных экономических программ, государственное программирование экономики, которое выступает как результат высококоразвитого государственно-монополистического капитализма, когда государство стремится использовать все имеющиеся в его руках средства и рычаги для достижения каких-либо общих или частных целей.

Значительная часть исследований была посвящена милитаризации экономики как важному фактору развития государственно-монополистического капитализма. При этом если в 50-е гг. подчеркивалась главным образом роль милитаризации в обогащении монополий, то позднее большое внимание уделялось военному потреблению как фактору регулирования экономики, одному из важных антикризисных средств. Вместе с тем советские авторы убе-

дительно показали, что милитаризация истощает экономику, ведет к обострению противоречий. Все большее внимание исследователей (С.А. Далин, С.Л. Выгодский, Г.Н. Цаголов и др.) привлекал и вопрос о сращивании военно-промышленных монополий и государства, о формировании военно-промышленного комплекса [7, 33].

Ленинградские ученые А.А. Демин, Ю. Бойко и другие рассматривали государственно-монополистические комплексы как относительно обособленную группу монополий (структурообразующий элемент) и государственных учреждений (институциональный элемент) в конкретной области народного хозяйства, к которой притягивается ряд других корпораций различного уровня. Они выделяли атомный, аэрокосмический, информационно-вычислительный (информационно-электронный), эколого-индустриальный, энергетический, агропромышленный и другие комплексы [2, 10].

Литература:

1. Арзуманян А.А. Итоги мирового развития за 100 лет и актуальные проблемы международного революционного освободительного движения / А.А. Арзуманян // Х/МЭ и МО. — 1964. — №11. — с. 77.
2. Бойко Ю. О методологии анализа государственно-монополистического капитализма / О.Ю. Бойко // Мировая экономика и международные отношения. — 1973. — №5. — С. 103—110.
3. Брегель Э.Я. Критика буржуазных учений об экономической системе современного капитализма / Э.Я. Брегель. — М.: 1972. — С. 256.
4. Выгодский С.Л. Современный капитализм / С.Л. Выгодский. — 2-е изд., доп. — М.: Мысль, 1975. — С. 517.
5. Государственно-монополистический капитализм : в 2 т. : пер. с фр. / общ. ред. д-ра экон. наук Г.П. Черникова. — Т.1. — М.: Прогресс, 1973. — С. 429.
6. Государственно-монополистический капитализм: Общие черты и особенности. — М.: Политиздат, 1975. — С. 592.
7. Далин С.А. Военно-государственный монополистический капитализм в США / С.А. Далин. — М., 1983. — С. 147.
8. Демин А.А. Государственно-монополистический капитализм: проблемы, тенденции, противоречия / А.А. Демин. — Л.: Изд. Ленинградского Университета, 1983. — С. 150.
9. Драгилев М.С. Государственно-монополистический капитализм — органическое свойство империализма / М.С. Драгилев // Вопросы экономики. — 1972. — №9. — С. 1—14.
10. Кузнецов В. Государственно-монополистический капитализм 70-х годов / В. Кузнецов // Вопросы экономики. — 1978. — №6. — С. 106.
11. Кузьминов И.А. Государственно-монополистический капитализм / И.А. Кузьминов. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 423.
12. Ленин В.И. Война и революция. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — т.32. — 134 с.
13. Ленин В.И. Государство и революция. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — т.33. — 145 с.
14. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — т.27. — 457 с.
15. Ленин В.И. Резолюция о текущем моменте. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — т.31. — 534 с.
16. Леонтьев Л.А. Ленинская теория империализма / Л.А. Леонтьев. — М.: Наука, 1969. — С. 550.
17. Леонтьев Л.А. Роль государства в экономике современного капитализма / Л.А. Леонтьев // Мировая экономика и международные отношения. — 1974. — №1. — С. 104—112.
18. Милевский С. Монополии в современном капитализме / С. Милевский, Ю. Юданов // Проблемы мира и социализма. — 1978. — №12. — С. 15.
19. Милейковский А.Г. Новые тенденции в развитии государственно-монополистического капитализма / А.Г. Милейковский // Международная экономика и международные отношения. — 1979. — №12. — с. 4.
20. Мочерный С.В. Современный государственно-монополистический капитализм. Вопросы методологии / С.В. Мочерный. — Киев. — 1978. — С. 159.
21. Овчинников Р.С. Транснациональные монополии и исторический процесс / Р.С. Овчинников // Новая и новейшая история. — 1979. — №5. — С. 34.

22. Политическая экономия современного монополистического капитализма / Отв. ред. Н.Н. Иноземцев и др. — М, 1975. — 485 с.
23. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1962. — С. 26–27.
24. Сивачев Н.В. О некоторых проблемах государственно-монополистического капитализма / Н.В. Сивачев // Новая и новейшая история. — 1980. — № 3. — С. 85–102.
25. Тюльпанов С. Историческое место государственно-монополистического капитализма / С. Тюльпанов // Мировая экономика и международные отношения. — 1973. — № 10. — С. 103–106.
26. Чепраков В.А. Государственно-монополистический капитализм / В.А. Чепраков. — М.: Мысль. — 1964. — С. 382.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Фортификация Манилы периода испано-американской войны

Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, доцент
Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова

Порцева Людмила Павловна, кандидат исторических наук, доцент
Чайковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета

Существующая литература по испано-американской войне на Филиппинах как правило сообщает, что Манила представляла собой сильно укрепленный пункт. Но вот что касается описания конкретных фортификаций, то тут описания серьезно расходятся.

Исходя из анализа литературы, систему обороны Манилы можно разделить на четыре группы укреплений (см. табл.). Первая, самая удаленная, находилась в бухте Субиг (примерно в 30 милях северо-западнее Манильской бухты) на острове Гранде. Сильно укрепленные подступы к этой бухте давали бы кое-какие шансы на успех в борьбе с американцами: сконцентрированный же там флот представлял бы потенциальную опасность коммуникациям противника, блокировавшего Манилу. Адмирал Монтехо возлагал на эти укрепления большие надежды. Западный пролив был закрыт корпусами затопленных пароходов, а для защиты восточного предполагалось установить шесть орудий, взятых с Кавите и торпедные аппараты (см. рапорт адмирала Монтехо). В конце апреля, когда в бухту прибыла эскадра Монтехо, батареи все еще находились в стадии далекой от завершения. До конца войны, точнее до занятия острова американцами, удалось установить лишь четыре орудия [3, s. 97]. Естественно, что при таком плачевном состоянии вещей, испанцы не могли находиться в бухте Субиг.

Вторая группа укреплений обороняла непосредственно вход в бухту. Берег в этом месте был сравнительно высок, что ставило находящиеся там батареи в выгодное тактическое положение. Но из-за устарелой артиллерии, и несовершенства прицельных приспособлений, эти батареи не могли действовать у самого берега и в середине пролива (проливы были слишком широки для артиллерии конца XIX в.) так что, по меркам того времени, без поддержки флота эта группа укреплений не могла надежно защитить вход в бухту.

Вход в бухту разделялся на два пролива Бока Чика и Бока Гранде (по-испански соответственно — узкий и широкий вход).

Северный, узкий пролив Бока Чика был двухмильной ширины и с юга ограничивался островом Коррехидор (максимальная высота около 180 метров). Пролив защищали

со стороны Лусона две батареи: на мысе Горда и мысе Лассиси. С противоположной стороны, на острове Коррехидор, еще в апреле были спешно оборудован пост и форт, в котором стояли три старых дульнозарядных 203-мм орудия.

В южном, широком проливе Бока Гранде находилось два острова. Южнее Коррехидора примерно в двух милях — остров Кабальо (высота около 120 метров), а примерно в двух милях севернее противоположного берега Лусона — Эль Фраиль. Между Эль Фраилем и Кабальо ширина пролива была около 3.5 миль. С южной стороны, на берегу Лусона располагалась батарея мыса Рестигна. На острове Кабальо до начала войны успели установить три 152-мм орудия, снятых с крейсера «*Velasco*», а на острове Эль Фраиль — три 120-мм орудия с канонерки «*Lezo*» и крейсера «*De Ulloa*» [4, s. 159].

Средства подводной защиты проходов были также на весьма примитивном уровне. В работе Л.С. Владимиров, без ссылки на первоисточник, дается информация, что в распоряжении Монтехо находилось лишь 14 мин [1, с. 145]. Современному читателю, воспитанному на литературе о многочисленных минных банках в Балтийском и Северном морях, эта цифра покажется заниженной. Но по реалиям XIX в., когда практически все мины были кустарного производства, это считалось огромной (правда, в основном моральной) силой. По своей конструкции это были, вероятнее всего, примитивные мины с электрическим взрывателем от команды, подаваемой с берега. И, как обычно бывало с подобными минами, их истинная боевая ценность была близка к нулю.

Во-первых, с берега довольно трудно было определить необходимый момент взрыва, тем более людям, не имевшим никакого опыта. Как показывает практика, подобные минные заграждения взрывались не тогда, когда следовало бы.

Во-вторых, вследствие ширины проливов для, по-настоящему эффективного заграждения, потребовалось бы 100—150 мин.

И, наконец, в-третьих, мины, судя по всему, были поставлены с большой небрежностью. Как пишет Вильсон, большинство из них просто выбросили за борт, из-за чего

Таблица 1

Испанские береговые батареи в районе Манилы (по [3])

Батарея	Район	Вооружение
мыс Горда мыс Лассиси о. Коррехидор	Бока Чика	3 x 178 ML 2 x 160 BL 3 x 203 ML
о. Кабальо о. Эль Фрайль мыс Рестигна	Бока Гранде	3 x 152 BL 3 x 120 BL 3 x 160 ML
Северный бастион Централ. бастион Южный бастион Северная батарея Центр. батарея Южная батар. № 1 Южная батар. № 2 Subarda Pasige	Манила	5 x 160 ML 5 x 210 ML Гауб. 8 x 160 ML 1 x 240 BL 2 x 150 BL; 4 x 140 BL 1 x 240 BL 4 x 210 ML Гауб. 2 x 240 BL 2 x 160 ML; 2 x 120 BL
мыс Сангли San Felipe	Кавите	2 x 150 BL; 1 x 120 BL 3 x 160 ML
о. Гранде	Субиг	4 x 150 BL
Всего	3 x 203 ML; 3 x 178 ML; 21 x 160 ML; 9 x 210 ML гауб.; 4 x 240 BL; 2 x 160 BL; 3 x 152 BL; 8 x 150 BL; 4 x 140 BL; 6 x 120 BL	

они благополучно затонули. Этот подход кое-как бы себя оправдал, если глубина проливов составляла 5, максимум 10 метров, но не 30 и более метровую глубину, как это было здесь.

В работах П. Олендера (со ссылкой на работу Дж. Элликота) говорится, что было выставлено три банки [3, 4]: две в проливе Бока Гранде (разделенные островом Эль Фрайль) и третья — северо-западной острова Сан Николас. Но, возможно, была выставлена еще одна банка непосредственно у Кавите, о взрыве которой перед самым боем сообщается у Вильсона. Скорее всего, взрыв этой банки был вызван стремлением Монтехо обеспечить себе свободу маневра при сближении с американцами, но не исключена и возможность, что с берега просто не смогли определить точное местонахождение кораблей Дьюи и поэтому взорвали мины преждевременно.

В начале войны, до битвы 1 мая, в проливах несли дозорную службу малые канонерки «*Arayat*» и «*Leyte*».

Следующая группа укреплений располагалась в самой Маниле. Река Пасик разделяла город на две части: северную торговую и южную военную и официальную. На наиболее возвышенных местах последней было установлено пять батарей, вооруженных в основном современными казнозарядными орудиями (4 x 240 BL, 4 x 210 ML Н, 2 x 150 BL, 4 x 140 BL). Дополнительно, на южном берегу реки Пасик около устья, немного позднее, разместили и шестую (2 x 160 ML и 2 x 120 BL). За этими батареями находились старые укрепления, в виде кирпично-земляного вала и рва с водой, усиленные пятью рavelинами, три из

которых прикрывали подступы со стороны моря. Наиболее мощными из них был рavelин Люнета. Их вооружение было большей частью устаревшее (5 x 120 ML Н, 13 x 160 ML) [6, s. 98]. К юго-востоку от Манилы располагались ее пригороды Эрмита, Малате и Пако. Южнее них находится сравнительно узкий перешеек между Манильской бухтой и заливом Лагуна. К моменту общего штурма на этом перешейке располагался основной оборонительный фронт испанцев, усиленный линией блокгаузов и траншеями. Ближе к правому флангу линия обороны опиралась на форт «Пороховой погреб Сан Антонио Абада» (Polvorin de San Antonio Abad) или просто форт Сан Антонио. Он находился на «Королевской дороге» (Calle Real), соединявшей Манилу с Кавите. Эта дорога была главным путем к Маниле с южного направления.

На вооружении манильских батарей находилось несколько современных орудий Крупна, стоявших в хорошо защищенных земляных укреплениях, но прислуга их была практически открыта, а потому чрезвычайно уязвима для огня автоматического оружия. Эти укрепления были единственными на Филиппинах, вооруженные современными 240-мм орудиями (четыре штуки). Еще 2...3 подобных орудия и значительное число других более мелких так и не успели установить [2, с. 3]. Пушки конца XIX века настолько усложнились, что их уже было невозможно установить на боевые позиции за 2...3 дня, как это делалось традиционно на протяжении веков. А времени на монтаж орудий, бесполезно валившихся на песке, у испанцев уже не оставалось.

И четвертая группа укреплений, располагалась в Кавите. Порт Кавите, устроенный в глубокой и удобной бухте Бакор, имел ряд морских сооружений (док и эллинг для мелких судов), носивших название Кавитского арсенала. С востока город защищал устаревший форт Сан Фелиппе с тремя 64-фунтовыми (160-мм) дульнозарядными орудиями Палисьера, а с запада — относительно современная батарея из двух 150-мм орудий мыса Сангли, дополнительно усиленная 120-мм орудием, снятым с крейсера «*De Ulloa*», установленным в миле к юго-западу от батареи Сангли. По рапорту Дьюи следует, что 150-мм орудия были системы Трубия, но более вероятным представляется, что это были обычные орудия Ордоньеса.

Именно под защитой этих батарей и решил принять бой адмирал Монтехо, справедливо опасаясь, что останься он под защитой манильских батарей, Манила будет значительно повреждена огнем американских кораблей. Безусловно, подобное рыцарство кажется странным на фоне

первой, или второй мировой войны, которые знают не один прецедент, когда военные прикрывались гражданскими.

Испанские суда расположились двумя линиями напротив арсенала Кавите таким образом, чтобы не мешать друг другу вести огонь в направлении центра бухты и настолько близко к берегу, насколько позволяла осадка [2, стр. 97]. Западный фланг эскадры в бухте Канакао прикрывал Кавитский Арсенал, и поддерживался орудиями мыса Сангли и форта Сан Фелиппе. Однако последние имели слишком малый радиус действия, чтобы сыграть какую-либо роль в битве. Корабли Монтехо могли рассчитывать на поддержку батарей у Малате только при очень благоприятном стечении обстоятельств.

Таким образом, следует признать, что система обороны Манилы явно преувеличена в работах американских историков. Вероятно, основанная на воспоминаниях участников, которые стремились преувеличить свою роль в сокрушении Испании.

Литература:

1. Владимиров Л.С. Дипломатия САСШ в период американо-испанской войны 1898 года. — М.: Госполитиздат, 1957. — 256 с.
2. Манильское морское сражение. // Морской сборник. — 1898. — № 6. — С. 2–9.
3. Olender P. Bitwa pod Manilu (1898 r.) // Przegląd Morski. — 1987. — № 7. — S. 95–106.
4. Olender P. Wojna amerykacko-hispanicka na morzu 1898 r. — Warszawa: Lampart, 1995. — 216 s.

Боевой путь 355-ой Кировской стрелковой дивизии Калининского фронта (26.12.1941 – сер. июля 1942 гг.)

Ромайкин Иван Александрович, студент

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

Битва за Москву шла с 30 сентября 1941 года до 20 апреля 1942 года. Вместе с другими воинскими соединениями столицу защищали и воины 355-ой стрелковой дивизии. В отличие от других формирований она не удостоивалась ни наград, ни почетных наименований; ее история самая короткая и трагическая. Ее бойцы и командиры, которых пощадил свинец, не имеют даже медали «За оборону Москвы». Фондов этого соединения в Центральном Архиве Министерства обороны нет. Лишь небольшое количество документов о ее боевых действиях осело в фондах 39-ой и 22-ой армий. Поэтому только с помощью ветеранов, непосредственных участников событий, можно воссоздать её историю. В работе автор будет опираться прежде всего на свидетельства ветеранов дивизии, а также на фактический материал Центрального Архива Министерства обороны и публикации.

355-я дивизия была сформирована в Кирове осенью 1941 года. Рядовой и сержантский состав полностью состоял из уроженцев Кировской области. В состав дивизии входили: 1182, 1184, 1186 стрелковые полки, 922 ар-

тиллерия, 218 отдельный истребительно — противотанковый дивизион, 253 зенитная автотранспортная рота, 445 минометный дивизион, 421 разведроты, 442 саперный батальон, 810 отдельный батальон связи, 444 медико — санитарный батальон, 437 отдельная рота химзащиты, 474 автотранспортная рота, 213 хлебопекарня, 782 дивизионный ветеринарный лазарет, 1433 полевая почтовая станция, 732 полевая касса Госбанка. Общая численность дивизии составляла около 11 тысяч человек. В конце июля 1941 года дивизия, закончив комплектование и обучение, была направлена на Северо-Западный фронт в район областного города Калинина. 1 октября 1941 года командиром дивизии назначен полковник А.Е. Ходунович. 22 декабря 1941 года дивизия была включена в состав 39-ой армии Калининского фронта.

39-я армия была сформирована 15 ноября 1941 года в Архангельском военном округе на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 2 ноября 1941 года с непосредственным подчинением Ставке. Тогда же, 15.11.1941 г. на должность командующего армией был ут-

вержден генерал — лейтенант Иван Александрович Богданов, участник Первой мировой и Гражданской войн. 12 декабря 1941 года на должности командарма И.А. Богданова сменяет генерал И.И. Масленников.

Основные силы 39-ой армии сосредоточились в районе Торжка к 25 декабря 1941 года. К этому времени, совершив длительный и трудный марш, прибыла сюда и 355-я дивизия. В этот же день ее полки, получив оружие, вышли на передний край обороны. С рассветом 26 декабря, взаимодействуя с другими частями армии, дивизия приняла свой первый бой у деревни Рябиниха Торжокского района. Эта деревня в течение трех месяцев укреплялась немцами, было построено до 40 ДЗОТов и 30 блиндажей. Прорыв этого укрепленного района представлял исключительную важность. Участник этих событий А. Глушков вспоминал: «Немец в Рябинихе укрепился сильно. Наступление наше в первый день потерпело неудачу... Почему? Наша артиллерия отстала, и решили брать деревню так, на «ура», — начальники, видимо, были решительные. А немец тоже не дурак — допустил нас до сотни метров и ударил из пулемётов и миномётов — тут все мы и легли. Пока лежишь — ничего, стоит пошевелиться — начинают по тебе стрелять. Одеты мы были плохо, многие обморозились. Обмороженных вытаскивали в потемках. Винтовки наши не стреляли — они были новенькие, густо смазаны — замерзли. Этот урок, дорогой ценой оплаченный, даром не прошел. Мы поняли, что значит на рожон лезть. К исходу второго дня уже при поддержке артиллерии мы все-таки подобралась к деревне Рябиниха. Но на высоте Малиновской, в соснячке, укрывался немецкий дзот, преградивший путь пулемётным огнём. Тогда великий подвиг совершил боец Яков Николаевич Падерин. Он подполз к ДЗОТу, закидал его гранатами и закрыл своим телом амбразуру. Фашисты были выбиты из Рябинихи». [1]

Генерал-лейтенант И.А. Богданов

В Представлении к присвоению звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда Я.Н. Падерину описан штурм Рябинихи. Дополним им рассказ: «...27 декабря полк (имеется ввиду 1186 — й полк — Авт.) снова начал наступление на Рябиниху, имея задачу обойти её с флангов. 7-я рота получила приказ обойти деревню с фланга и быстрым броском ворваться в деревню. Более 400 метров ползли бойцы по глубокому снегу, выполняя задачу. Ураганный огонь противника всё больше и больше задерживал продвижение вперёд. Дальнейшее движение стало невозможным, вражеский станковый пулемёт, поставленный в ДЗОТе, преграждал дорогу, наступление задерживалось.

Рядовой боец, патриот нашей Родины принял смелое, дерзкое решение. Он, используя умело складки местности пополз к ДЗОТу с задачей уничтожить огневую точку. Не дойдя до ДЗОТа 20—25 метров, он был встречен оружейным огнем из окопа, находящегося рядом с ДЗОТом. Приготовленные гранаты были брошены в немцев, сидевших в окопах — немцы были уничтожены. После этого тов. Падерин во имя Родины пошел на великий акт самопожертвования. Он подполз вплотную к ДЗОТу, используя мертвое пространство, и быстрым победным рывком бросился на пулемет и своим телом прикрыв амбразуру, вражеский пулемет замолчал. Рота, используя акт высокого героизма Падерина, поднялась в атаку, и с возгласами за Родину, за Сталина ворвалась в деревню, это решило успех боя за деревню Рябиниха. К вечеру 27 декабря 1941 года дер. Рябиниха была взята, все вражеские ДЗОТы подавлены — оборона прорвана — враг в панике бежал, побросав пулеметы, пушки, автоматы. Всего под дер. Рябиниха было уничтожено до 2 рот вражеской пехоты, захвачено трофеев: 35 пулеметов, 40 автоматов, 4 пушки, много боеприпасов...» [2]

Дивизия с боями продвигалась вперед: Яруны, Скамейниково, Митьково, Ключи, Макарово, Раменка, Зуйки, Малые и Большие Воробы; с северо-запада части её подошли к станции Сычёвка (на линии Ржев — Вязьма), которая играла важную роль в снабжении группы армий «Центр». И.И. Ромайкин вспоминал: «Немцы тоже придавали этому пункту (т.е. Сычевке — Авт.) большое значение. Они понимали опасность сложившейся для них ситуации, за ночь подтянули сюда силы с других участков фронта, сосредоточили воедино все имевшиеся у них в распоряжении танки и самоходную артиллерию. Отбив штурм наших частей, они перешли в наступление. Завязался ожесточённый бой, длившийся более шести часов с переменным успехом...» [3, с. 5] Вооружены были винтовками и пулеметами системы «Максим». Артиллерийская батарея получала по 8 снарядов на сутки; минометчики вести огонь учились прямо в бою. Бойцы запасных полков прибывали вообще без оружия — его также добывали в бою. Дивизия несла большие потери; переживала тяжелые времена, не хватало командиров. Пришел приказ — готовить офицеров своими силами. Так был создан учебный фронтовой офи-

церский батальон: курсантов аттестовали по прошествии ускоренной программы...

Генерал-лейтенант И.И. Масленников

В ходе боёв наши соединения продвинулись на юг более чем на 100 километров от Торжка и глубоко вклинились в оборону 9-й армии группы армий «Центр». Но завершить успех так и не смогли — слишком большие потери мы понесли в предыдущих боях, а пополнение задерживалось, не имели бронетанковых сил — средств быстрого развития прорыва, отсутствие снарядов не давало возможности использовать артиллерию для борьбы с танками и авиацией, не хватало патронов, продовольствия. Подвоз всего необходимого велся по единственной дороге, проходившей в некоторых местах в 3–4 километрах от противника и непрерывно обстреливавшейся. Но вскоре и она была перерезана...

Удержание вклинения 39 армии и 11 кавалерийского корпуса, а также действовавших совместно с ними партизан требовало выделения значительных сил 9-ой немецкой армии. Наша группировка занимала плацдарм в непосредственной близости от основных коммуникаций группы армий «Центр» и вызывала серьезную головную боль у немецкого командования, которое 22 января 1942 года приступило к осуществлению разработанной командующим 9-ой немецкой армией генералом Моделем операции по её уничтожению, получившей кодовое наименование «Зейдлиц». Вдоль обоих берегов Волги навстречу друг другу — с запада, со стороны Молодого Туда, и с востока, от Ржева, — перешли в наступление мощные немецкие группировки. От Ржева наступали части VI-го корпуса: группа генерала Линдига и группа «Центр тяжести» генерала Рекке. Навстречу им пробивались 206-я пехотная дивизия и кавалерийская бригада СС «Фегеляйн». Наступление немцев поддерживалось танками, самоходными орудиями, дальнобойной и противотанковой артиллерией, а также авиацией VIII-го лётного корпуса.

Предвидя бои в бедных дорогами лесистых районах, командование 9-й немецкой армии организовало специальное подразделение — кавалерийскую бригаду фон дер Медена. Он возглавил соединение, называвшееся Kavallerie Brigade zbV beim Armeeoberkommando 9 (кавалерийская бригада особого назначения командования 9-й армии). Бригада состояла из трех полков по четыре-пять эскадронов в каждом. Эскадроны были смешанного состава: из тринадцати эскадронов шесть были на велосипедах, а остальные — на лошадях. Бригада была насыщена автоматическим оружием: в трех полках было более 30 станковых и 72 ручных пулемета, рядовые в максимально возможных количествах вооружались пистолетами — пулеметами. Тылы бригады были моторизованы, саперы передвигались на велосипедах, части связи были частично моторизованы. Каждому полку были приданы по шесть легких полевых гаубиц. [4, с. 370]

23 января 1942 года враг встречным ударом из районов Оленино и Ржев закрыл прорыв, и отрезал наступавшую группировку от остальных сил Калининского фронта. Железнодорожная магистраль Ржев — Великие Луки перешла к врагу. 355-я дивизия, как и вся 39 армия, оказалась в окружении.

«Начались тяжелые для нас дни. Сразу же весь состав был поставлен на строго ограниченный режим питания. В течение всего января 1942 года мы делали большие ночные маневренные переходы в тылу врага. В конце месяца попытались соединиться с войсками 30-ой армии, но попытка не увенчалась успехом», — вспоминал впоследствии И.И. Ромайкин об этом тяжелом периоде войны. С 26 января дивизия перешла к обороне в районе Сычевка — Осуга. Держать оборону было тяжело. Зимой 1941–42 годов стояли тяжкие морозы, земля промерзла, основной инструмент солдат — саперная лопатка — тупилась и ломалась, солдаты не могли «зарыться в землю». Оборонительные рубежи создавались из снежных валов и траншей, вырытых в снегу. [5, с. 6]

С продовольствием и боеприпасами обстановка была критической. Они доставлялись только по ночам самолетами ПО — 2. Солдаты и офицеры получали лишь по сухарю в день, они голодали, многие обессилели. К этому времени в дивизии скопилось уже полторы тысячи раненых. Они обслуживались 444 — м медсанбатом, который располагался в крестьянских избах и подвергался непрерывным налетам авиации.

Приведём фрагмент корреспонденции политрука 444-го медсанбата Войтенко: «Среди лесов стоит село Кузьмино. За околицей завязался ожесточенный бой... В школьном здании лежат раненые... Враги наседают, от снарядов загораются избы. В этой сложной обстановке мужественно орудут отважные патриотки Нина Измestьева, Женя Рохмачева, Тася Карепанова...»

Впоследствии Войтенко погиб, а много лет спустя его рассказ дополнила Т.Н. Карепанова: «В школе находилось около тридцати раненых, когда в деревню ворвались танки. Один из них шел на нас. Тогда командир эва-

ковзвода фельдшер Аршакян взял гранаты и подбил этот танк. Вернулся и сказал: «Теперь этот танк никуда уже не пойдет и стрелять в раненых не будет...» Это было 31 января 1942 года. [6]

Вскоре стало еще труднее. Немецкие танки и автоматчики, прорвавшиеся в тылы дивизии, отрезали 355 — ю дивизию от остальных сил армии. Потребовались невероятные усилия и жертвы, — дивизия потеряла всю свою артиллерию, — чтобы вновь соединиться с 39 армией и общим фронтом вести бои в окружении.

Вскоре снабжение дивизии прекратилось совсем. В медсанбате не было ни медикаментов, ни перевязочного материала. Н.В.Ромайкина (Измestyева) вспоминала: «... Деревня была заполнена ранеными. Лечить было нечем. Кормить было нечем. Население было уже под немцами... Все раненые умирали. Если б только посмотреть — у нас в медсанбате были такие красивые халаты. Для кого их беречь? Какие — то голубоватые. И вот этими халатами и закрывали раненых. Как зайдешь в дом — он пёстрый. Появилась такая завшивленность...» Будучи полуголодными, ослабленными, медицинские работники, находясь в невероятно сложных условиях окружения, делали операции, лечили раненых, собирали у населения продукты питания и кормили больных. Добрые, отзывчивые и трудолюбивые медсестры не только помогали раненым выздороветь, но и выпускали бюллетени, стенгазеты, организовывали концерты для раненых.

Многие из них уже были награждены медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» за вынос и эвакуацию тяжелораненых. Самоотверженно трудился врач Георгий Антонович Радзимовский, защищавший Родину с первых дней войны. Обороняя Вязьму, он был тяжело ранен и попал в плен; выздоровев, в лагере военнопленных тайно лечил наших бойцов, а в феврале 1942 года вместе с фельдшером Чухраевым бежал и оказался в распоряжении 355-ой дивизии. Он, как и все остальные медработники, всецело отдавал себя работе по спасению жизней солдат. «Мы с врачом Дикопольцевой, — вспоминал И.И. Ромайкин, — оперировали тяжелораненого с повреждением плечевой артерии. Потребовалась кровь. Георгий Антонович в это время отдыхал после многочасовой операции. Узнав, что нужна кровь, он, не задумываясь, предложил взять у него 450 кубиков. Солдат благодаря нему остался жив».

В конце апреля 1942 года положение окруженных облегчилось наступлением 22-ой армии под командованием генерала В.А. Юшкевича в направлении города Белый и успешными действиями 3-ей и 4-ой ударных армий, которые нанесли удар в направлении Великих Лук. Между городом Белый и станцией Оленино был пробит узкий коридор, по которому окруженные стали получать снабжение и пополнение. И все же, находясь в окружении, 355-я — дивизия вместе с другими соединениями уральской армии в районах Шиздерово и Мантуровских хуторов удерживала значительную территорию Калининской и Смоленской областей. Особенно трудными для

работников медсанбата были майские и июньские дни — фашисты стали вести себя более активно против наших войск. Ночи стали короткими; самолеты почти не прилетали. Остро ощущалась нехватка перевязочного материала — на бинты перерабатывали холст, а на заменитель ваты — льняную паклю, которую доставляли из окрестных сёл. [7]

29 июня 1942 года в разговоре по прямому проводу с И.И. Масленниковым командующий фронтом И.С. Конев указывал, что «не исключено в ближайшие дни наступление противника из района Белый в северном и северо-восточном направлении».

1 июля 1942 года дивизия приняла новый удар врага. Утром на фланги пошли танки и пехота противника, некоторые части дивизии были потеснены, но сдерживали напор врага. 2 июля 1942 года немецкие войска после короткой артиллерийской подготовки в 3:00 ударили с воздуха бомбардировщиками Ю — 87. С севера из района Оленино наступал двумя группами XXIII армейский корпус генерала Шуберта. Западную группу составляли части 1-й танковой, 110 и 102-й пехотных дивизий, восточную — 5-я танковая дивизия и кавалерийская бригада фон дер Медена. За два дня — 2 и 3 июля противнику удалось занять Безглядово. 3 июля наши бойцы у высоты 240 остановили немецкие части, не дали им прорваться им в тыл 39 армии.

Не сумев прорвать оборону дивизии лобовыми атаками, враг 4 июля силой до семисот автоматчиков и двадцати танков при поддержке авиации стал обходить её. «Все силы дивизии втянуты в бой. Резервов нет. В полках осталось по 40 штыков. Патроны на исходе. Но воины дивизии держатся стойко, уничтожая гранатами фашистские танки, удерживают рубеж. 2 — й батальон 1184 — го полка сражался до последнего и погиб полностью. По 20 человек — в других батальонах полка. Группа бойцов этого полка под командованием Осадчего гранатами и рукопашными схватками вторые сутки удерживает Бараново», — доносил в штаб армии заместитель командующего 22-ой армии генерал — майор А.Д. Березин. [8]

Положение стало критическим. К 18:50 фашисты ворвались на командный пункт. Командир дивизии А.Н. Рыжков (назначенный 14 января 1942 г.) передал последнюю радиogramму в штаб армии с просьбой перенести КП в лес севернее Минино. После этого связь с дивизией прервалась.

355-ая дивизия перешла на рубеж Воротыково. И здесь к ночи в районе Бараново — Воротыково она вновь оказалась в окружении, и вновь была вынуждена в течение десяти суток вести кровопролитнейшие бои. 1184 — й стрелковый полк погиб полностью.

Командующий 39-ой армией генерал — лейтенант И.И. Масленников вылетел из окружения вместе со своим адъютантом на У — 2; начальник штаба армии Мирошниченко, чтобы избежать плена, застрелился.

Тогда отказавшийся от эвакуации генерал — лейтенант И.А. Богданов принял командование 39-ой армии на себя,

Генерал-майор А.Д. Березин

и возглавил прорыв из окружения. 18 июля 1942 года мужественные воины прорвали оборону противника и соединились со своими войсками в районе города Белый. У деревни Крапивна Калининской области генерал — лейтенант Богданов был ранен. Выведя из окружения свыше десяти тысячи бойцов, он 22 июля 1942 г. от полученных ран скончался в госпитале. Погиб смертью героя при попытке прорваться из окружения и заместитель командующего 22-ой армией генерал А.Д. Березин и свыше двадцати пяти лет считался «пропавшим без вести в боях против немецко — фашистских войск в 1942 году». [9] Последний приказ, который получили воины дивизии — выходить из окружения самостоятельно, небольшими группами в 3—5 человек, направление — Нелидовские леса. Из окружения преимущественно выводили люди, знающие местность, содействовали партизаны. Многие и многие попали в плен или пропали без вести. Трагическим исходом завершилась попытка отдельных групп дивизии вырваться из кольца. Так, военврач 3 ранга 444 — го ОМСБ Галина Дикопольцева попала в плен к немцам, и вплоть до 1945 года считалась без вести пропавшей.

Но все же часть состава дивизии вместе с другими частями 39-ой армии вышла. «Вышли из окружения с боями в районе г. Нелидово Калининской области, — вспоминает И.И. Ромайкин, — при выходе был тяжело ранен командир дивизии комбриг Рыжков, и дивизия не вынесла Красного знамени. С момента выхода из окружения остатки двух дивизий 355-ой и 357-ой направили маршем на станцию Савёлово Московской области на формирование. С этого времени наша 355-я дивизия была полностью объединена с 357-ой Удмуртской дивизией и как самостоятельное воинское подразделение перестала существовать. После формирования 357-я стрелковая дивизия была направлена под Великие Луки в состав 3-й Ударной армии». Добавим, что комбриг Рыжков попал

в плен к немцам, 27 апреля 1944 года был исключен из списков Красной армии как пропавший без вести в боях против немецко — фашистских войск в июле 1942 г. [10] Впоследствии был освобожден из плена, передан в советскую военную миссию по репатриации в Париже, после чего был отправлен в Москву вместе с другими советскими генералами. После проверки был восстановлен в Советской Армии, в 1950 году уволен в запас. Приказ №01570—44 о его исключении из списков Красной Армии был отменен в 1951 году. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Итоги деятельности 355-ой стрелковой дивизии подведены в справке комдива Некрасова, батальонного комиссара Чекмарева, и.о. начальника штаба майора Зайцева, представленной военному совету 22-ой армии: уничтожено 6994 фашистских солдата и офицера, 1 бомбардировщик, 1 бронепоезд, 4 бронемашины, 40 танков, разгромлено 11 штабов полков и дивизий. Трофеи — 369 винтовок, 60 автоматов, 105 пулемётов, 15 минометов, 42 орудия, 3 бронемашины, 162 автомобиля, 183 повозки, 8 тысяч снарядов, более миллиона патронов и прочее.

В центральном Архиве Министерства Обороны находится Книга Почёта 39 армии, в которую заносились бойцы, проявившие в это время бесстрашие и храбрость в борьбе против фашистских захватчиков. В числе занесенных в Книгу в апреле — мае 1942 г были бойцы 355-ой дивизии. В их числе — Нина Васильевна Измestьева — медсестра 444 — го медико — санитарного батальона, спасшая жизнь 12 раненым бойцам, проявив при этом исключительное бесстрашие.

В связи с тем, что дивизия при выходе из окружения не вынесла боевое знамя, бойцы дивизии не удостоивались заслуженных наград. И вот тому подтверждения.

«Ст. сержант медицинской службы Измestьева Н.В., будучи ... младшей медсестрой 444 — го медико-санитарного батальона 355 с/д, во время пребывания батальона в дер. Коптеловка Смоленской обл. выполняла задание командования по эвакуации на самолетах тяжело раненых командиров, — значится в её наградном листе, — В течение двух недель под огнём противника с воздуха медсестра Измestьева быстро и чётко подготавливала к погрузке на самолёты до 60 чел. раненых. За эту работу Начальником санитарного отдела 39 армии сестра Измestьева была представлена к Правительственной награде — ордену Красная звезда». [11] Кроме того, там же читаем: «В дер. Кузьмино той же области (Смоленской — Авт.), работая сестрой в одной из палат, где было сосредоточено свыше 90 чел. раненых, ожидавших эвакуации, медсестра Измestьева в момент подхода к деревне противника, несмотря на сильный обстрел, сумела благополучно эвакуировать всех раненых. Последние 20 чел раненых были эвакуированы ею в момент, когда вражеские танки уже вошли в деревню и вели интенсивный огонь. За свою работу Измestьева была занесена в книгу почёта «Боевое Сталинское племя». [12] И 25 августа 1942 года в графе «Заключение вышестоящих начальников» появи-

лась резолюция: «Достойна награждения орденом Красной Звезды. Командир 357 с/д полковник Кроник». [13]

А награждена она была медалью «За боевые заслуги».

Такая же участь постигла многих врачей 444 — го медсанбата. Врач — ординатор 444-го ОМСБ Кузьма Никонович Гилев, который «в условиях неоднократной бомбардировки со стороны вражеской авиации всегда находился у операционного стола ..., за период с 12 февраля 1942 г (по 30 апреля 1942 г — Авт.), оказал квалифицированную хирургическую помощь 252 раненым бойцам и командирам» [14] тоже был награжден медалью «За боевые заслуги», хотя в этом же наградном листе стоит заключение: «Достоин представления к правительственной награде — ордену Красная Звезда. Военком, ст. политрук Войтенко». [15]

Врач-ординатор 444-го ОМСБ Мария Гавриловна Прокофьева, была представлена к ордену «Красное знамя», но также была награждена медалью «За отвагу», хотя «во время работы в боевой обстановке тов. Прокофьева неустанно и качественно обрабатывала раненых, и

за период работы в передовом отряде она произвела 235 сложных хирургических вмешательств. В трудную минуту... два раза отдавала свою кровь для спасения жизни раненых (в наградном листе подчеркнуто — Авт.)». [16]

И только в 1985 году эта «ошибка» в отношении всех бойцов Красной Армии, награжденных медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу» была исправлена. Им были вручены ордена Отечественной войны II степени «за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко — фашистскими захватчиками...»

Подводя итог этому героическому противостоянию под Вязьмой, Маршал Советского Союза Г.К.Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» написал: «Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника». [17, с. 375]

И стоила эта ошибка десятков тысяч жизней наших солдат и офицеров.

Литература:

1. Тяжкие дни отступления. — Кировская правда// 1994. — 6 июля
2. ЦАМО ф.33, оп. 682524, д.9
3. А.Ромайкин, И.Ромайкин. 200 дней в окружении//Солдат. — №2 (18). — 2010. — 6 мая
4. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова/ А.И. Исаев — М.: Яуза, 2005.
5. А.Ромайкин, И.Ромайкин. 200 дней в окружении//Солдат. — №3 (19). — 2010. — 9 мая
6. Там же.
7. Козлов П.Е. 355-я в боях за Москву // Кировская правда. — № 298. — 1986. — 28 декабря
8. Там же.
9. Нагорный А. Генерал Березин// Призыв. — 1982. — 22 июня
10. ЦАМО ф. 33, оп. 11458, д.233
11. ЦАМО ф. 33, оп. 682524, д. 215
12. Там же.
13. Там же.
14. ЦАМО ф.33, оп. 682524, д.669
15. Там же.
16. ЦАМО ф. 33, оп. 682524, д. 670
17. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления/ Г.К.Жуков. — М.: Издательство Агентства печати Новости, 1970.

Посольский обычай в России в конце XV – начале XVII вв.: опыт системного анализа

Шмелева Евгения Владимировна, магистрант

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Во многом благодаря деятельности Посольского приказа в России, в конце XV в. определился круг вопросов, которые для московских великих князей были «внешними». «Отчины» европейских и азиатских государей отныне вступали в конкуренцию претензий, прав, вер, ритуалов и историй, которые в церемониальных посольских

документах превращались в непререкаемую «старину», «обычай». [1, с. 5]. Ущерб от пограничных конфликтов, родовых и внутренних неурядиц терял былое значение. Во внешних отношениях между правящими домами на первый план вышло честное имя государя. Настоящие государственные угрозы вырастали из мельчайших нару-

шений дипломатического баланса. Московские великие князья с конца XV в. пользовались посольской практикой для утверждения своего суверенитета и авторитета, что само по себе постепенно превращало их в заложников церемониальной внешней политики.

Существующие многочисленные исторические исследования о деятельности Посольского приказа инспирируют провести попытку теоретического, системного осмысления этого феномена — отказаться от приёмов описательности. В связи с этим необходимо классифицировать и схематизировать имеющуюся информацию — простая трансляция образов прошлого здесь будет менее уместна, так как исследование рискует превратиться в летопись. Посольский обычай, выступая в роли культурно-политической системы, обладает рядом свойств, характерных для всех систем вообще: целостностью, структурностью, функциональностью, самоорганизацией, адаптивностью, подвижностью и изменчивостью. Среди всех перечисленных качеств именно свойство целостности позволяет вычлени систему из остальной совокупности социокультурных систем. Оно является визитной карточкой посольского обычая, поскольку даёт право отмечать уникальность и своеобразие этого феномена.

Одной из существенных характеристик является образность, наглядность посольского обычая. Он заметен в обществе: пышность церемоний, вовлечение значительных масс в осуществление дипломатической практики, символика официальной власти, используемая в деятельности Посольского приказа. Поистине посольский церемониал является «театром власти» [2, с. 5]. Этот театр нуждается в зрителе, в аудитории, поэтому публичность — ещё одно свойство русского дипломатического этикета. Как система, стойко вписанная в политические реалии позднего средневековья, церемониал посольский, безусловно, подчинён действию официальной идеологии власти, у него есть собственный «заказчик». Синхронно и этот «заказчик» зависит от церемониальной посольской политики, что подтверждает тот факт, что посольский обычай максимально приближен к власти и буквально является её отражением.

Посольский обычай — это обряд, ритуал, проведение которого осуществляется по строго установленным правилам и традициям, имеющим место в русском обществе. Отсюда вытекает ещё одна существенная характеристика: строгое подчинение законсервированным принципам и условностям. Многофункциональность посольского ритуального комплекса как формы презентации царской власти также рефлектирует свойство целостности. В этой многогранности функций можно рассматривать идейный, политический, социальный, эстетический его аспекты. Придворный посольский церемониал характеризуется устойчивостью, он способен сохранять свои основные свойства, характеристики и структуру в заданных пределах при различных внешних воздействиях.

Изучение посольского обычая в качестве системы предполагает, что он представляет собой совокупность

элементов или групп элементов, коими являются *процессы, «вещественные» константные компоненты и идеи.*

Процессы, как элемент изучаемой системы, отождествляются с обрядами, нормами и традициями приёма иностранных дипломатов в Москве и отправления русских послов за рубеж. Трудность достоверного реконструирования посольских норм вызвана тем, что эти традиции жили преимущественно в устной традиции, опираясь в большей степени на прецедент, случай. Необходимо осмыслить некоторые традиции в смысле историко-системного анализа. Все действия русских дипломатов в пределах и за пределами своего государства были направлены на поддержание имиджа своего государя. Не смотря на то, что посольский обычай конца XV — начала XVII вв. очень чутко отвечал вызовам своего времени, он является «наследником» традиции предшествующей эпохи. Поэтому, важно выяснить, какие традиции были унаследованы, а какие появились в указанный временной период. Кроме того, часть норм могла иметь пограничное, скользящее значение.

Одна из самых существенных норм — это порядок обмена визитами, последовательность отправления русских посольств и приём иностранных. Если отношения между государствами на какой-то период прерывались, а затем возникала необходимость их возобновить, то русскими почётнее считалось принять сначала иностранных послов, а потом уже отправить ответную миссию. Отправить посольство первому означало встать в положение просителя. В качестве доказательства своей правоты при Иване Грозном бояре, ссылаясь на прецеденты, утверждали, что обычай, согласно которому сначала прибывают литовские дипломаты в Москву, а затем русские — в Вильно, имеет двухвековую историю и «начат от великого князя Дмитрия Донского и от Олгерда короля» [3, с. 46]. Послы могли отправиться первыми без ущерба для чести монарха лишь тогда, когда новый правитель вступал на престол. Представляется, что такой «стиль» общения мог возникнуть как раз в эпоху становления централизованного русского государства, когда имидж государства мог быть нарушен малейшим происшествием.

Основным правилом, регулирующим поддержание царской чести, являлся принцип иерархии, согласно которому отношения должны осуществляться строго на соответствующих друг другу уровнях власти. Принцип иерархии дипломатических отношений своеобразно преломился в обычае присваивать отправлявшимся за рубеж русским послам фиктивные титул и звания. Дьяка, например, писали наместником какого-нибудь города, дворянина — окольничим и т.д. Это обстоятельство тщательно скрывалось, дабы не пострадала «государева честь».

Базовой традицией является встреча иностранных послов на границе русского государства. В связи с изменением политических условий, трансформацией идеи о царской власти в этот процесс «вливается» понятие чести:

почётнее было подъехать последними, спешиться с коня последними. Интересно происхождение такого обряда. В качестве гипотезы можно предположить, что эта традиция была заимствована с Востока — такие нормы фиксируются в свадебных и похоронных обрядах [5, с. 68]. Ещё один ритуал реализовывался перед вступлением посольства в столицу русского государства. На последний стан перед Москвой послам присылались лошади, на которых они должны были прибыть к месту официальной встречи. Этот обряд носил подвижный, не универсальный для представителей иностранных держав характер, так как использовался, по-видимому, только в отношениях со странами Западной Европы. Анализ посольских документов показывает, что «великие» послы литовские въезжали в Москву на своих лошадях, что было делом обычным. Предположительно, возникновение такой традиции предоставления лошадей связано с европейским влиянием, и с тем, что английские и датские послы прибывали преимущественно морским путём и не всегда имели при себе лошадей.

Одним из самых ранних принципов посольского церемониала являлся, как бы мы выразились сегодня, принцип «экстерриториальности» послов. Право посольской неприкосновенности в средние века было законом, причём тем более незыблемым, что он покоился не на букве, а на обычае. Существовали и письменные гарантии неприкосновенности прибывших в страну иностранных дипломатов, оформленные в виде так называемой «опасной грамоты». Традиция содержать послов как почётных пленников, при этом беря на себя их содержание, существовала одновременно и в России, и в Европе, и в Византии. Вероятно, такая норма возникла в этих государствах автохтонно: любая власть заботилась о сохранении государственных секретов и не желала, чтобы иностранцы выведали лишнее. Содержание же послов за счёт принимающей стороны было актом вежливости и уважения к представителю иного государства. Новшеством для XVI в. была организация посольского подворья для представителей разных государств, но опять же, этой чести удостаивались не все. Наличие или отсутствие подворья для делегатов являлось характерным показателем отношения к тому или иному государству.

Постепенно формируется совокупность требований поведения на аудиенции к русскому послу, находившемуся за границей. Одним из таких требований было то, чтобы во время аудиенции в приёмных покоях иностранного государя не было представителей каких-нибудь других монархов. Истоки таких требований можно проследить со времён Древнерусского государства: княгиня Ольга, будучи на аудиенции у Византийского императора, по-видимому, была там одна [6, с. 106]. Важные изменения произошли и в поведении великого князя. Если раньше Великому князю приходилось стоять перед послами золотоордынского хана, то теперь, когда ига больше не существовало, русский государь, конечно же, сидел во время аудиенции. Хотя, посольские книги по связям с Крымским

ханством свидетельствуют о том, что и при Иване III, и при Василии III сохранялся обычай коленопреклонения послов на аудиенции у Крымского хана [7, с. 260]. Ещё один важный принцип дипломатической игры, который появляется в конце XV в. — это обычай говорить русским послам напрямую с монархом за рубежом. Этот обычай отражался и в поведении государя: он сам задавал вопросы послам. Это показывает, что традиция была отличной от византийской, где василевс общался с дипломатами через логофета. Вопрос о здоровье государя на аудиенции, очевидно, был также общей традицией для государств средневековья, он существовал как акт вежливости [9, с. 109]. Но на аудиенции у русского государя к XVI в. сформировалась своя традиция: литовцы и датчане общались с царём через посланника, имперские послы — напрямую. Англичане в бытность Дж. Горсея послом общались с царём без посланника, а в связи с ухудшением отношений во второй половине XVI в., когда в страну приехал Боус — через посланника. Из предыдущих размышлений очевидно, что вектор обрядовых и символических заимствований в русском посольском обычае простирался с Запада (Европа) на Восток (наследие Золотой Орды).

«Язык вещей» в дипломатическом протоколе позднего средневековья был не менее ярким, чем сами церемонии. *«Вещественные» компоненты* — это инсигнии власти, официальные символы власти, церемониальные одежды, институт посольских даров и документация — наследие Посольского приказа. В рамках данной статьи предполагается рассмотреть два таких компонента. Некоторые из этих элементов изучаемой системы тоже носили пограничный характер. В этом смысле весьма любопытна роль института посольских даров, которые в Посольском приказе отождествлялись как «поминки». Мы не располагаем значительными сведениями о том, как состав даров зависел от конкретной политической обстановки, какой смысл дарящая и получающая стороны вкладывали в тот или иной подарок. Поэтому, необходимо рассматривать посольские дары не только как предметы искусства, но и как своеобразные исторические источники и определенную семиотическую систему [10, с. 20]. С уверенностью можно сказать, что дары имели место в отношениях Московского государства как с европейцами, так и с представителями восточных государств, что подтверждается «рописями подарков» Посольского приказа [11, с. 1–5]. Симптоматично, что европейцы проще относились к подношению даров, а вот русских этот обычай прельщал всё больше. Тема даров в дворцовом этикете Ивана III с точки зрения их числа и характера была еще как-то приближена к стандартам Западной Европы. Последующие же эпохи — Василия III и Ивана IV — внесли серьезные изменения: российская дипломатия начала демонстрировать явное неудовольствие в случае отсутствия посольских даров. Одновременно московская дипломатия начала обращать большее внимание и на ранг привозимых даров. После падения Золотой Орды Русское государство стремилось выстроить прагматичную систему отношений

с постордынскими государствами: нужно было преодолеть унижительное «наследие» и создать новую систему иерархии. Однако политическая борьба Руси и Литвы с конца XV в. мешала проведению в жизнь этих действий. Зачастую «поминки» в процессе политических отношений трактовались государствами ситуативно — также как и во время существования ига. В Литве русские «поминки» восточным правителям оценивались преимущественно как дань [12, с. 19]. Такая же ситуация наблюдалась и со стороны русских. С экономической точки зрения, дары представляли собой своеобразную плату степным государствам за сохранение политики, которая хоть как-то соответствовала интересам Москвы. Качественно новую функцию дары приобретают с середины XVI в. в отношениях с Ногайской Ордой: постепенно нарастает жалованная тенденция в понимании «поминок». Они приобретают право «годового», где уже точно определяется состав и количество отсылаемых предметов (обычно это были шубы, сукно, бумага) [13, с. 25].

Дары, безусловно, носили и символические значение, они могли транслировать образы государственной власти. Это, в частности, касается кареты, подаренной англичанином Смитом Борису Годунову в 1604 г. [14, с. 21] Карета была покрыта многочисленными изображениями, имеющими глубокий идейный смысл. На ней присутствовали резные изображения русского двуглавого орла, фигурами льва и единорога. Англичане поступили дальновидно, используя символический язык, доступный и близкий русской стороне. Царский двор активно пропагандировал изображение двуглавого орла как символ Российского царства. Члены царского двора также могли легко понять значение фигур льва и единорога, окружавших орла на карете. Таким образом, геральдическая композиция кареты эффектно выражала главную политическую идею посольства Смита — стремление нового английского короля к близким отношениям с Россией.

Достойное место среди *предметных константных* элементов занимала посольская документация. Новшеством XV — начала XVI вв. становится появление дипломатической документации, постепенно накапливающейся и структурирующейся. Показательны в этом случае «наказы» русским послам — письменные правила поведения от русского государя. Несмотря на столь позднее появление, указы являются своеобразным заимствованием из Древнерусского периода, поскольку они ведут своё начало от «наказных речей» XI — XIII вв. [15, с. 184]. Их появление связано с тем, что в средневековье отсутствовала постоянная оперативная связь между странами, что и вызывало мельчайшую детализацию указаний. Но строгое подчинение наказам не свидетельствует о косности и рутинности посольской традиции, ведь служащие Посольского приказа в первую очередь заботились о сохранении лица своего государя и именно поэтому неотступно следовали содержанию инструкций. Ещё одним новшеством стали формализованные отчёты послов — статейные списки, носившие официальный характер [16, с. 268].

Существование таких отчётов можно проследить до последней четверти XVII в., пока не были созданы постоянные дипломатические миссии. Статейные списки были одним из главных источников о событиях, происходящих за рубежом: с конца XV в. накапливается обширный материал, который впоследствии стал основой архива Посольского приказа.

На рубеже XV—XVI вв. в русском обществе происходят значительные трансформации и в понимании феномена власти. Одной из «констант» русской средневековой культуры была идеология власти [17, с. 86]. Системность феномена посольского обычая отражается в том, что одним из его базовых элементов являются *идеи*, а именно идеи о царской власти, которые находили своё отражение в деятельности Посольского приказа. Историческая действительность эпохи позднего средневековья в России постоянно сталкивала Посольский приказ с надобностью защищать государеву честь, отстаивать принципы, идеологию власти. С конца XV в. в России формируется комплекс идей о сущности государственной власти, поэтому эти сюжеты начинают активно использоваться в практике дипломатических отношений. Исторические предания о власти, сконцентрированные на личности правящей персоне, были неотъемлемой частью посольской «историографии». Ряд основополагающих идей был заложен в понимание власти в России в то время: претензии великих князей на равностатусность среди прочих монархов; поиски имперской идентичности (особенно в ракурсе падения Византийской империи); централизаторская идея собирания земель вокруг Москвы; подчеркнутая православно-властная идея избранности всего правящего рода (а не только конкретного носителя власти); идея преемственности (что отразилось в притязаниях на великокняжеский и царский титулы). Все эти идеи приходилось отстаивать русским дипломатам за рубежом. Для этой цели создаются политические легенды, например, «Сказание о князьях Владимирских» и высказываются идеи — «Москва — Третий Рим», которые успешно и многократно начинают транслироваться Посольским приказом для удостоверения древности, благородности правящей династии в России. В частности, в стенах РГАДА (г. Москва) в фонде 156 (опись 1, дело 133) хранится документ «Выписка о присылке царского венца и святых барм из Греции к великому князю Володимеру Всеволодовичу Мономаху», которая датируется 1120 г. [18, 4 л.] После анализа документа стало ясно — он не мог быть создан в 1120 г., что доказывает, что служащие Посольского приказа намеренно фабриковали тексты в угоду политическим целям власти. Здесь ясно работал принцип «анахронизма» — апеллирования к старине. Закономерный вывод в данном случае таков — Посольский приказ играл далеко не последнюю роль в идеологическом мифотворчестве в России конца XV — начала XVII вв.

Обозначив свойства элементов изучаемой системы, автор приходит к следующему выводу о сущности всей системы: сливаясь в единый комплекс, элементы посоль-

ского обычая в России придают этому феномену качественно новую особенность — свойство эмерджентности (системности). В свою очередь этот атрибут системы выражается в особой функции русского посольского обычая: он, будучи отражением власти, является формой её презентации.

Литература:

1. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М., 2005. С. 5.
2. Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 5.
3. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведётся...». М., 1988. С.
4. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. / Россия XVI века в воспоминаниях иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 276–277.
5. Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Ленинград: Наука, 1990. С. 68.
6. Чистякова Е.В., Рогожин Н.М. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 106.
7. Croskey, R.M. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan. // Slavic Review. 1984. Vol. 42. №. 2. p. 260
8. РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.
9. Богатырёв С.Н. Дары английского посла Томаса Смита Борису Годунову // Научная конференция «Россия — Британия». Тезисы докладов. М., 2003. С. 20.
10. РГАДА. Ф. 156. Исторические и церемониальные дела. Оп. 1. Д. 135. 5 л.
11. Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI в. // Вестник МГГУ им М.А. Шолохова. История и политология, №4., 2011. с. 19.
12. Там же. С. 25.
13. Богатырёв С.Н. Дары английского посла Томаса Смита Борису Годунову // Научная конференция «Россия — Британия». Тезисы докладов. М., 2003. С. 21.
14. Чистякова Е.В., Рогожин Н.М. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 184.
15. Казакова Н.А. Статейные списки русских послов в Италии как памятник литературы путешествий (середина XVII в.) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 268.
16. Каравашкин А.В. Московская Русь и «Ромейское царство». Историософия династической богоизбранности в публицистике XVI столетия // Россия XXI., 1999. № 3. С. 86.

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аграрные преобразования начала 50-х гг. XX в.: просчеты и ошибки (на примере сельских территорий Южного Урала)

Андреева Галина Петровна, старший преподаватель
Оренбургский государственный институт менеджмента

Сегодня развитие аграрного сектора в нашей стране рассматривается в качестве одного из приоритетных национальных проектов. Это свидетельствует о том, что с одной стороны, в данной сфере накопилось множество серьезных проблем, требующих своего решения, в том числе и на законодательном уровне, а с другой — что идет поиск новых подходов к формированию аграрной политики государства и определению направлений его воздействия на экономические процессы. Немаловажным условием преодоления сельскохозяйственного кризиса становится основательное изучение предшествующего исторического пути, а также обстоятельный анализ исследований, посвященных опыту аграрных преобразований, оказавших существенное воздействие на развитие всего государства в целом. Осмысление недавнего прошлого российской деревни, прежде всего, позволит менее болезненно изменить существующее положение дел и избежать серьезных ошибок в будущем.

В начале 50-х годов экономическая ситуация в колхозах продолжала оставаться тяжелой. Причинами острого кризиса в аграрном секторе экономики были не только последствия Великой Отечественной войны, засуха 1946 г. и голод в ряде районов. В конце 40-х — начале 50-х годов наметился глубокий кризис всей колхозно-совхозной системы. Он был генетически связан с общим кризисом сталинской модели социализма в послевоенное время. Хотя в целом за 1947—1952 гг. было принято более 40 важных постановлений по сельскому хозяйству, но все они не меняли экономических отношений в стране [1, с. 118]. Сложившиеся еще в 30-е годы неравноправные экономические взаимоотношения между государством и колхозами, социальное и правовое ущемление крестьян дополнились более сильным административным и налоговым прессом, особенно начиная с 1948 года [2, с. 118]. Колхозная деревня опять стала основным источником поступления средств и трудовых ресурсов для восстанавливающейся промышленности, темпы развития которой значительно превышали темпов развития сельского хозяйства. Если к концу четвертой пятилетки в результате героических усилий колхозного крестьянства, работников совхозов

и МТС сельскохозяйственное производство страны достигло лишь довоенного уровня, в то же время валовая продукция промышленности превзошла тот же уровень на 73% [3, с. 55]. Медленное развитие аграрного сектора отрицательно влияло на темпы экономического развития страны и уровень народного благосостояния.

Осознавая создавшуюся ситуацию в аграрной сфере XIX съезд ВКП (б) в директивах по новому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. наметил меры по укреплению аграрного сектора. Предусматривалось увеличить государственные капитальные вложения в сельское хозяйство по сравнению с четвертой пятилеткой более чем в 2 раза, значительно поднять его техническую оснащенность и на этой основе добиться роста качественных показателей и объема сельскохозяйственного производства [4, с. 55]. Однако аграрная политика советского руководства отличалась непоследовательностью и волюнтаризмом. Намечаемые рубежи развития сельского хозяйства объективно не могли сочетаться с научными, реальными средствами, методами их достижения [5, с. 281]. Поэтому за первые годы пятой пятилетки ощутимых сдвигов в аграрной сфере страны, в том числе и на Урале не произошло [6, с. 277]. В то же время село превратилось в полигон для всякого рода реорганизаций и преобразований.

Среди таких мероприятий пятидесятых годов прошлого века особое место занимает кампания по укрупнению колхозов, начавшаяся в 1950 году. Некоторые исследователи ее считают «магистральным направлением аграрной политики этого периода», так как советское руководство видело в ней «один из путей повышения эффективности сельскохозяйственного производства» [7, с. 206]. Процесс объединения мелких хозяйств в более крупные достиг столь значительного уровня, что фактически перерос рамки просто организационных форм укрупнения колхозов и оказал заметное влияние на перестройку всей сельской поселенческой сети страны. Так по СССР было укрупнено 79,3% сельхозартелей, а по Уралу — 60% [8, с. 58]. Отставание Уральского региона от показателей по стране можно объяснить как природно-географическими

особенностями края, так и спецификой его экономического развития. В результате укрупнения число колхозов на Урале сократилось с 13429 в 1946 г. до 6937 в 1950 г. [9, с. 204].

Массовое укрупнение колхозов на Южном Урале (как и по всей стране) началось также в 1950 г. Наибольшего размаха этот процесс достиг в Курганской области (55%) и в Башкирии (51%) [10, с. 59]. До начала укрупнения в республике насчитывалось 4387 колхозов, к 15 января 1951 г. было объединено 3035 колхоза, из которых создано 1126 объединенных сельскохозяйственных артели. К 1953 г. число колхозов сократилось до 1593 [11, с. 45; с. 266]. То же самое происходило и в Челябинской области: в 1950 было 889 колхозов, а в 1952 году — уже 484 [12, с. 443]. В то же время в Оренбургской области по состоянию на 1 января 1951 года объединилось 1238 мелких сельскохозяйственных артели, из которых было создано 459 крупных колхозов [13]. Историк Пузанов В.С. приводит несколько иные цифры. По состоянию на 25 января 1951 г. 1281 мелкое коллективное хозяйство Оренбургской области объединилось в 447 крупные сельскохозяйственные артели [14, с. 218]. Но, так или иначе, мы видим, что масштабы укрупнения сельхозартелей были весьма значительными. Во многих районах области количество колхозов значительно сократилось. Например, в Шарлыкском на 48, Екатеринбургском на 36, Пономаревском на 35, Троицком на 35, Октябрьском на 29 и т.д. [15] Так, например, колхоз «Красный колос» Тепловского района Оренбургской области был организован на базе трех колхозов: «Красный колос», «Вербовый Сырт» и «Пятилетка» [16].

В свою очередь в укрупненных колхозах значительно возросли масштабы хозяйства. Если до объединения на один колхоз в среднем приходился 71 двор и 107 трудоспособных колхозника, то теперь каждая артель объединила 193 двора с 290 трудоспособными колхозниками [17]. Тот же колхоз «Красный колос» объединил 221 личное хозяйство с количеством колхозников 338 человек: из них 115 мужчин и 223 женщины [18]. Соответственно увеличился и размер земельных площадей, закрепленных за колхозами. Из приведенных данных в таблице можно сделать вывод, что в целом в результате укрупнения создавались крупные по своим размерам хозяйства с большим земельным фондом.

К тому же процесс объединения обычно сопровождался дополнительным увеличением земель колхозов за счет государственного земельного фонда. В 1950—1953 гг. количество крестьянских дворов на колхоз в среднем по стране возросло в 2,8 раза, а площадь общественных посевов — в 3,2 раза» [19, с. 60]. В итоге появились крупные по своим размерам хозяйства, для которых была характерна значительная территориальная разбросанность населенных пунктов, как правило, со слабо развитым транспортным сообщением между ними, неудовлетворительным состоянием сельских дорог и невысокой плотностью населения.

Укрупнение мелких колхозов в 1950—1951 гг. определялось основными положениями Постановления ЦК ВКП

(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» и Постановления Совета Министров СССР от 17 июля 1951 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов». В них отмечалось, что необходимым условием развития колхозного производства является его укрупнение, оно позволит использовать с наибольшей отдачей сельскохозяйственную технику, трудовые ресурсы и землю [20, с. 56]. «Только крупное колхозное хозяйство имеет все возможности наиболее рационально применять машины, широко использовать достижения науки, применять удобрения, поднимать производительность труда, развивать все отрасли колхозного производства и давать наибольшее количество товарной продукции» [21, с. 53]. Однако, приняв данные постановления и пытаясь их реализовать, советское руководство не учло некоторые факторы действительности. А именно то, что общество в то время не располагало необходимыми ресурсами для масштабного проведения подобных работ и, тем более не способно было осуществить их скоротечно. Доказательством тому служат данные, приведенные в выписке из протокола заседания Президиума Совета по делам колхозов при Правительстве СССР о состоянии дел в Оренбургской области. В ней говорится, что «хозяйственная деятельность колхозов затруднена тем, что очень многие из них далеко расположены от железной дороги и не имеют собственного автотранспорта. В колхозах области имеется всего около 800 автомашин, а исправных из них лишь 393. Более 400 машин длительное время совершенно не эксплуатируются по технической неисправности и требуют капитального ремонта. 500 колхозов совсем не имеют грузовых автомашин, а многие укрупненные сельскохозяйственные артели с посевной площадью в 6—8 тысяч гектаров имеют в своем распоряжении одну полутонную автомашину. При большем расстоянии полей, имея недостаток в тягле, даже не могут вовремя подвезти семена во время сева [22].

Между тем зачастую и местные органы вносили на рассмотрение колхозных собраний экономически необоснованные предложения об укрупнении колхозов, не подкрепленные мерами интенсификации производства. Этот факт подтверждают архивные данные. Практика руководства колхозом им. Сталина Сарай-Гирского сельсовета в течение последующих 6 месяцев после объединения с колхозом «Красный пахарь» Александровского сельсовета показала, что слияние этих колхозов нецелесообразно. Так как в селе Сарай-Гир...по существу не было ни одного трудоспособного мужчины (кроме 3—4 трактористов), которые бы работали в колхозе. Это первое... Второе — слияние этих двух колхозов несколько не улучшило кормовую базу, от чего в равной степени страдали оба колхоза...Третье — все колхозники жили только доходами от колхоза и доходами от личного хозяйства. Колхоз «Красный пахарь» в прошлом являлся передовым по району. Колхоз им. Сталина в прошлом был самый отстающий по району, т.к. абсолютное большинство колхоз-

Таблица 1

Область	Количество колхозных дворов	Земельная площадь, га
Башкирская АССР	215	2200
Курганская	190	2419
Челябинская	111	4248

ников в нем являлось и является около колхозника, а потому их главный источник дохода — заработки на стороне. Это поведение Сарай-Гирских колхозников разлагающе действует на дисциплину труда Александровских колхозников» [23]. Как правило, объединение колхозов осуществлялось административными методами по принципу присоединения к сильному хозяйству нескольких более слабых. На укрупненное хозяйство ложились долги вошедших в его состав колхозов. Фактически это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом плане хозяйств за счет их более зажиточных соседей.

Для колхозного руководства укрупнение хозяйств превратилось в серьезную проблему, так как управлять из одного центра работой нескольких деревень, ферм было весьма трудно, если не невозможно. Расширение размеров земельных площадей неизменно вело к увеличению расстояний, соответственно — к повышению затрат на перегон машин, перевозку воды, семян, удобрений, горючего, готовой продукции. Рабочие места большинства колхозников теперь оказались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупненного колхоза, тем самым работники вынуждены были тратить время на переезды. В свою очередь сосредоточение большого числа работников усложнило поддержание нормальных условий труда и быта. «С первых же дней после укрупнения колхоза (имеется в виду колхоз «Правда» Саракташского района Оренбургской области) стало ясно, что разбросанность и разобщенность поселков и общественных построек намного усложняет управление производственной деятельностью и затрудняет культурно-бытовое обслуживание колхозников, — говорится в докладной записке инструкторов обкома партии областной организации по организационно-хозяйственному укреплению объединенных колхозов. — Дальнейшее развитие сельхозартели, повышение культурно-бытового уровня села до уровня соци-

алистического города настоятельно требует сосредоточения не только всех хозяйственных и культурно-бытовых построек в одном месте, но сселения в одно место колхозников, проживающих в мелких поселках» [24]. Таким образом «объективно» встал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб и «неперспективности» подавляющего числа сел и деревень. Позицию властей по вопросу о «неперспективных» селах подтверждают также и выдержки из постановлений бюро пленумов и собраний партийного актива райкомов ВКП (б): «Екатериновский райком ВКП (б) — «...Селить на центральную усадьбу колхоза «Уголок Ленина» в 1951 году поселок Перепеловку — 22 дома, в 1952 г. поселок «Красный восток» — 55 домов, в 1953 г. поселок Марьевку — 45 домов и в 1954 году поселок Гнездовку — 60 домов. В результате сотни тысяч крестьян потянулись в центральные, крупные сельские поселки, а чаще — мимо них, в город. В целом по стране заметно стало сокращаться число сельских жителей — колхозников. В 1950 г. оно составляло 62,1 млн. человек, в 1951 г. — 60,2 млн., в 1953 г. — 58,8 млн. (в границах до 1939 г.) [25].

Таким образом, можно сделать вывод, что появлялись организационно неслаженные, трудно управляемые хозяйства, некоторые из которых впоследствии пришлось разукрупнить. Нередко эти операции повторялись в различных вариантах, что отрицательно сказывалось на севооборотах, организации и экономике производства. В условиях же Южного Урала при серьезном недостатке квалифицированных кадров: агрономов, зоотехников, инженерно-технических работников на селе, — и незначительном техническом оснащении увеличение земельных площадей колхозов поставило их в более тяжелые условия работы. Это вело к нерациональному использованию земли, плохой обработке, а порой и запустению ранее обрабатываемых пахотных территорий. Такого рода реорганизация обернулась трагедией для села.

Литература:

1. Волков И.М. Деревня в СССР в 1945—1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980—1990-е годы) /И.М. Волков// Отечественная история. — 2000. — № 6. — С. 115—124.
2. Там же. С. 115—124.
3. Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни (1946—1958 гг.) (состав и деятельность общественных организаций, Советов, рост политической активности сельских труженников). / Зеленин — Изд-во «Наука» — М.: 1978. — 246 с.
4. Там же.
5. История Урала с сер. XIX в. — до нашего времени. Учебное пособие. Изд-во Уральского университета. — Екатеринбург: 2003. — 400 с.

6. Там же.
7. Мазур Л.Н. Аграрное развитие и сельское расселение в России в XX в. /Л.Н. Мазур / Документ. Архив. История. Современность; сб. научных трудов. Вып 7. — Екатеринбург: из-во Уральского ун-та. — М.: 2006. — С. 190—225.
8. Мазур Л.Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 50-х годов // Проблемы истории Регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. — Свердловск: институт истории и археологии УРО РАН: 1992. — с. 58—67.
9. Мотревич В.П. Вопросы социально-экономической истории Урала. Избранные статьи и выступления / В.П.Мотревич — Екатеринбург: из-во УрГСХА: 2008. — 492 с.
10. Мазур Л.Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 50-х годов... с. 58—67.
11. История Башкортостана 1917—1990-е годы: в 2-х т. /Отв. Ред. Р.Н. Сулейманова. Т.2: 1945—1990. — Уфа: Гилем, 2005. — 313 с.; Хусаинов Н.Т. Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (материалы научной конференции)./ Н.Т. Хусаинов — Свердловск: 1963. — 386 с.
12. Краткий очерк истории Челябинской области // сост. В.Н. Елисеева — Южно-Уральское книжное издательство, 1965. — 516 с.
13. ЦДНИОО. Ф.371, Оп.15, Д.133, Л.62.
14. Пузанов В.С. Становление сельской интеллигенции и ее возрастающее влияние на социокультурное развитие южноуральской деревни. (1986—1991 гг.) / В.С. Пузанов — Оренбург: Изд-во ОГПУ.: 2005. — 552 с.
15. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 15, Д. 133. Л.14.
16. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 16, Д. 1065. Л.26.
17. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 15, Д. 133. Л.14.
18. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 16, Д. 1065. Л.26.
19. Мазур Л.Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 50-х годов... с. 58—67.
20. Дрындин В.Л. Попытки проведения хозяйственных реформ 1953—1964 годов в контексте специфики Российской истории / В.Л. Дрындин-Оренбург: ООО «Агентство «Пресса», 2002. — 248 с.
21. Русинов И.В. «Неперспективная» деревня: от домослов к истине / И.В.Русинов // Вопросы истории. — 1990. — №8. — С. 50—63.
22. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 15, Д. 133. Л.62.
23. ЦДНИОО. Ф.371, Оп.15, Д.946, Л.21.
24. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 15, Д. 133. Л.62.
25. ЦДНИОО. Ф.371, Оп. 15, Д. 898, Л.5.

Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период

Ваганов Александр Александрович, аспирант

Челябинская государственная академия культуры и искусств

Пермь, которая к концу 19 века развилась в крупный торговый и промышленный центр, не могла обойти мода на музейные учреждения. Пермский научно-промышленный музей имел много общего с другими музеями Урала того времени, вместе с тем сохраняя и много специфических черт.

Начало возникновения Пермского научно-промышленного музея относится к ноябрю 1890 года, когда небольшая группа местной интеллигенции заручившись согласием Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) с позволения губернской администрации открыла в Перми особый отдел УОЛЕ под названием Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания. Под таким названием без легальных оснований, Пермская комиссия просуществовала 11 лет с ноября 1890 года по 26 октября 1901 года, когда ею было передано свое имущество возникшему уже вполне легаль-

ному обществу Пермского научно-промышленного музея. Первое заседание комиссии состоялось 15 ноября 1890 года. На нем были избраны её председатель Н.Н. Новокрещенных, хранитель будущего музея и библиотеки А.А. Криль и Секретарь С.И. Сергеев. Первый и последний из этих лиц избирались на те же должности и потом непрерывно до 1899 года. После этого через день, 17 ноября, в зале губернской земской управы состоялось второе заседание общего собрания членов комиссии, где Новокрещенных был прочитан первый доклад «О задачах Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания».

Решение открыть в Перми общественный музей было принято на заседании Пермской комиссии УОЛЕ 13 марта 1892 года. Более шести лет прошло, пока музей обрел собственное помещение и смог принимать посетителей. Наконец, в марте 1892 года, после много-

сленных ходатайств, власти выделили музею две комнаты под городским театром, но уже в 1893 году это помещение потребовалось городу и было отобрано. В это время по предложению губернатора комиссия перешла в помещение Пермской ученой архивной комиссии, в котором она помещалась бесплатно, производя доплату лишь прислуге. Это помещение находилось в доме Кузнецова, который 1896 году был передан губернскому акцизному управлению и, таким образом, перед комиссией вновь встал вопрос о помещении. Это привело такое впечатление на совет музея, что председатель его на заседании 26-го октября 1896 года заявил, что нести обязанности председателя не может. Вместе с ним нести свои обязанности отказались товарищ председателя и секретарь. В это время у городской думы находился без всякого употребления не отремонтированный после пожара каменный дом, пожертвованный городу А.С. Любимовой для благотворительных целей. На него по указанию И.Г. Остроумова комиссия и обратила свое внимание. Благодаря члену комиссии Р.Э. Миквицу, ходатайствовавшему частным образом перед госпожой Любимовой, эта последняя согласилась изменить свои первоначальные условия, на которых был пожертвован городу её дом, и ничего не имела против того, чтобы городская дума отдала этот дом в бесплатное пользование ученых обществ Перми и музея. Дума же ещё ранее дала согласие на эту передачу. Таким образом у комиссии появилось собственное здание. В этом доме, по улице Петропавловской (ныне улица Коммунистическая, 38) музей располагался до начала 20-х годов XX века. В новом здании было лишь два больших экспозиционных зала, а остальные помещения оказались невелики. [1, С. 1–37]

До обретения собственного здания комиссия не имела ни от одного учреждения даже единовременного пособия, и все расходы покрывались годовыми взносами самих членов. Редки были даже частные пожертвования.

Как только дом А.С. Любимовой был передан музею, от земской губернской управы удалось получить субсидию в 500 руб., а в 1899 году — еще 1000 руб. 28 апреля 1897 года начал действовать организационный комитет по устройству музея, который развернул активную деятельность, выхлопотав пожертвования у ряда лиц. В 1901 году начались переговоры об устройстве в здания музея электрического освещения. [2, С. 2–23]

Притоку пособий и пожертвований не мало способствовало желание комиссии выйти из зависимого положения от иногороднего УОЛЕ и создать в Перми собственный музей и самостоятельное общество. Это было исполнено 26 октября 1896 года, когда была избрана новая комиссия по выработке устава Пермского научного музея. 28 апреля 1897 года был избран особый организационный комитет по устройству музея, в который кроме совета комиссии вошли городской голова А.В. Синакевич и другие лица. Перейдя в нижний этаж бесплатного городского помещения комиссия в последующие годы занялась собиранием средств для отстройки второго и тре-

тьего этажей, для обстановки их мебелью и витринами.

В итоге, коллекции музея на момент начала Гражданской войны занимали три этажа. Внизу были расположены отделы: этнографический, занимавший обе комнаты, археологический (1 комната) палеонтологический (вестибюль), небольшая аудитория с галереей местных деятелей и известных уроженцев Пермского края и канцелярия. Второй этаж был занят большой комнатой (во весь фасад музея) — зоологическим отделом, здесь же был раскинут минералогический отдел и ботанический (по одной комнате), к которому примыкала маленькая комната для лаборатории. На третьем этаже — кустарный отдел, церковно-археологический и старой Перми. Живопись музея, не была выделена в особый отдел, и занимала стены лестницы и минералогического отдела. Рядом с музеем помещалось деревянное здание, занятое библиотекой музея и квартирой заведующего. В главном здании музея имелось помещение для служительского персонала. Во дворе находилась обширная усадьба, занятая огородом.

1. Финансировался музей из разных источников. Помимо субсидий от губернских и уездных земств, куда совет посылал краткие отчеты о проделанной за год работе и расходах, музей получал иногда дотации от городской думы, управления землеустройства и земледелия и других городских организаций. Шли средства музею и от жертвователей и благотворительных литературно-музыкальных вечеров. Сбор осуществлялся с посетителей публичных чтений и выставок если общее собрание не находило возможность устроить их бесплатно. Также в музей поступали средства от продажи своих изданий и ненужных для музея предметов. Доход музею давали и проценты с денежных средств, лежавших по книжкам в кредитных учреждениях. Тем не менее, выделяемых средств едва хватало на нужды музея. С 1903 года, кроме этих сумм, музей получал средства с капитала, учрежденного при Пермском научно-промышленном музее по случаю 25-летия медицинской и общественной деятельности доктора медицины Павла Николаевича Серебренникова. Направлялись эти средства для премирования авторов сочинений на русском языке, относившихся к природе истории лил жизни Пермского края и признанных лучшими специальным комитетом при музее. [3, С. 41–42]

Все поступающие в собственность музея суммы распадались на основной капитал, подлежащий хранению, расходный капитал, предназначавшийся к расходованию в интересах музея, и специальные капиталы. Первый и третий капиталы образовывались из специальных пожертвований и процентов от отчислений, по решению общего собрания, с общих поступлений музея и могли быть израсходованы лишь соответственно своему прямому назначению. Когда основной капитал, по мнению общего собрания, достигал значительного размера, то половина ежегодных процентов с него могла быть назначена на нужды музея.

23 января 1900 года состоялось учредительное собрание для утверждения проекта устава Пермского науч-

ного музея, после чего он был направлен на утверждение к губернатору, а затем в Петербург. Решился почти одновременно и вопрос о музее как самостоятельном учреждении.

Коллекции музея постоянно пополнялись. Источниками пополнения служили пожертвования частных лиц, а также предметы, найденные самим членами УОЛЕ в ходе археологических раскопок, научных экспедиций и т.д. Первоначально музей массово собирал недорогие предметы (например, старинные медные деньги, минералы, насекомых), занимаясь основанием коллекций. К 1901 году музей был обладателем такого собрания: 317 предметов и 7 коллекций по археологии, 142 предмета по истории, 80 предметов и 3 коллекции по этнографии, 952 и 4 — по зоологии, 977 и 6 — по энтомологии, 74 и 1 — по геологии, 3 и 237 предметов — по палеонтологии, с 363 и 9 — по минералогии, 205 и 8 — по промышленному отделу, 3960 монет — по отделу нумизматики и около 800 предметов — по сельскому хозяйству. В качестве приложения к отчету хранителя ежегодно публиковались списки «жертвователей». Здесь отмечались и наиболее ценные из них. С 1901 года музей стал приобретать лишь те предметы, которых ещё не было в коллекциях, а от массового предложения монет, минералов и проч. стал отказываться. К концу первого десятилетия XX века музей имел уже свыше 10 отделов (количество их колебалось от 9 до 16) 1) объединял экспонаты по минералогии, палеонтологии и геологии (заведовал Н.А. Третьяков); 2) зоологический; 3) археологический с энтомологическим (заведовал Ф.А. Теплоухов); 4) этнографический и исторический (заведовали Ф.А. Теплоухов и Д.М. Бобылев); 5) церковно-исторический (А.Д. Городцов); 6) картографический (И.Я. Кривошеков); 7) подвижный музей учебных пособий и библиотека (П.Н. Серебренников). Три оставшихся отдела (нумизматический, художественный и фотоотдел) были вакантны.

2. Больше всего коллекция музея пополнялась материалами археологических раскопок, проводившихся Н.Н. Новокрещенных и С.И. Сергеевым, а так же сборами насекомых, из которых постепенно комплектовал коллекцию Ф.Ф. Гельцерман. Формирование зоологического отдела музея целиком связано с именем С.Л. Ушкова, который был его создателем. Нужно было собрать материал для экспозиции о жизни животных, показать их особенности, привычки, выведение потомства. В результате многочисленных экскурсий и походов на природу Ушков создал десятки систематических коллекций по фауне края. Он не только владел в совершенстве искусством таксидермиста, но и создал из чучел животных и птиц прекрасные биогруппы, где они показаны в природной обстановке. Часть этих биогрупп сохранилась и по сей день. Комплектование коллекции музея было одной из целей экскурсий, проводимых сотрудниками музея. Так, ещё в 1891 году сотрудник музея В.М. Беринг посетил с экскурсией на Южном Урале Травниковскую волость Троицкого уезда, где собрал 65 экземпляров насекомых и образцы золотосодержащего кварца. Экскурсии

предпринимались с целью составления коллекций по ботанике, зоологии и энтомологии для подвижного музея наглядных пособий. В результате этих экскурсий в музее появилось несколько гербариев местной флоры, несколько коллекций жесткокрылых и чешуйчатокрылых из окрестностей Перми, коллекция минералов, чучела местных птиц, рыб и прочие коллекции. С 1910 года советом решено было собирать коллекции путем поездок на места. Первый опыт был сделан уже в 1910 году: были выделены авансы И.Я. Кривошекову, А.Ф. Теплухову и И.К. Зеленову, которыми в ходе поездок были приобретены небольшие археологические и этнографические коллекции. Но собирание коллекций в поездках для них было побочным делом, так как у музея не хватило средств для полноценных командировок своих сотрудников. [4, С. 62]

Ещё одним источником пополнения коллекций музея были предметы, присылаемые за плату, различными уездными и губернскими учреждениями. Так в канцелярию музея из канцелярии Пермского губернатора пришло письмо следующего содержания: «Крестьянином Ирбитского уезда Шогринской волости Павлом Степановичем Шестаковым найдены в земле старинные монеты следующего достоинства: (...). Означенные монеты не представляют никакого нумизматического интереса и не заслуживают пересылки в Императорскую Археологическую комиссию, а подлежат возвращению находчику. Предварительно же, до возвращения монет находчику канцелярии губернатора обращается в изложенном сообщении вашему благородию на предмет, не признаете ли вы необходимым приобрести для Пермского музея какие-либо из указанных монет». [5] Ценные вещи поступали в музей и от богатых дарителей. Так, в ном из писем из этого общества в музей сообщалось: «Уральским обществом любителей естествознания была получена коллекция горных пород в нескольких экземплярах каждая; одна из серий предназначена для Пермского музея. Эта коллекция состоит из пород Верх-Исетской дачи и служит оригинальной для работ профессора Никитина (...) Соболаговите уведомить о получении коллекции графа В.А. Стембок-Фермора в Петербурге и горного инженера А.К. Годовиса (фирма Voгау и Ко, Москва), через которого эти коллекции поступили в распоряжение музея». [6] Важное значение имело информационное обеспечение процесса комплектования. Музей публиковал в газетах обращения к гражданам с просьбой сообщать о находках ценных предметов. Бывали случаи, когда сами сотрудники музея узнавали о ценных находках из газет и писали письма сдатчикам с просьбой чтобы уточнить цену того или иного предмета. [7] Всем, кто сдавал предметы в музей бесплатно, высылался бланк с благодарностью совета музея. Содержание благодарственного листа 1910 года было следующим:

«...Совет Пермского научного музея, ознакомившись с весьма интересными предметами, любезно принесенными вами в дар Пермскому музею, признал их весьма ценным пополнением коллекций и постановил выразить вам свою

признательную благодарность за оказанное внимание. Ваш щедрый дар музею сохранит ваше уважаемое имя на много лет в памяти просвещенных людей, интересующихся изучением Пермского края...» [8]

Материалы археологических раскопок и нумизматические коллекции стали поступать в музей с 1890 года. Формирование зоологического отдела в музее началось в 1900 году. Исторические, зоологические, геологические, палеонтологические, минералогические и сельскохозяйственные коллекции формировались в музее с 1892 года. Этнографическая коллекция музея стала пополняться предметами с 1893 года. Фотографии в музей стали поступать 1894 года.

В 1899–1900 годах в музее образовались 3 новых отдела: этнографический, промышленный и почвенный. С 1902 года в музее начинает организовываться фотографический отдел. Этот отдел служил пособием к наглядному изучению Пермского края, с его природой, общественной и бытовой жизнью населения. Планировалось образовать коллекции по следующим группам: виды Перми, виды уездных городов, заводов и селений Пермской губернии, виды местностей Урала, типы народностей Урала, флора и фауна Урала, виды и типы разных местностей России, фотографии с разного рода художественных произведений, портреты выдающихся деятелей, особенно Пермской губернии и Урала. В 1902 году также был сгруппирован сельскохозяйственный отдел из коллекций почв, лесных и пчеловодства и кустарных коллекций Шадринского земства. В конце 1903 года совет музея возбудил перед министерством земледелия и государственных имуществ ходатайство о разрешении открыть в музее отделы кустарный и художественной промышленности. Горно-промышленный отдел вчерне был сформирован в 1904 году, заключив в себе коллекции и предметы промышленности, фабрично, заводской, кустарной и художественной. Из всех отделов музея этот отдел на протяжении всего дореволюционного периода оставался укомплектованным хуже всех. Упомянув этот отдел, хранитель в одном из отчетов заметил, что чем хуже был обставлен отдел музея, тем меньше в него было поступлений. В 1916 году в музее был открыт новый отдел — кооперативный. [9]

В 1901 году, в память 40-летия отмены крепостного права в России, при музее на правах нового отдела был учрежден так называемый подвижной музей наглядных пособий (инициатором его создания был А.А. Наумов). Цель его — оказать практическую помощь начальной и средней школе в повышении продуктивности преподавания и облегчить усвоение тех предметов, которые требовали наглядности в преподавании. В нем хранились чучела птиц и животных, окаменелые кости доисторических животных, коллекции насекомых, различные макеты таблицы и диаграммы. Для учащихся, собиравшихся в музее с 1907 года, проводились опыты по физике, химии, физиологии и гигиене. Лекторы часто пользовались стереоскопическими картинками фирмы Уидервуда из его коллекций. По сельским школам и народным читальням музей распространял

бесплатный путеводитель. В 1910 году в связи с расширением начального народного образования музей наглядных пособий взял на себя роль своеобразного методического центра, составляя и распространяя списки наглядных пособий, давая справки по наглядному обучению и консультации краеведческого характера, являясь также и посредником при выписке пособий русских и иностранных фирм. Осенью 1911 года при музее организована была по инициативе председателя Пермской мужской гимназии В.И. Белавина комиссия, имевшая целью ещё большее расширение деятельности подвижного музея. Этой комиссией были выработаны правила пользования коллекциями музея, инструкция для деятельности комиссии, составлен новый указатель учебных пособий. Согласно этой инструкции комиссия могла изыскивать дополнительные источники для финансирования педагогического отдела музея, заботиться по соглашению с советом музея о приобретении пособий для отдела, сама устраивать выставки и лекции, вырабатывать правила хранения и пользования предметами, вести инвентарный и систематический каталоги. [10, С. 30–31]

Одновременно с комплектованием коллекций музея шли систематизация коллекций и комплектование музейной библиотеки. Её составление началось с первого года существования комиссии. Сначала книги жертвовались только членами комиссии, а затем среди жертвователей появились и учреждения и посторонние лица. До того момента, когда комиссия начала издавать свои отчеты, о ней было мало известно даже среди ученых сообществ.

Музей нередко утрачивал свои предметы. В ночь на 9–10 июня 1906 года у музея были похищены все золотые, платиновые и серебряные монеты из нумизматической коллекции в количестве более 500 экземпляров. Похитители проникли со двора сначала на крышу 3-го этажа дома, отсюда через слуховое окно на чердак, там они выломали хрупкую дверь и прямо через нее проникли в исторический отдел музея, где находились витрины с монетами. [11, С. 8–12] Страдали музейные предметы и от некультурности посетителей. Так, в музейный аквариум посетители музея нередко бросали окурки. Во время многочисленных осенних митингов сильно пострадали карты и картограммы, висевшие в одном из залов музея. Страдало имущество музея даже во время лекций и докладов. В Пермском архиве, например, хранится письмо заведующего музеем, по-видимому, главе одного из обществ, заседавших в музее:

«Милостивая государыня Олимпиада Максимовна, как заведующий Пермским научным музеем (...) уведомлю Вас, что на собрании «Светлой юности» резвыми слушателями рефератов причинен музею следующий убыток. Сломано стекло в витрине — 1 руб. Поломан стул — 3 руб. Сломан стол — 2 коп.» [12]

Музей был открыт для публики бесплатно на 3 часа по будням и на 5 часов по праздникам. Иногда, заведующие отделами давали объяснения публике, особенно по большим праздникам.

По образцу филиалов и музеев Русского географического общества членами музея становились лица, принявшие участие в его организации, работе над коллекциями, чтении лекций. Они подразделялись на несколько категорий: учредители, почетные члены, действительные члены и соребнователи.

Учредителями считались лица, подписавшие устав музея до его учреждения, но не избавлявшиеся от ежегодного 3-х рублевого взноса. Почетными членами могли быть лица, оказавшие музею особенно крупные услуги, либо известные ученые. Пожизненными членами становились лица, внесшие единовременно не менее 100 рублей. Действительными считались лица, вносившие ежегодно не менее 3 рублей. И, наконец, соребнователями считались те люди, которые платили ежегодно не менее 1 рубля или оказывали музею ежегодно какие-либо услуги.

Вступление в члены всех поименованных выше категорий, за исключением учредителей музея, предвляло их избрание на общем собрании. Желавшие вступить в члены музея допускались в баллотировку постановлением музейного совета, основанном на письменном заявлении этих лиц за подписью 2-х членов музея. Ежегодные членские взносы должны были производиться городскими членами в течение января, а иногородними не позднее 1-го апреля каждого года. Лица, не уплатившие в эти сроки свой взнос, теряли звание членов, но уплатив взнос, вновь становились членами музея. Бесплатные члены-соребнователи получали это звание только на один год и при оказанной уже музею услуги. Свидетельства членов выдавались лишь учредителям, а также почетным и пожизненным членам.

Члены первых четырех категорий имели право голоса на общих собраниях, бесплатный доступ в музей, его библиотеку, мероприятия, а также могли быть избраны на все должности по управлению музеем.

Члены-соребнователи могли беспрепятственно посещать музей с целью изучения его коллекций, пользоваться книгами из библиотеки, а также посещать собрания, но не имели на них права голоса. [13, С. 6–9]

Первым почетным членом музея стал в 1894 году Федор Александрович Теплоухов, известный своими заслугами перед пермским краеведением. Вторым почетным членом в 1895 году стал основатель Пермской комиссии УОЛЕ Николай Никифорович Новокрещенных. Всего до 1917 года в почетные члены музея было избрано более 10 человек. Среди них такие известные ученые, как геолог А.П. Карпинский, палеонтолог А.А. Штукенберг, географ П.И. Кротов, ботаник Н.В. Сорокин, этнограф Д.Н. Анучин и др.

Непосредственное заведование музеем, его хозяйством и всеми его текущими делами лежало в обязанности музейного совета, состоявшего из председателя, его товарища, хранителя музея и членов совета, как-выми являлись лица, избранные на общем собрании для заведования отделами музея и библиотеки, а также исполнения обязанностей казначея и секретаря музея. В качестве неременных членов в музейный совет входили

управляющий государственными имуществами Пермской губернии и представители министерства народного просвещения, местного епархиального совета города и губернского земства.

Заседания совета созывались по инициативе председателя или по письменному заявлению трех членов совета, не менее раза в месяц, и по каждому из них составлялся журнал за подписью всех присутствовавших. В обязанности совета входили: забота о благосостоянии и развитии музея, привлечение к участию в его деятельности максимального количества научных и материальных сил, забота о коллекциях, публичных чтениях, общих собраниях, выполнение всех постановлений последних, ведение всей переписки по делам музея, печатание изданий музея, ведение полного хронологического каталога поступлений музея, представление общему собранию отчетов по всем делам музея, заведование хозяйственной частью музея.

Общие собрания членов созывались председателем по мере необходимости. К кругу их ведения относилось обсуждение докладов и сообщений и разрешение вопросов касающихся организации или развития музея, избрание членов музея и состава совета, редакционного комитета, избрание временных комиссий для решений наиболее важных вопросов, рассмотрение и утверждение годовых отчетов по музею и его денежных смет. Собрание признавалось действительным, если на нем присутствовала пятая часть его членов.

Председатель музея руководил заседаниями общих собраний и совета, вел надзор за правильным ходом всех дел. Почетным председателем музея, согласно всем уставам был Пермский губернатор.

Товарищ председателя заменял последнего в случае его отсутствия, а также заведовал отделами библиотеки. Хранитель музея заведовал распорядительной частью музея и общим его благосостоянием.

Казначей принимал членские взносы, а также вел счетоводство и отчетность по движению всех сумм и составлял смету на следующий год. Библиотекари отделов должны были заботиться о пополнении и порядке своих отделов и выдавать в назначенные музейным советом дни и часы книги для чтения. Секретарь составлял журналы заседаний собраний и совета, докладывал на них обо всех поступивших бумагах, заведовал всей перепиской по делам музея. Смотрители нанимались за плату советом музея. Так, вначале 1910 года согласно постановлению общего собрания, совет музея, пригласил смотрителя музея, возложив на него обязанности помощника хранителя музея, библиотекаря и помощника заведующего подвижным музеем.

Главное же место в деятельности музея занимала просветительская работа, причем можно говорить о разных ее формах. Прежде всего, это ознакомление посетителей с природой и историей края путем объяснительных бесед с использованием собранных в музее коллекций и отдельных вещей, т.е. то, что сейчас называется экскурсиями по музею или его отделам. Особое место в работе

подвижного музея занимали экскурсии с детьми в окрестности Перми.

Помимо местной интеллигенции музей привлекал для чтения лекций попадавших в Пермь проездом или по служебным делам специалистов в разных областях знаний. Приглашая их в качестве лекторов на специально организованные общеобразовательные курсы. Состав слушателей этих лекций был неодинаков. Наиболее многочисленной аудиторией лекций была по пятницам, когда назначались оригинальные сообщения по краеведению, аудитория была многочисленной: помимо совета музея, от 40 до 100 (врачи, земские служащие, чиновники, учителя, гимназисты), и субботам, когда заранее объявлялось о популярных беседах по самым различным областям знаний. В 1910–1911 гг. при музее был организован отдел орудий и образцов рыболовства и рыбозаводства (заведующий В.М. Голынец), а также организованы систематические курсы по пчеловодству. Проводились в музее и музыкальные утра. На них, как правило, выступали молодые пермские музыканты.

Музей вел активную издательскую деятельность. Сохранились редкие экземпляры «Краткого указателя Пермского научно-промышленного музея», изданного в Перми типографией Чердынцева в 1907 году. В нем описывалась история музея, обязательные правила для посетителей, и краткое описание экспозиции музея. С 1895 года по 1915 появилось 227 публикаций, большинство из которых были изданы в «Записках УОЛЕ», выходивших ежегодно. Помимо записок УОЛЕ было выпущено 14 выпусков научных трудов, множество научно-популярных брошюр. С 1901 по 1916 года ежегодно публиковались «Отчеты Пермского научно-промышленного музея». Главным детищем музея в издательском плане были «Материалы по изучению Пермского края» Средств на их издание не было, поэтому к этому делу были привлечены пожизненные члены музея. Первые два выпуска вышли на средства известного пермского миллионера и мецената Н.В. Мешкова.

Не менее важной частью просветительской деятельности музея была организация выставок. Организаторами их были либо сам музей, либо губернское земство. Пропагандируя новые достижения в сельском хозяйстве и технике, музей показывал в своих залах модели сортировальных машин немецкой фабрики братьев Ребер: веялки-сортировки «Идеал» и «Триумф», модель трехконной молотилки Ланца и др. В витринах демонстрировались образцы улучшенных сортов хлебов и овощей, на стенах висели таблицы с рекомендациями немецких ученых по правильному выращиванию рогатого скота.

Музей осуществлял пропаганду знаний и другими способами. Так, всякий проходящий мимо музея, особенно во время эпидемии, мог свободно прочитать на выставленных на стенах или в окнах музея плакатах популярное разъяснение, в каких формах проявляется та или иная болезнь, о путях её распространения, и о мерах предохранения и способах борьбы с ней. Кроме того там же вывешивались

картины иллюстрирующие усовершенствованные сельскохозяйственные принадлежности. [14, С. 18–19]

Учет посетителей велся как по числу экскурсантов, так и по количеству экскурсий. Эти данные стали фиксироваться с 1909–1910 гг. Кривая роста посещаемости, отправной точкой которой был 1897 год, начинает набирать высоту с начала 1900 года. В 1905–1907 годах (в 1905 году музей посетили почти 30 тысяч человек) число экскурсий резко возросло (150–160), упав в годы первой мировой войны до 63 групп в год. По социальному составу это были учащиеся народных школ (40,5%), рабочие и крестьяне (29,3%), интеллигенция (14,3%)» учащиеся средних учебных заведений (15,9%), т.е. свыше 50% составляла молодежь.

К работе с учащимися сотрудники музея относились очень внимательно. Так, на одном из собраний было постановлено просить заведующего промышленным отделом открыть одну из витрин для ознакомления с предметами, содержащимися в ней, учащихся Пермской торговой школы. [15, С. 8–12]

Сотрудники музея вели довольно интенсивную научную работу: занимались археологией, проводили раскопки, искали архивные документы, пополняли различные коллекции. Итоги исследований докладывались на заседаниях музейного совета.

Ведущими докладчиками на таких собраниях были Ф.А. Теплоухов, рассказывавший о памятниках каменного и бронзового века западной части Пермской губернии, происхождении аборигенов края, находках в пещерах Соликамского уезда и пр. Н.Н. Новокрещенных, выступавший с демонстрацией предметов найденных на археологических раскопках. Народные песни Пермской губернии и вопросы этнографии коми-пермяков и контактов их с русским населением были предметом изучения П.А. Володина. О хантах и ненцах, обитавших в низовьях Оби, рассказал И.М. Воропай. С сообщениями по истории музея и музейного дела в России выступал И.Г. Остроумов.

Тем не менее, у тех многочисленных исследователей пермского края, которые работали от различных центральных научных обществ, обычно было мало связи с Пермским музеем, почему все работы их по местному краю и проходили мимо музея, не оставляя в нем следа ни вещественными памятниками, ни докладами и сообщениями на страницах печатного органа музея.

Музей активно контактировал с другими музеями и обществами. В частности, с императорским Русским археологическим обществом и его московским отделением, императорской археологической комиссией, которая давала право на раскопки древних памятников, Казанским и Томским университетами. Были среди корреспондентов музея и разные ученые общества Москвы, Петербурга, Украины, музеи Тобольска, Красноярска, совет Читинского отделения Русского географического общества, Екатеринбургская комиссия УОЛЕ, авторы книг и рукописей, посылавшие их в музей на рецензирование или в качестве презента.

Музей часто организовывал торжества по поводу памятных дат прогрессивных писателей России, особенно тех, чья биография связана с Пермью. Такие литературные вечера прошли в честь Л.Н. Толстого (1911), Д.Н. Мамина-Сибиряка (1912), Ф.М. Решетникова (1913). Также им проводились торжественные собрания памяти замечательных ученых, педагогов и хирургов

Деятельность музея поначалу не вызывала сочувствия у современников. Так, в газете «Пермские губернские ведомости» в 1901 году печатались городские слухи о том, что «...ближайшим толчком к проведению нового устава послужило желание любителей естествознания сделаться любителями всех наук вообще...». Такие статьи, направленные против музея и его администрации выходили в Пермских газетах в течение последней четверти 1901 года. Результатом этой кампании было то, что все уездные земские собрания, за исключением Верхотурского, отказали музею в просимом у них пособии, а Пермская дума назначила особую комиссию для «выявления запутанных отношений города и Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания». Публикации в прессе сильно осложняли жизнь сотрудникам музея. В одном из писем, в ответ на критическую статью в газете, совет писал в редакцию Пермских губернских ведомостей: «Совет Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания по поводу заметки № 27 Пермских губернских ведомостей «Грустных факт» считает долгом разъяснить, что замена эта ничего общего ничего общего с действительность не имеет, так как заведующий музеем И.Т. Остроумов не только никаких придинок к этим докладчикам (?) не чинит, а напротив только по его инициативе совет наш возможность оказал двум этим докладчикам льготу по уплате денег за пользование музея, внося их помесячно, между тем как согласно решению совета, уведомившего и общее собрание за 6 месяцев, два эти докладчика должны были внести (...) за каждый месяц вперед. Почему же эти докладчики прекратили занятия в помещении музея [неизвестно], так как никакого заявления от (...) по этому поводу не поступало». [16] Темы, поднимаемые на собраниях музея, серьезно беспокоили местную власть. Так, в первой половине 1905 года в музее была введена чрезвычайная охрана, которая заморозила деятельность собраний музея на полгода.

Таким образом, стараниями местной интеллигенции в Пермском крае в дореволюционный период функционировало полноценное музейное учреждение, которое смогло не только встать вровень с научными учреждениями других регионов по полноте коллекций, но и преуспеть в издательской и научно-просветительской деятельности, несмотря на все трудности, встававшие перед ним.

Таким образом, стараниями местной интеллигенции в Пермском крае в дореволюционный период функционировало полноценное музейное учреждение, которое смогло не только встать вровень с научными учреждениями других регионов по полноте коллекций, но и преуспеть в издательской и научно-просветительской деятельности, несмотря на все трудности, встававшие перед ним.

Литература:

1. Голубев, П.А. Отчет за 1901 год Пермского научно-промышленного музея в связи с кратким очерком одиннадцатилетней деятельности (1890—1900 г.) Пермской комиссии Уральского общества естествознания / П.А. Голубев / Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 года. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1902.
2. Харитонов, Е.Д., Серова, С.В. Глава I / Е.Д. Харитонов, С.В. Серова. / Пермский областной краеведческий музей. Исторические очерки. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1990.
3. Доклад ревизионной комиссии общему собранию Пермского научно-промышленного музея / Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1903 год. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1904.
4. Отчет за 1910 год / Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1909 и 1910 года. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1911.
5. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 340, лл. 99—99 об.
6. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 303, л. 4
7. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 327, л. 19
8. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 81, л. 1
9. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 327, л. 26 об.
10. Деятельность подвижного музея / Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1911 год. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1912.
11. Пермский научно-промышленный музей в 1906 отчетном году / Отчет Пермского музея за 1906 год. — Пермь: Типография В.А. Чердынцева, 1907.
12. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 131, л. 18
13. Управление музеем / Устав Пермского научно-промышленного музея — естественноисторического, хозяйственного и прикладных знаний. — Пермь: Типография губернского правления, 1901.
14. Серебренников П.Н. Пермский научно-промышленный музей в 1907 г. И сравнительная оценка деятельности его за предыдущее десятилетие / П.Н. Серебренников / Десятилетие деятельности музея. Краткий отчет за 1907 год. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1910.
15. Краткий перечень незаурядных вопросов рассмотренных советом музея в течение 1906 года Отчет Пермского музея за 1906 год. — Пермь: Типография В.А. Чердынцева, 1907.
16. ГАПО Ф. 680, оп. 1, д. 71, л. 1

О естественном движении народонаселения Горьковской области в 1945–1955 гг.

Голуб Юрий Александрович, аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Сороковые годы двадцатого века в, демографической истории нашей Родины, ознаменовались высоким уровнем смертности населения, ростом заболеваний различного характера, сокращением доли мужского народонаселения, снижением рождаемости. Развитие данных процессов являлось следствием Великой Отечественной войны, в ходе которой Советский Союз понес колоссальные людские потери, что сказалось в дальнейшем на демографическом развитии страны — демографическое старение населения (рост числа людей в пожилом возрасте), высокая доля женщин в общей численности народонаселения СССР, сокращение рождаемости, прежде всего, в Европейской части страны.

Однако, в первое послевоенное десятилетие произошёл всплеск рождаемости, возникший вследствие того, что поколению советских людей 1920–1925 гг. рождения пришлось отложить, в своей жизни, такие демографические события, как заключение брака и рождение ребёнка, из-за войны 1941–1945 гг. Такое явление называется «компенсация демографическая», суть его состоит в том, что демографические события в жизни поколения отложенные по каким-либо причинам, нарушающим естественный порядок их наступления, происходят с высокой интенсивностью, после исчезновения этих причин. В нашем случае такой причиной послужила Великая Отечественная война.

Также стоит отметить роль государства в повышении рождаемости, что подтверждает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.VII. 1944 года. В этом документе провозглашалось увеличение помощи беременным женщинам и многодетным матерям, к примеру, матери имевшие двух детей при рождении третьего и каждого последующего ребёнка получали от государства единовременное пособие, а те, кто уже имел трёх детей при рождении четвертого и каждого последующего ребёнка получал ещё и ежемесячное государственное пособие.

Кроме того, данный Указ учитывал ситуацию, когда многие женщины вынуждены были рожать вне юридически оформленного брака. Таким женщинам давалось ежемесячное пособие и предоставлялась возможность отдавать своих детей в «Дом ребёнка». К тому же был введён налог на холостяков, бездетных и малолетних граждан, дабы подвигнуть их на заключение брачных союзов и создание многодетных семей с одной стороны, а с другой, добыть средства для матерей — одиночек и семей с тремя и более детьми.

Наконец, повышению рождаемости способствовала демобилизация из армии.

Результат действия Указа, в области оформления брачных отношений, по Горьковской области, может быть представлен в виде таблицы 1 [1, с. 220].

Компенсационный подъём рождаемости был характерен и для Горьковской области, что наглядно демонстрирует соотношение числа родившихся и умерших (жизненный индекс) за 1940, 1947–1949 гг.. Оно имело благоприятную тенденцию (таблица 2) [1, с. 218].

1949 год ознаменовался высоким уровнем рождаемости и естественного прироста населения и низким уровнем смертности в областном центре, по сравнению с другими годами четвёртого десятилетия (таблица 3) [1, с. 216].

Как видим, число родившихся в 1949 году возросло на 32,7% относительно предыдущего года, оно могло быть большим, не имей аборт значительного влияния на этот показатель. На 18 638 рождений в 1949 году приходилось 9 686 абортов, что составляет 52% к числу родившихся.

Из таблицы 4 видно, что число абортов растёт [1, с. 217].

За 1949 год число абортов повысилось на 1 058 случаев или на 12,3%. Подавляющее число абортов происходит без разрешения врачебных комиссий. Руководство Статистического управления Горьковской области связывало этот рост с «... неудовлетворительной работой

Таблица 1

Число браков заключённых в Горьковской области (тыс.ед.; %)

1940 год	1947 год	1948 год	1949 год
6164	7653	8977	9723
100,0%	124,2%	145,6%	157,7%

Таблица 2

Годы	1940	1947	1948	1949
Индекс	1,37	1,57	2,06	3,36

Таблица 3

Годы	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост	
	Абсолютный показатель	В % к 1940 г.	Абсолютный показатель	В % к 1940 г.	Абсолютный показатель	В % к 1940 г.
1940	21 501	100	15 661	100	5 840	100
1947	16 183	75,3	10 349	65,4	5 934	101,6
1948	14 040	65,3	6 809	43,5	7 231	123,8
1949	18 638	86,7	5 539	35,4	13 099	224,3

Таблица 4

Годы	Число родившихся	Число аборт			Число аборт без разрешения врачей	
		Абсолютный показатель	В % к числу родившихся	В % к 1947 г.	Абсолютный показатель	В % ко всем абортам
1947	16 183	5 335	33,9	100	4 844	90,8
1948	14 040	8 628	61,5	161,7	8 024	93,0
1949	18 638	9 686	52,0	181,6	9 086	93,8

органов здравоохранения в этом вопросе». С нашей точки зрения следует обратить внимание на обеспеченность жителей области жилым фондом, что является одним из главных факторов при создании семьи и рождении детей.

Жилфонд в конце 1940 — х годов рос медленно, его прирост составлял 2,5% в год, а в общем размере жилого фонда большой удельный вес падал на барачный фонд, который находился, по большей части, в ветхом состоянии [2, с. 16].

В 1949 году, в г. Горьком, значительный удельный вес (более 39,6%) занимали случаи смерти от следующих заболеваний: воспаление лёгких, туберкулёз, болезни сердца. Подобная ситуация была характерна и для двух предыдущих годов (таблица 5) [1, с. 219]:

Из данной таблицы мы видим, что удельный вес умерших снижается практически от всех болезней, и, лишь от такого заболевания, как рак, растёт число умерших. По-видимому, это связано с отсутствием эффективных средств борьбы с этой болезнью.

Снижалась смертность и среди детей, особенно в возрасте до 1 года. Связано это с такими факторами, как: снижение рождаемости вследствие участия в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны большого числа мужского населения, «... а следовательно, и снижение уровня детской смертности» [3, с. 59], создание Постановления СНК СССР от 27.X.1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы органов НКЗдрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей» (благодаря этому Постановлению произошло расширение сети детских консультаций, молочных кухонь), рост сети лечебно-профилактических учреждений и медицинского персонала при резком снижении числа детей младенческого воз-

раста (из-за низкой рождаемости), использование сульфаниламидных препаратов эффективно борющихся с желудочно-кишечными заболеваниями и пневмонией. В качестве примера можно привести такие цифры: в г. Горький, на 100 рождений умирало детей в возрасте до 1 года в 1940 г. — 27,0; в 1947 г. — 19,0; в 1948 г. — 10,6; в 1949 г. — 7,8.

Причиной смерти, в основном, являлось воспаление лёгких (в более 40% случаев: в 1949 г. — 40,5%; в 1948 г. — 41,5%). В 1947 г. Данный показатель равнялся 33,5%, что объясняется двумя причинами: по сравнению с 1947 и 1948 гг. произошло резкое сокращение числа умерших детей в возрасте до 1 года от желудочно-кишечных и детских инфекционных заболеваний, сократился удельный вес этих заболеваний среди всех причин смерти, и на первое место вышло воспаление лёгких; во-вторых, неверно определяли первопричины смерти во врачебных свидетельствах (вместо таких болезней, как корь, грипп, коклюш и т.д., указывали воспаление лёгких). С другой стороны, в 1949 году, повысилось число умерших детей до 1 года от дизентерии на 18,1%, от гриппа в 3 раза, от брюшного тифа (с 3,8% до 5,4%) и токсической диспепсии (острого расстройства пищеварения) — до 45,6%.

Тренд естественного движения населения в области аналогичен тренду областного центра. 1949 год для Горьковской области так же характеризуется резким повышением рождаемости и снижением смертности. Естественный прирост области составил + 46 718 человек, или вырос на 69,6% против предшествующего, 1948 года, и на 75,3% против 1940 года [1, с. 224].

Число родившихся в 1949 году, в сравнении с 1948-м повысилось на 24,1%. В городской местности этот показатель вырос на 38,9%, а в сельской — на 19,5%, однако довоенного уровня не достиг.

Таблица 5

Умершие в 1940 и 1947–1949 гг. по основным причинам смерти

Показатели	Число умерших				Число умерших в % к итогу			
	1940	1947	1948	1949	1940	1947	1948	1949
Всего умерших	15 661	10 249	6 809	5 539	100,0	100,0	100,0	100,0
В т.ч.								
Воспаление лёгких	2 683	1 629	1 067	772	17,1	15,9	15,7	13,9
Болезни сердца	1 057	1 409	972	811	6,8	13,8	14,3	14,6
Туберкулёз	1 550	1 171	934	615	9,9	11,4	13,7	11,1
Рак	574	554	603	612	3,7	5,4	8,9	11,1
Дизентерия	1 153	709	433	330	7,4	6,9	6,4	6,0

Таблица 6

Естественное движение населения Горьковской области за 1940–1949 г.

Годы	Число родившихся	В % к 1940 г.	Число умерших	В % к 1940 г.	Естественный прирост	В % к 1940 г.
1940	94 649	100,0	67 999	100,0	26 650	100,0
1947	62 401	65,9	36 431	53,6	25 970	97,5
1948	58 287	61,6	30 744	45,2	27 543	103,3
1949	72 304	76,4	25 586	37,6	46 718	175,3

Таблица 7

Число умерших детей до 1 года к числу родившихся

Годы	Городская местность			Сельская местность		
	Число родившихся	Число умерших	В % к числу родившихся	Число родившихся	Число умерших	В % к числу родившихся
1940	18 843	5 243	27,2	75 806	18 129	23,9
1947	16 145	2 331	14,4	46 256	5 275	11,4
1948	13 714	1 346	9,8	44 573	4 601	10,3
1949	19 051	1 405	7,4	53 253	4 216	7,9

Процент разрешённых абортс за 1947 год составил 9,5% от числа всех абортс, в 1948—6,5%, а в 1949 году — 8,2%. Абсолютное число абортс повысилось в 1949 г., против предыдущего года, на 17,2%. Причина роста числа абортс та же, что и в областном центре — неудовлетворительное материальное положение женщины, нехватка жилого фонда, недостаток средств контрацепции.

Значительно выросло число умерших от рака, атеросклероза, токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита, зимний период 1948—1949 гг. характеризовался повышенной смертностью среди детей от воспаления лёгких, а летние месяцы — от желудочно-кишечных заболеваний. В сельской местности более высок процент смертности среди детей в возрасте до 1 года, нежели в городской. Связано это с неразвитостью больничной сети и недостатком врачей и среднего медперсонала.

В области растёт количество браков и разводов, в 1949 году их доли возросли на 14,9% и на 34,3% соответственно. В числе актов о разводах есть и те, которые оформляют состояние женщин постфактум — это относится к оформлению разводов в связи с гибелью мужа во время Великой Отечественной войны.

Война 1941—1945 гг. существенно повлияла на развитие естественного движения населения Горьковской области. Сократилась доля мужского населения области, и следовательно, число детей в младших возрастных группах (от 0 до 3 и от 4 до 7 лет), на этом фоне снизилась детская смертность. С другой стороны, после окончания войны начался компенсационный подъём рождаемости, который был обусловлен «отложенным спросом на детей», позволивший, до некоторой степени, восполнить потери среди народонаселения, в середине 40-х

годов были приняты важные законодательные акты, ставшие основой, в правовом плане, для преодоления «демографической ямы», образовавшейся вследствие

значительных людских потерь Советским Союзом в боевых действиях с Германией и её сателлитами.

Литература:

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 4230. Оп. 1. Д. 935.
2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 4230. Оп. 1. Д. 632.
3. Продолжительность жизни: анализ и моделирование. Сборник статей/ Под ред. Е.М. Андреева и А.Г. Вишневого. — М., Статистика, 1979. — 156 с. // Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны. — С. 50—59.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».

Творцы победы Башкортостана в кинодокументах Куйбышевской студии кинохроники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Заводчиков Василий Васильевич, соискатель

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

67 лет отделяют нас сегодня от Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. В.В. Путин, выступая 9 мая 2012 года на военном Параде, посвященном этой исторической дате, назвал День Великой Победы «днем памяти, гордости и скорби, который объединяет сейчас всех граждан России» [1]. «Настоящими творцами Победы» назвал он ветеранов, которые через всю войну «прошли в едином строю, в едином братстве и вместе вынесли такие трудности, такие лишения и муки, которые человек, казалось, выдержать не может» [2]. В этом едином братстве народов важное место принадлежит творцам Победы Башкортостана.

В годы войны Башкортостан стал одним из крупных регионов по приему эвакуированных предприятий и населения, обеспечению фронта вооружением, горючим, продовольствием и снаряжением. В 1941–1942 гг. республика приняла и разместила около 100 эвакуированных заводов и фабрик, десятки госпиталей, ряд центральных государственных и хозяйственных органов: наркоматы нефтяной промышленности, связи, Госконтроля СССР. В 1941–1943 гг. в Уфе находились Академия наук, союзы писателей, композиторов, художников Украинской ССР. Из западных областей страны прибыло 278 тыс. человек эвакуированных. Зимой 1941–1942 гг. помимо общих войсковых формирований, в республике были созданы 2 башкирские кавалерийские дивизии (112-я, 113-я). Всего за годы войны из республики было отправлено на фронт около 700 тыс. бойцов. Каждый третий из них погиб [3, с. 202].

Единство фронта и тыла проявлялось в трудовом подвиге народа. В начале войны промышленность респу-

блики перестроилась на выпуск оборонной продукции. Подвигом ученых и трудящихся республики явилось увеличение добычи нефти. В конце 1943 г. было открыто Кинзябулатовское месторождение нефти под г. Ишимбаем. Всего за годы войны было добыто более 5 млн. т нефти, ее переработка увеличилась в 1,5 раза. К концу войны промышленность республики выпускала продукции в 2,6 раза больше чем в 1940 г. За 1941–1945 гг. колхозы и совхозы республики сдали государству 160 млн. пудов зерна, 980 тыс. центнеров мяса и другие продукты. Трудящиеся республики внесли в Фонд обороны около 250 млн. рублей. На эти средства были построены авиаэскадрильи «Башкирский истребитель», «Комсомолец Башкирии», «Башкирский нефтяник», «Белорецкий металлург», а также танковые колонны «Осоавиахим Башкирии», «Учитель Башкирии», «Пионер Башкирии», «Башкирская организация МОПР», бронепоезда «Александр Невский», «Полководец Суворов», «Салават Юлаев», «Уфа». В 1941–1944 гг. было собрано и отправлено на фронт 470 тыс. теплых вещей, 360 вагонов с посылками.

За самоотверженный труд и мужество около 1 тыс. рабочих, инженерно-технических работников, более 300 тружеников сельского хозяйства и более 200 тыс. воинов, призванных из республики, были награждены орденами и медалями, 261 человек — уроженцев Башкортостана были удостоены звания Героя Советского Союза, 35 воинов стали полными кавалерами ордена Славы [4, с. 41, 203].

Мужество и героизм народа республики, его самоотверженный труд в тылу нашли отражение в кинодокументах, выпущенных Куйбышевской (ныне Самарской)

студией кинохроники в годы Великой Отечественной войны. Созданная в 1927 году, она к началу Великой Отечественной войны имела 14-летний опыт работы [5]. Опыт, накопленный творческим коллективом студии в предвоенный период, послужил хорошей основой для кинодокументалистики военного времени. Война с фашистской Германией поставила перед Куйбышевской студией кинохроники новые задачи. На нее было возложено обслуживание 8 областей и 6 автономных республик Поволжья [6].

С января по октябрь 1941 года студия выпускала местные журналы «Средняя Волга», а с ноября 1941 года переключилась на выпуск киножурналов на союзный экран [7]. В конце 1941 года кадровый состав студии был усилен за счет квалифицированных работников Центральной студии кинохроники, в связи с ее эвакуацией в г. Куйбышев (ныне г. Самара). Согласно приказу Председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г. Большакова «Об упорядочении работы студий кинохроники» (31 декабря 1941 г.), руководство студии должно было «обеспечить выпуск следующей кинопродукции: «Союзкиножурнал» (4 номера в месяц), «СССР на экране» (3 номера в месяц), а также фильмопесни и короткометражные фильмы» [8, с. 273–274]. С 1 июля 1942 г. производство «Союзкиножурнала» было прекращено и студией был начат выпуск нового регионального киножурнала «Поволжье» (3 номера в месяц) [9].

По решению Комитета по делам кинематографии при Совнаркоме СССР в 1942 году были ликвидированы студии кинохроники в Воронеже, Саратове, Уфе и Казани и превращены в корреспондентские пункты Куйбышевской студии кинохроники [10]. С этого периода хроника жизни Башкортостана стала рубрикой киножурналов, выпускаемых Куйбышевской студией кинохроники [11, с. 75].

Так, в одном из сюжетов «Союзкиножурнала» (1942, № 12, 17 марта) был показан город Уфа, где состоялась очередная сессия Академии наук Украины, на которой выступил президент Академии А.А. Богомолец [12].

О помощи республики фронту шла речь в сюжете («Поволжье», 1942, № 19, 5 декабря.), посвященном труженикам башкирской деревни Сафарово, которые отправили в подарок фронтовикам 152 овчины, 300 кг шерсти, много теплых вещей. Кинокамера запечатлела, как бабушка Ракия Байбурина с любовью вяжет для бойцов варежки, носки, шарфы [13].

Ратным подвигам уроженцев Башкортостана и трудовым подвигам тружеников тыла был посвящен выпуск киножурнала («Поволжье», 1944, № 49.), в котором режиссер В. Каштелян рассказал о самоотверженном труде передовиков производства на заводах республики. В сюжете шла речь и о героизме Мансура Абдуллина и Фазульяна Ахмалетдинова, которым было присвоено звание Героев Советского Союза [14].

В кинодокументах студии находили отражение и важные вехи истории республики. Так, например, один из

сюжетов киножурнала («Поволжье», 1944, № 13.) был посвящен двадцатипятилетию образования башкирской автономии в 1939 г. [15].

Патриотизм тружеников республики, их вера в разгром врага, героический труд во имя Победы нашли отражение и в документальных фильмах, выпущенных Куйбышевской студией в годы войны. Так, например, о трудовом героизме народа шла речь в киноочерке «На боевом посту», снятом студией в 1943 г. (режиссер В.И. Будилович, ассистент режиссера Н. Жданова, оператор С.И. Авлошенко, музыкальное оформление — Б. Мерцалов; звукооператор Л.П. Герцикова) [16]. В одном из сюжетов киноочерка авторы запечатлели, как трудящиеся Уфы провожали на фронт бронепоезд, построенный на их трудовые денежные средства [17].

О героизме нефтяников на нефтяных промыслах Среднего Поволжья и предгорий Урала шла речь в фильме «Нефть — фронту», выпущенном студией в 1942 г. (режиссер О.Д. Покорский; кинооператоры Н.А. Блажков, Н.П. Киселев; музыкальное оформление А.С. Ройтмана; звукооператор Д.Н. Овсянников.) [18]. Повествуя о трудовой доблести нефтяников, авторы фильма рассказали и о женщинах, работающих на нефтяных промыслах, заменяя ушедших на фронт. Зритель увидел на экране лучших работниц Ишимбаевских нефтяных вышек — Анну Сатонину и Настю Шишкину [19].

В создании многих кинодокументов студии принимал непосредственное участие один из первых башкирских кинооператоров Гильван Амиров. В объектив его кинокамеры попали эпизоды сбора подарков фронтовикам, передачи летчикам Красной Армии эскадрильи боевых самолетов, построенных на трудовые сбережения народа, самоотверженного труда ученых, рабочих, шахтеров в тылу и многие другие сюжеты. Став фронтовым оператором, он снимал наступление Красной армии на Украине, в Румынии, Венгрии, Австрии [20, с. 47–48.].

Так, в киносюжете «Подарки на фронт» («Поволжье», 1942, № 9, 2 сентября.) Г.Амиров заснял упаковку подарков трудящихся Татарии партизанам Белоруссии [21].

В репортаже «Во имя Родины» («Поволжье», 1943, № 2.) Г. Амиров совместно с кинооператорами Н. Киселевым, В. Цитроном, С. Фридом запечатлели на военном аэродроме торжественную передачу летчикам Красной Армии эскадрильи боевых самолетов авиаполка «Валериан Куйбышев». Эти самолеты были построены на сбережения трудящихся Куйбышевской области. Принимая подарок куйбышевских патриотов, летчики дали слово «беречь самолеты как зеницу ока, смело и бесстрашно вести их в бой на истребление фашистских оккупантов» [22].

Г. Амиров, будучи в составе группы фронтовых кинооператоров, в которую входили В. Доброницкий, Р. Кармен, А. Кричевский, Ю. Кун, Г. Могилевский, М. Ошурков, А. Смородин, Л. Фролов, М. Шнейдеров, В. Штатланд, участвовал в съемках сюжета «На румынской земле» («Поволжье», 1944, № 25.). Кинооператоры за-

печатлели, как части Красной Армии во главе с командующим Украинским фронтом маршалом Советского Союза И.С. Коневым перешли государственную границу и с боями вступили на территорию противника [23].

Г. Амирову удалось запечатлеть на пленке и празднование народом Великой Победы. В числе других операторов он участвовал в создании сюжета «День Победы великого советского народа» («Поволжье», 1945, № 19–20.) (режиссер В. Каштелян; операторы М. Ципорин, С. Авлошенко, Г. Амиров, Н. Белоусов, В. Каштелян, К. Лавигин). В этом сюжете было показано, как волжане встретили подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии. Кадры запечатлели, как волжане выходили на улицы и со слезами поздравляли друг друга с Победой. Тысячи экземпляров текста о безоговорочной капитуляции Германии были распространены по всем городам и селам Поволжья. Повсюду — на заводах, фабриках, городских площадях возникали многотысячные митинги трудящихся, в выступлениях которых звучали слова искренней признательности всем, чей ратный и трудовой подвиг принес долгожданную Победу.

На экране было показано, как в одной из квартир города Куйбышева за праздничным столом родные и друзья чествовали Героя Советского Союза Ивана Чернеца. В ответ на поздравления близких он сказал: «Вот пришел день, который мы все так долго ждали, день полной победы над врагом. Такой народ как наш нельзя победить! Мы прошли тяжелый путь от Сталинграда до Берлина. Он был полон лишений и опасностей, но мы преодолели все и

триумфально завершили его. Мы бесстрашно шли по дорогам войны. Нас вела бесконечная вера в победу, вера в правое дело. Мы знали, что победим!» [24].

Г. Амиров смог заснять и возвращение на родную землю уроженца Башкортостана — дважды Героя Советского Союза М.Г. Гареева, который вместе с боевыми товарищами прошел славный путь от Москвы до Берлина. В сюжете «В родной семье» («Поволжье», 1945, № 23.) Г. Амиров запечатлел сердечную встречу Мусы Гасейновича Гареева с родными и односельчанами [25].

В одном из выпусков киножурнала («Поволжье», 1945, № 29.), посвященном послевоенной мирной жизни, Г. Амиров в сюжете «Три сестры» показал семью шофера нефтяного промысла «Ишимбайнефти» Аверьянова, у которого появилось на свет сразу три дочери — Вера, Надежда и Любовь. В сюжете рассказывалось о большой заботе общественных и городских организаций Ишимбая о семье Аверьяновых, которой была предоставлена новая квартира [26].

Эти и многие другие кинодокументы, созданные Куйбышевской студией кинохроники в суровые военные годы, сохранили для нас не только хронологию тех великих событий, но и имена их участников, вершивших ратные и трудовые подвиги во имя Победы. Дошедшие до наших дней уникальные кадры кинохроники, запечатлевшие беспримерное мужество, героизм, силу духа и сплоченности народа в борьбе с врагом, играют неоценимую роль в сохранении памяти о Великой Отечественной войне, о творцах Великой Победы.

Литература:

1. Российская газета, 2012, 10 мая.
2. Там же.
3. Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 1996. — 672 с.
4. Там же.
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.4095. ОП.2. Д.9. Л.4.
6. Пospelов А. 25-летие Куйбышевской студии кинохроники // Воляжская коммуна, 1952, 30 декабря.
7. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.19. Л.16.
8. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. Документы и свидетельства / Авт.-сост. В.П. Михайлов, В.И. Фомин. — М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010. — 1048 с.
9. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.20. Л.7.
10. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.24. Л.2.
11. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Указ. Соч.
12. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.6. Л.390.
13. Там же, Л.31.
14. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.8. Л.3.
15. Там же, Л.183.
16. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.966. ОП.2. Д.805. Л.210.
17. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.4. Л.19.
18. РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.805. Л.194.
19. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.4. Л.56.
20. Янгиров Р. Кино в Башкортостане / Р. Янгиров, — Уфа: Изд-во «Башкортостан», 2001. — 88 с.
21. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.6. Л.155.
22. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.30. Л.254.
23. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.8. Л.123–124.

24. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.9. Л.133–134.
25. Там же, Л.118.
26. Там же, Л.95.

Отраслевая перестройка промышленности в условиях научно-технической революции в 1950–1960 гг. (по материалам Среднего Поволжья)

Калимуллин Ришат Радикович, аспирант
Ульяновский государственный университет

Происходящие сегодня в России процессы многие специалисты определяют как модернизационные, подразумевая при этом «обновление», «осовременивание» общества, приближение его к постиндустриальной модели. Наиболее ярко эти тенденции проявляются в сфере реформирования отечественной промышленности, в которой выделяются и создаются новейшие отрасли. Подобные инновационные процессы, хотя и на ином историческом витке происходили в нашей стране в середине XX века. Знание последних создает историческую и научную почву для анализа и прогнозирования современной научно-технической политики, как в рамках Российской Федерации, так и ее отдельных регионов. Важно рассмотрение не только достижений в данной области, но и просчетов, для недопущения подобных ошибок в будущем. В этой связи существует потребность исследования исторического опыта промышленного развития, сложившегося в пределах Среднего Поволжья в 1950–1960 гг.

В указанный период времени в промышленности Куйбышевской и Ульяновской областей, составлявших промышленное ядро Среднего Поволжья, происходили существенные отраслевые сдвиги, связанные с научно-техническими преобразованиями. Эти изменения и определили дальнейшее технологическое развитие индустриального сектора экономики данных регионов нашего государства.

Цели, поставленные партийным руководством страны местным руководителям после июльского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС, предполагали быстрый рост производительности труда «за счет внедрения передовой техники, распространения опыта работы передовых предприятий» [8, с. 9]. В соответствии с этим существенно был увеличен объем государственных капитальных вложений на развитие промышленности Куйбышевской области, в целом на 67% больше чем в 5-ой пятилетке [3, д. 129, л. 66]. Однако большая часть этих средств в нарушении экономических запросов страны были направлены на развитие предприятий ВПК, в Среднем Поволжье относившихся к авиакосмическому комплексу, который складывался в границах экономического района Казань, Куйбышев, Саратов, Ульяновск. Именно предприятия ВПК получали возможность внедрять в производство новейшие достижения отечественной науки. К примеру, на

Куйбышевском авиационном заводе (а/я №18) впервые в СССР была введена полностью автоматизированная производственная линия.

Но увеличенное финансирование предприятий ВПК на практике не приводило к повышению роли научно-технических разработок в связи с частым явлением нецелевого использования средств. Так, в отчете гл. инженера завода №525 Чевелева отмечалось, что «несмотря на перевыполнение плана по валовой и товарной продукции, технико-экономические показатели завода неудовлетворительны» [4, д. 6, л. 1]. Анализ материалов позволяет сделать вывод, что именно в оборонной отрасли наиболее явно проявился затратный механизм хозяйствования и неспособность управленческой системы воздействовать на сложившиеся условия. К середине 1960 годов отчетливо проявлялись отдельные признаки кризисных явлений, несмотря на постоянно растущие объемы производства и довольно значительные достижения в области авиакосмических разработок и других направлений ВПК.

Существенное место в отраслевой структуре регионе в 1950–1960 годы занимали предприятия добывающей отрасли. К концу 1960 годов в Куйбышевском экономическом районе в промышленной разработке находилось 48 нефтяных месторождений. По объемам добычи нефти и газа область занимала III место в СССР, на территории области действовало объединение «Куйбышевнефть» с 6 управлениями, имелись 2 газохранилища «Башкатовское» и «Аманакиевское» [11, с. 87–90]. Местное углеводородное сырье укрепило топливно-энергетическую базу не только региона, но и всего Союза. Кроме того, нефть стала основным сырьем для ряда перерабатывающих производств. Нефтепереработкой занимались три НПЗ. Сызранский и Куйбышевский, построенные в годы войны, производили бензин, керосин, дизтопливо, а более молодой Новокуйбышевский — масла, катализаторы, другую более сложную продукцию.

Однако изучение архивных и статистических данных позволяет прийти к выводу, что хотя до 1964 г. отрасль в регионе развивалась более быстрыми темпами, чем в целом в СССР, но в целом происходило падение производства, прежде всего за счет снижения технико-экономических показателей. Причинами данного явления стоит выделить следующие: низкий уровень организации

труда, недоиспользование материально-технических резервов, низкое качество продукции, преобладание неэкологических производственных установок, частые аварии. Таким образом, в добывающей отрасли имелись значительные неиспользованные резервы интенсификации производства. Количественные показатели оказывались более заметны, нежели качественные изменения. Техническое обновление отрасли происходило крайне медленно. Кроме того к концу 1960-х гг. финансирование этого сектора промышленности центром резко сократилось, в связи с началом освоения новых месторождений в Западно-Сибирской низменности, куда стали направляться крупные государственные капитальные вложения [10].

По нашему мнению наиболее динамично в указанный период в Среднем Поволжье развивалась новейшая для нее отрасль, возникшая в середине 1950-х гг. — химическая.

Совет Министров СССР в конце 1950-х годов, изучив потенциальные возможности индустриальных городов страны, определил центры строительства химических предприятий. Одним из таких центров стал Куйбышев. 7 мая 1958 г. было принято правительственное постановление «об ускорении развития химической промышленности» [5, д. 85, л. 3]. В Куйбышевском экономическом районе базой для развития химической отрасли стали новейшие научные открытия и технические разработки региональных НИИ. В 1957 г. был введен в строй Новокуйбышевский завод синтетического спирта [6, д. 31, л. 11–14]. Вступившие в строй в 1950–60-е гг. Тольяттинский синтезкаучук, Чапаевский завод минеральных удобрений, химкомбинат № 1 и др. играли ключевую роль в химической отрасли всего союза.

Изучение статистических данных позволяет определить, что именно в химической отрасли промышленности Среднего Поволжья воплощались научно-технические разработки, что проявилось в показателях динамики развития данной отрасли [2, д. 203, л. 30].

В 1960 годы активное развитие в экономике регионов получила строительная отрасль. Промышленность строительных материалов в Ульяновской области образовалась вместе с организацией совнархоза и объединяла 17 основных предприятий. Несмотря на широкую востребованность продукции отрасли, технологическое обновление производственных фондов было слабым. Директор Жигулевского известкового завода Архангельский, выступая с отчетом о работе предприятия, отмечал, что «основные технологические процессы выполняются по добыче и обжигу извести так, как было еще при купце Ушакове, осуществляются исключительно вручную» [13]. «Плохо осуществляемое организационное и технологическое руководство производством и медленное внедрение новых технологий на Ульяновском заводе силикатного кирпича и Вырыпаевском кирпичном заводе привели к срыву заказа и простоям технологического оборудования» [12]. Очевидно, что при сложившихся условиях экстен-

сивного строительства вопросы модернизации не занимали особого места. Высокий спрос на продукцию данной отрасли покрывал издержки, возникавшие из-за низкого технического уровня производства. Подтверждением являются статистические данные, демонстрирующие увеличение затрат на производство продукции. В 1960 г. по предприятиям строительных материалов Ульяновской области произошло удорожание затрат по отношению к 1959 г. на 2 % [14, с. 23].

Отрасли производства средств потребления — легкая промышленность продолжала развиваться в Ульяновской области. Треть всех товаров легкой промышленности Поволжья в вышеуказанный период производилась на ульяновских предприятиях [1, д. 126, л. 2]. В это время были построены ряд крупных предприятий текстильной промышленности: в 1960 г. — Ульяновский кожевенный комбинат, 1962 г. — Сурская швейная фабрика, в 1965 г. вступил в строй первый в стране специализированный Мелекесский комбинат технических сукон. Региональные партийные власти, несмотря на указание приоритетного развития отраслей тяжелой промышленности осознавали важность предприятий отраслей группы «Б». Осенью 1955 г. секретарь обкома КПСС В.И. Воробьев на совещании передовиков производства в Ульяновске недвусмысленно высказал позицию местного руководства: помимо развития машиностроения расширять производство отраслей легкой промышленности [7, д. 108, л. 11–13]. Но приоритетные направления экономической политики центральных властей не предполагало обширное вложение средств на развитие отраслей производства средств потребления. На областных совещаниях и заседаниях часто отмечался низкий уровень организации труда, перерасходы фондов заработной платы из-за содержания большой численности работающих, высокой доли травматизма и т.д. По нашему мнению, местные органы управления не имели возможностей обеспечить только на региональном уровне устойчивый эффективный рост данной отрасли.

Действительно, существование командно-административного планирования и официальной системы приоритетов неизбежно вступало в противоречие с потребностями населения. С точки зрения удовлетворения необходимых запросов граждан значительная часть военных расходов, затрат на промышленное строительство, содержание бюрократического аппарата была излишней. Неудовлетворенность потребительского спроса лишала промышленность стимула к совершенствованию производимой продукции, а новые отрасли развивались в первую очередь под воздействием военной и политической необходимости. Следствием такого положения стал производственный монополизм, а отдельные отрасли промышленности не только не воспринимали, но и отвергали инновации и тем более, конкурентные отношения.

Эти явления приводили к тому, что в экономике региона в исследуемый период доминировали экстенсивные черты. При этом по темпам роста промышленного произ-

водства Куйбышевская, и Ульяновская области показывали опережающее развитие в сравнении с общесоюзными показателями. Даже Ульяновская область, уступая по темпам роста Поволжскому экономическому району, имела более высокие темпы по отношению к СССР в целом [14, с. 116].

Таким образом, 1950–60-е гг. были временем проявления новых тенденций в развитии экономики всего Среднего Поволжья. Существенному изменению подвергся индустриальный облик этих территорий. Происходила отраслевая перестройка промышленности — на первое место вышли машиностроение, добыча и переработка нефти, нефтехимия. В Ульяновской области сформировалась новая отрасль — промышленность строительных материалов. Существенно вырос технический уровень производства. Регион из индустриально-аграрного превратился в мощный индустриальный с многоотраслевой промышленностью. Усилился процесс урбанизации, сформировались мегаполисы, включавшие в себя

предприятия с развитой технико-технологической инфраструктурой.

Но, несмотря на ряд существенных успехов в направлении научно-технического прогресса промышленности имелись и очевидные проблемы. Безусловно, имелись серьезные прогрессивные сдвиги в экономике, однако главные идеи задуманных преобразований не были осуществлены. В масштабе всей промышленности Среднего Поволжья не произошло перехода на интенсивный тип развития на базе научно-технической революции. В связи с этим можно согласиться с В.Н. Парамоновым, считавшим, что с точки зрения сложившихся стереотипов «понятие технического прогресса чаще всего ассоциировалось с новой техникой и технологией... прогресс экономический выводился из прогресса технического» [9, с. 352]. Это недопонимание зачастую приводило к значительным издержкам производства и в целом свидетельствовало о зарождении многих негативных тенденций в стране и в регионе.

Литература:

1. Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. Р-3572. Оп. 8.
2. ГАСамО. Ф. Р-3572. Оп. 9.
3. Государственный архив социально-политической истории Самарской области (ГАСПИСамО). Ф-656. Оп. 103. (стенограмма собрания областного партийно-хозяйственного актива Куйбышевской области от 27 июля 1956 г.).
4. ГАСПИСамО. Ф. — 656. Оп. 99.
5. ГАСПИСамО. Ф. Р-656. Оп. 110. (Протокол №20 заседания бюро областного комитета КПСС «О мероприятиях по организации работы в связи с постановлением Майского Пленума ЦК КПСС «Об ускорении развития химической промышленности»).
6. ГАСПИСамО. Ф-656. Оп. 103. (Протокол № 11 заседания бюро областного комитета КПСС «О досрочном вводе в эксплуатацию завода синтезспирта в 1957 г.»).
7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.-3054. Оп. 1.
8. Калинов В.В. Эволюция государственной научно-технической политики в контексте социально-экономической модернизации страны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8—3. с. 96—100.
9. Материалы VI Ульяновской областной партийной конференции по вопросам технического прогресса. Ульяновск, 1956. 34 с.
10. Парамонов В.Н. Россия в 1941—1945.: Проблемы индустриального развития. Самара, 1999. 460 с.
11. Постановление Совета Министров СССР, 19 мая 1962 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» // Документ в контексте универсальных практик: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2007. с. 128—134.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.5. 1962—1965 гг. М., 1968. 750 с.
13. Сенявский А.С. Россия в контексте мировой модернизации // Новая и новейшая история. 2009. № 5. с. 128—134.
14. Ульяновская правда. 1958, 9 января.
15. Ульяновская правда. 1961, 5 сентября.
16. Щербакова Т.И. Советский опыт применения модели территориального управления 1957—1964 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4—3. с. 201—207.
17. Экономико-статистический сборник. — Ульяновск, 1970. — 307 с.

Некоторые аспекты развития культурных традиций в Сибири (XVI–XVII вв.)

Карсакова Гульмира Болатовна, старший преподаватель

Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова (Казахстан)

Первые культурные контакты русских с коренным населением региона относятся к XIII–XIV вв. Движение культурных потоков шло от Северо-Восточной Руси, затем добавляется «южная» и «московская» линии. Особенности этих процессов — в переплетении форм хозяйственно-культурного освоения с действиями, воплощавшими геополитические интересы Московской Руси. Наиболее значимой для складывания инфраструктуры культурного пространства региона является появление городов [1]. С закладкой первых сибирских городов, с особенностями «деревянных рубленых» городов-крепостей связано складывание местного культурно-цивилизационного ландшафта. Там формируются православные духовные идеалы и ценности (военные и храмовые святыни). В дальнейшем города играли важную роль в экономическом, культурном развитии региона.

Постепенно линии приращения культуры региона укреплялись и усиливались. Так, по мнению исследователей С.П. Заварихина, А.Н. Копылова, «разный люд шел в Сибирь» [2, с. 52]. Главный поток переселенцев с конца XVI в. по XVIII век шел из Поморья. В культурном отношении Сибирь в это время стала частью русского Севера. Первые «населенники» принесли много своих обычаев, праздников, дали первых земледельцев, посадских людей, построили первые церкви.

«Всех принимала Сибирь, всем давала возможность проявить себя, но и всех испытывала суровостью и строгостью. Выживали сильные, упрямые. Так складывался знаменитый сибирский характер, а вместе с ним — культура русской Сибири. Сибирская культура очень разнообразна, нелегко проследить все линии влияния — Сибирь сама по себе громадна и неоднородна, переплелись в местных формах культуры творчество аборигенов и «населенников», искусство народное и официальное, консервативные, охранительные тенденции и новые веяния из европейской России и Средней Азии. Плотны спаяны сибирский человек и сибирская природа в памятниках культуры. Особое, ведущее положение в русской культуре Сибири занимает зодчество. Декоративные формы и единство с природой — суровой, но богатой — составляют его главную художественную ценность [3, с. 12].

Такая линия культуры региона и обустройства русскими своего культурного пространства в новых местах хорошо прослеживается в памятниках деревянной архитектуры. Русская архитектура в Сибири до конца XVII в. была представлена исключительно деревянным зодчеством, которое можно разделить условно на три группы: крепостное, церковное и гражданское. Занятие новой территории сопровождалось постройкой укрепленных пунктов-острогов, внутри которых располагались основные казенные здания

(воеводская изба, казенные амбары, церковь, тюрьма, таможенная изба, гостинный двор и т.п.). Острог обычно был небольших размеров, с общей протяженностью стен в 200–300 саженей, и представлял собой правильной или неправильной формы четырехугольник (иногда шести- или восьмиугольник). По углам и кое-где в стенах острога стояли башни. Количество которых было различным. Башни были глухие и проезжие, имеющие ворота. Высота башен была неодинаковой. Башня обычно представляла собой высокий сруб с четырех-, шести- или восьмиугольным основанием (чаще всего четырехугольным). Наверху башни заканчивались шатровой крышей с вышкой [4, с. 32]. Большинство острогов в Сибири очень скоро утратило свое военное значение. Этим можно объяснить то, что балконы над воротами проезжих башен сибирских острогов, имевшие оборонное значение, обычно являлись надвратными церквями и увенчивались крестом и маковицей. Высокие шатры на башнях, орлы, красивые, в национальном стиле оформленные часовни должны были выражать превосходство русской культуры над культурой аборигенов края.

Другим типом старорусских построек, привившихся в Сибири, была шатровая церковь. Она обычно состоит из трех частей, главнейшая из которых представляет собой обширный четырех- или восьмигранный, заканчивающийся вверху восьмигранной пирамидой в виде шатра. Шатер увенчивается небольшим куполом луковичной формы. Несколько особняком стоят «надвратные церкви» над острожными и монастырскими воротами. Они были широко распространены по всей Сибири. Большой интерес представляют покрытия церквей, имеющие чисто национальные русские архитектурные мотивы: бочки, кубы, маковицы и т.п. Гражданскую деревянную архитектуру Сибири XVII в. отличала большая простота и строгость. Дома и избы и деревенских, и городских жителей строились из больших бревен, рубились они топором с выемкой в верхнем бревне. Крыша в старинных зданиях большей частью была высокой, двускатной.

Архитектурный облик сибирского города отличался от северорусского. В нем наблюдалась та же смена стилей, что и в Москве, только с некоторым запозданием — старинные шатровые колокольни и деревянные дома строились здесь после второй половины XVIII в. Каменное строительство в Сибири началось в конце XVII в. Одним из первых был сооружен митрополичий Софийский двор в Тобольске (1683–1688 гг.).

С особенностями истории русского народного творчества связывают и развитие плотничьей культуры строительства домов и оформлением внутреннего пространства жилища. В первый период, когда осваивались, лесные пространства, изобиловавшие добротным строительным

материалом, крестьяне строили жилища чаще всего из хвойных деревьев: сосны, ели, лиственницы. В Западной Сибири предпочитали сосновые дома, лишь на опорные столбы использовали лиственницу. В районе Омска большая часть строений была из кедра, сплавляемого с верховьев Оми. Избы поражали особой красотой, благодаря необыкновенной соразмерности отдельных частей и всего дома в целом. Русские плотники и на новом месте сохраняли выработанный в течение столетий принцип золотого сечения. Художественной обработке подвергались в первую очередь основные конструктивные элементы жилища. Скульптурная обработка с помощью топора концов бревен, входящих в конструкцию сибирской двускатной крыши, по технике резьбы и по мотивам своеобразной круглой пластики очень близка художественному комплексу северной великорусской избы.

Скульптура головы коня или птицы на крыше имела апотропейное (охранительное) значение и уходила своими корнями в одних местах к древне-земледельческому культу коня или к культу птицы у древних охотничьих племен.

Своеобразный «наряд» сибирского крестьянского дома дополнялся и другими архитектурными деталями, которые имели определенное утилитарное значение, но при этом играли декоративную роль. Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. на наличниках сибирских изб встречается трехгранно-выемчатая резьба с мотивами круга-солнышка, его половины и сегмента [5, с. 17]. Важные дополнения к характеристике проявления в Сибири культурных традиций русских крестьян, их мастерства в изготовлении бытовых вещей, которые можно причислить к художественным, вносят результаты современных исследований. Крестьяне Сибири использовали разный материал: дерево, глину, шерсть, лен, металл, рог, кость. Каждому материалу была присуща своя техника работы с ним [6, с. 67].

У разных народов она близка, ибо продиктована свойствами материала. Формы, декор бытовых вещей имеют своеобразие у каждого народа. В них выражалось народное видение красоты, вкуса, философское осмысление природных явлений. Художественные изделия русских крестьян также имеют специфику. Прежде всего, следует отметить, что крестьянские изделия были рассчитаны на долгое служение, делались навек. Материал на их изготовление не жалели. К наиболее ценным качествам относили прочность, добротность, основательность. В связи с этим большинство крестьянских вещей приобретает массивные формы. Постройки сибирских крестьян делались из крепких бревен, просторные, прочные. Крестьянская мебель, обычно была устойчивой, приземистой, прочной, простой по форме. Такова же крестьянская посуда. Все эти качества входят уже в круг эстетических понятий крестьян.

В крестьянских изделиях всегда на первый план выступает красота материала. Мастера умели раскрывать присущие ему от природы эстетические свойства. Знание материала родилось не в Сибири, но прежний опыт был

полно применен здесь. Для примера возьмем обработку дерева в Сибири. Каждый вид древесины использовался с учетом его качеств. Тонкую резьбу делали на липе, посуду точили из березы и осины, сундуки изготовляли из сосны, кедр шел на постройки домов. Народные мастера знали художественные и практические особенности дерева, поэтому в одной постройке часто по-разному использовали разную древесину. На фундамент шла более прочная лиственница, для жилого сруба лучшим деревом считалась сосна, так как она хорошо держит тепло и создает благоприятную для человека воздушную среду, для отделочных работ использовали кедр, так как он имеет красивую структуру тканей. Даже для того, чтобы положить дерево в сруб, необходимы были знания его свойств. На внешнюю сторону сруба укладывали дерево бывшей северной стороной, где древесина была плотнее, годичные кольца мельче. Эта сторона меньше пропускала холод.

Резьба как один из видов народного искусства, распространен в Западной Сибири. Этот аспект интересен и тем, что резьба с течением времени становится элементом городской художественной культуры, переходит в современное декоративное прикладное искусство. Для резьбы лучшим материалом считалась древесина лиственных пород: липы, осины, березы, ольхи. Липа в Сибири была любимым материалом, но к середине XIX в. липовые леса были здесь почти полностью вырублены. На липе, осине, ольхе выполняли тончайшие узоры. Из хвойных пород деревьев выполняли резьбу только с крупным орнаментом, чтобы избежать скалываний вдоль годичных волокон и зрительного искажения формы рельефа. Сосна шла в крестьянской архитектуре на крупные украшения дома: причелины, фриз и пр. Годичные слои ели менее выражены, чем у сосны, поэтому из нее резали прялки, однако березовые прялки ценились дороже. Уникальные примеры самодельного творчества, известные далеко за пределами региона (например, в Омске).

Повсеместно в Сибири были признаны достоинства бересты. Ее использовали в постройках для предохранения дерева от гниения, обкладывая ею нижний венец сруба и закрывая верхний. Практична посуда из бересты: в ней долго сохраняются многие продукты, квас даже в жару остается холодным. Береста не держит запахов. Поэтому, даже после соленой рыбы эту посуду можно использовать для хранения других продуктов. Ценились и эстетические качества бересты. Она красивого белого, желтого или светло-коричневого цвета. На бересте можно было выполнять тончайшие узоры, используя бересту разных оттенков и разную технику: резьбу, чеканку. Сибирские умельцы создавали многочисленные изделия из бересты самых различных форм, но наиболее любимой формой были туеса, часто богато орнаментированные чеканкой, резьбой, окраской. Выявленные признаки традиционной культуры Западной Сибири сохранились в измененном виде, перейдя в сферу декоративно-прикладного искусства. Современные поиски мастеров видны из музейных выставок и демонстрируются в специальных центрах.

Другая особенность народного искусства для западносибирского региона, является его утилитарная основа. Крестьянские художественные изделия утилитарны в своей основе. Они должны были украшать быт и выполнять определенную практическую задачу. Костяная брошь — произведение тобольских косторезов, прежде всего, скрепляет края одежды, а затем уже служит украшением. Свое функциональное назначение имеют и другие изделия из кости: запонки, заколки для волос, вязальные крючки, гребни, пуговицы, чернильницы и песочницы, ножи, ящички, портсигары. Небольшая часть изделий призвана была только украшать быт или служить дополнением к костюму, например, серьги, ожерелья.

Почти все детали в архитектуре имеют определенное утилитарное назначение и в то же время играют существенную декоративную роль. Также свое назначение имеют резные ставни, крыльцо и пр. Но эти же элементы формируют и лицо постройки. Выделяют огромную декоративную роль, которую играла раскраска изделий. В крестьянских домах строгий интерьер дополнялся росписью перегородок, дверей, иногда потолка и стен. Во всех районах Сибири раскрашивали столы, стулья, шкафы, скамьи, сундуки. В Сибири практиковалось и сплошное окрашивание, и окраска отдельных плоскостей с выделением цветом наиболее существенных частей изделия и подчеркиванием пластически выразительных деталей, и орнаментальная роспись изделий.

Декоративные росписи по дереву как вид народного творчества можно считать одним из выходов на поверхность пластов традиционной культуры. Художественная материальная культура Омской области, будучи переселенческой в своей основе и отсюда в значительной степени истощенной, может выделить в себе очень тонкий слой, который, отделяясь от этнографического, приобретает непосредственное значение для народного искусства; декоративные росписи — тот безукоризненный случай, который отвечает требованию сложившихся понятий о народном творчестве, а потому заслуживает серьезного систематического изучения.

Декоративные росписи носили стилизованный, преимущественно растительный характер. Главный мотив изображения — чашечка цветка с листьями, бутонами, плодами на стебле. По воле художника они сочетались в гирлянды, венки, букеты. Разнообразие вносили вазоны, геометрические фигуры — ромбы, квадраты с вогнутыми и выпуклыми сторонами — изображения птиц, домашних и экзотических животных — львов, тигров, — но уже значительно реже. Формам придавалась барочная пышность. По виду эти росписи относятся к росписям живописного типа, выполненным в маховой манере со свободной раскладкой основных элементов композиции.

Искусствоведами установлено, что для крестьянского вкуса характерна любовь к яркому цвету и резким контрастам. С этим связано частое использование в крестьянском интерьере ковров, скатертей, полотенец. Полнокровная насыщенная жизнь крестьян формировала

полнокровное звучное ощущение цвета. Цвет всегда лежал на поверхности вещи, никогда не создавалось впечатления объемности, глубины в крестьянских росписях. Декоративными росписями особенно богата была часть Западной Сибири, примыкавшая к Уралу, узорными тканями — юг — Зауралья. Обильная резьба по дереву встречается во всех районах Сибири. Ажурной резьбой по кости владели некоторые мастера Тобольска. Плоскостное узорчье встречается во многих городах Сибири, особенно в Тюмени. В узорах особенно ярко выражен растительный орнамент. В кованом металле и просечке, в прорезной бересте и в деревянных кружевах наиболее часто встречаются мотивы переплетающихся веток, листьев, цветов и плодов. В росписях по металлу мастера Туринска располагали обычно на ярком фоне растительный узор. Наиболее распространенным рисунком тюменских ковров были цветы на темном фоне. В золотошвейном деле, которое существовало в Сибири в некоторых монастырях и городах (Тобольске, Тюмени и других), растительный плотный узор был в основе всего искусства. В гончарных изделиях также встречалась резьба в сочетании с поливой и росписью. В расписных прялках, которые, как известно, изготавливали в местах их использования, преобладали растительные мотивы.

Не менее распространен был геометрический узор. Геометрический орнамент часто встречается в деревянной резьбе на предметах быта. Наиболее частыми геометрическими изображениями были круги, вихревые розетки, ромбы. Наиболее ярко проникновение культуры русских на территорию Западной Сибири проявлялось в градостроительстве. Первым городом региона является Тюмень. Едва возникнув и закрепившись в устье Тюменки, новый город быстро рос, развивались в городе ремесло и промыслы в XVII в. Появилась в Тюмени и своя живопись. Сибирские города, начинавшие свою жизнь, прежде всего, как военные лагеря, как стратегические пункты, нередко имели прямоугольную или очень приближенную к ней сеть улиц. Но в то же время, что для строителей города прямоугольная планировка не была жесткой: там, где этого требовал ландшафт, условия местности, регулярность нарушалась, смягчалась, а местами и совсем пропадала. Эта градостроительная «раскованность» и делала город органичной частью ландшафта, создавала разность масштабов центральной части и окраин, а в конечном итоге богатство видовых перспектив.

Настоящим образцом древнего прикладного искусства в Сибири остаются двери главного входа, оба полотна которых облицованы металлическими филенками, богато орнаментированными тонкой ручной насечкой. Чудо-звери и чудо-птицы на этих филенках — как отсвет далеких языческих времен. В этом описании можно найти отражение наслоений разных культурных образцов, что и составило в итоге живую современную культуру Западной Сибири. Культурно-цивилизационный ландшафт Западной Сибири был разнообразен, культурные процессы которого повлияли на развитие современной культуры региона.

Литература:

1. Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989 г.
2. Рыженко В.Г. Культура Западной Сибири: история и современность. Омск, 2011 г.
3. Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. Москва: Искусство, 1981 г.
4. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири XVIII-XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1968 г.
5. Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян в Сибири. Новосибирск: Наука, 1989 г.

Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) – основной институт консолидации молодежной политики финно-угорского мира

Комаров Кирилл Владимирович, председатель совета молодежных объединений по реализации программы развития студенческого самоуправления

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

Участие молодежи в финно-угорском движении представляет интерес с точки зрения ее роли в продолжение его развития. Реализуя свои общественно-политические интересы, цели, задачи в деле сохранения родного языка и культуры, молодое поколение финно-угров, с одной стороны, интегрируется в общественно-политическую структуру и с другой — передает свой опыт будущим поколениям. От того, насколько активна будет молодежь в этом процессе, на что будет направлена ее деятельность, зависит характер данного общественного движения.

Консолидация финно-угорской молодежи является частью общего процесса сближения финно-угорских народов. Интеграция российской финно-угорской молодежи в общепермско-угорском движении проходила и проходит на современном этапе через Молодежную Ассоциацию финно-угорских народов (МАФУН). МАФУН — это международное независимое объединение молодежных общественных финно-угорских и самодийский (уральских) народов, основной целью деятельности которых является работа по сохранению, развитию, пропаганды их языка и культуры.

Началу возникновения МАФУН положила марийская молодежная организация «У вий», учредительная конференция которой состоялась в ноябре 1989 г., после проведения в г. Йошкар-Оле I конгресса финно-угорских писателей. В июне 1990 г в г. Йошкар-Оле прошел первый молодежный форум, где по решению делегатов была образована Молодежная Ассоциация финно-угорских народов.

Одной из основных задач МАФУН является сближение и координация сотрудничества молодежи из Венгрии, Финляндии, Эстонии, Российской Федерации. В 1990 году был принят ее устав, согласно которому, основными целями Ассоциации являются:

— сближение и сотрудничество молодежи финно-угорских народов;

— создание условий для самореализации и содействие росту национального самосознания финно-угорской молодежи;

— участие в выработке и реализации государственных программ, разработке законопроектов и других нормативных правовых актов, направленных на сохранение и развитие финно-угорских народов, защиту прав коренных народов;

— защита политических, социально-экономических и других прав финно-угорских народов;

— сохранение, возрождение и пропаганда традиционных духовных и культурных ценностей финно-угорских народов как части мировой культуры [7].

Основные направления деятельности Ассоциации:

— содействие организациям-членам Ассоциации в реализации собственных программ;

— содействие в создании молодежных организаций, объединений, союзов молодежи финно-угорских народов;

— сотрудничество с общественными организациями, с государственными структурами;

— воспитание национальных кадров;

— обмен и распространение информации о деятельности Ассоциации [7].

МАФУН в качестве наблюдателя принимает участие в работе Международного Консультативного комитета финно-угорских народов (координирующего органа Всемирного конгресса финно-угорских народов).

Согласно Устава, органами управления МАФУН являются Конгресс, Правление и Председатель Правления (Президент) Ассоциации. Другими органами ассоциации являются Совет Старейшин, Рабочие проектные группы [7].

МАФУН состоит из организаций-членов Ассоциации, принятых на Конгрессе в установленном порядке. Для координации их деятельности в пределах своих регионов и стран, по решению Конгресса могут создавать Координационные центры. Они могут образовываться на тер-

ритории компактного проживания финно-угорских и самодийских (уральских) народов Российской Федерации, а также в Венгрии, Финляндии и Эстонии [7].

Высшим органом управления Ассоциации является Конгресс, который формируется путём выборов делегатов от отдельных организаций. Число этих делегатов зависит от квот, установленных решением Правления МАФУН. Как правило, Конгресс МАФУН проходит в течение 3–4 дней, во время которых проводятся пленарные и секционные заседания. Во время Конгрессов, как правило, осуществляется знакомство с традициями и культурой титульного населения той страны или региона, где проходит мероприятие; обмен опытом. Программа Конгрессов предусматривают мероприятия, которые должны содействовать сплочению финно-угорской молодежи, осознанию ценностей собственной культуры, поиск новых путей развития родного языка и сохранения народных традиций в современных условиях [7].

Общее руководство деятельностью Правления Ассоциации осуществляет Председатель Правления (Президент) Молодежной ассоциации финно-угорских народов, который избирается Конгрессом из числа членов Правления сроком на 2 года. Председателями Правления МАФУН избирались Александр Абдулов (Марий Эл, 1990), Светлана Смирнова (Удмуртия, 1993), Нина Нестерова (Коми, 1995), Яак Прозес (Эстония, 1997, 1999), Василий Петров (Марий Эл, 2003, 2005), Алексей Расыхаев (Коми, 2007), Алексей Цыкарев (Карелия, 2009), Василий Немечкин (Мордовия, 2011).

Образованный в г. Йошкар-Оле Совет МАФУН собрался впервые в Таллинне во время Дней родственных народов, которые проходили с 19 по 21 октября 1990 года. Важнейшим среди обсуждаемых на той встрече документов была программа деятельности организации. Были приняты следующие решения:

- организовать в Марий Эл лагерь обучения марийскому языку;
- провести в 1992 году в Саранске вторую встречу финно-угорской молодежи;
- объявить конкурс на символику МАФУН;
- ввести в соответствие с численностью каждой организации членские взносы в МАФУН;
- создать рабочую группу для развития предпринимательской деятельности;
- создать при МАФУН секции театра, изобразительного искусства, писателей, композиторов, ученых и журналистов;
- разработать программу политического образования для молодежи;
- создать группу для сбора исторического наследия и др. [4].

К сожалению, после заседания в Таллинне активность Ассоциации снизилась, и для этого было несколько причин. Прежде всего — распад СССР и кардинальное изменение экономической ситуации. Вторая же причина заключалась в слабости молодежной организации.

С новой силой Ассоциация приступила к работе в мае 1993 года, после заседания ее Совета в Тарту. В Тарту в Ассоциацию были приняты новые организации и было утверждено решение о проведении следующего конгресса в Ижевске. Президентом избрали Светлану Смирнову. Больших усилий стоило издать финно-угорскую газету «Родство», которая стала первым печатным органом МАФУН. Так центр финно-угорского молодежного движения переместился в Ижевск, где работает самая успешная из всех финно-угорских молодежных организаций — «Шунды» («Солнце»).

В рамках программы МАФУН и при ее активном участии были проведены многие мероприятия, целью которых было восстановление забытых традиций. В 1991 году это проведение Праздника танца финно-угорских народов (г. Ижевск). В 1992 году в марте-апреле был проведен фестиваль национальных театров финно-угорских народов, в июне в г. Таллинне были организованы спортивные игры финно-угорской молодежи, осенью в г. Сыктывкаре проведен II фестиваль телефильмов и программ «Финно-угорский мир». И многое другое.

Важным событием в движении финно-угорской молодежи стало проведение 26–30 октября 1994 г. в столице Удмуртии г. Ижевске конференции «Молодежь и финно-угорский мир». Ее провели Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, Совет Министров Удмуртской Республики, Государственный комитет Удмуртской Республики по молодежной политике, Удмуртский государственный университет, Молодежная Ассоциация финно-угорских народов, Удмуртская молодежная общественно-политическая организация «Шунды» («Солнце»).

В работе конференции приняли участие молодые политики, лидеры молодежных движений, представители государственных структур по работе с молодежью, ученые, журналисты из финно-угорских республик Российской Федерации (Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского автономного округов, Финляндии, Эстонии).

Целью конференции стало выявление общих проблем, формирование организационного механизма взаимодействия финно-угорской молодежи в целях повышения ее конкурентоспособности в мире, сообществе и выработка программных положений по вовлечению молодежи в процесс социально-экономических, политических преобразований и культурного развития финно-угорских народов.

По мнению тогдашнего Президента МАФУН Светланы Смирновой молодежная политика в финно-угорских регионах должна проводиться объединенными усилиями как государственных, так и общественных организаций, в том числе и самих молодежных объединений. Она должна быть направлена на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого финно-угра [2].

В итоге работы конференции была разработана «концепция программы развития финно-угорской молодежи»

и принят план ее реализации в области науки, образования, культуры, здравоохранения, законодательства, информации, экономики.

В июне 1995 года в Сыктывкаре состоялся III конгресс МАФУН, который избрал новым президентом Ассоциации Нину Нестерову из Республики Коми. В принятой на конгрессе резолюции работа Ассоциации признана удовлетворительной и отмечено, что молодежные организации показали себя силой, которая укрепляет духовное единство финно-угорских народов. Ассоциация решила на конгрессе в своей дальнейшей деятельности учитывать и государственную молодежную политику, сотрудничество между университетами и студентами, а также пожелания, высказанные в творческих молодежных секциях. Следующие конгрессы МАФУН состоялись в 1997 г. в Эстонии (Лауласмаа) и в 2000 г. в Финляндии (Хельсинки). IV конгресс МАФУН проведен в 2003 г. в Йошкар-Оле (Республика Марий Эл).

В 1996 г. одной из важнейших задач МАФУН было представление финно-угорской молодежи на II всемирном конгрессе финно-угорских народов в Будапеште. Для обсуждения молодежных проблем была создана отдельная секция, принявшая итоговый документ, в котором отмечалось, что «государственные органы в финно-угорских странах и регионах РФ должны оказать поддержку местным и национальным молодежным организациям». Кроме того, была отмечена необходимость создания российского координационного и информационного центра [6].

На очередной заседании МАФУН, которое состоялось 10–11 ноября 2000 г. в г. Саранске, было принято решение принять участие в работе Третьего конгресса финно-угорских народов. Для этого было предложено создать рабочие группы для участия в секциях Всемирного конгресса. Было создано 7 рабочих групп: творческой молодежи, экологии и здоровья, национальной политики, массовой информации, культуры, студентов и вузов, школьников и обучения. Было принято положение о выступлениях рабочих групп Третьего Всемирного конгресса «всего финно-угорского мира, а не конкретного региона, акцентируя внимание на положительных и отрицательных моментах, предлагая пути выхода из сложившейся ситуации» [5].

Также был обсужден и принят план деятельности МАФУН на 2001–2003 гг., в котором приоритетной задачей стало создание электронной версии архива МАФУН и информационная работа.

В качестве первого шага, направленного на улучшения обмена информацией между организациями-членами, в апреле был основан открытый лист рассылки электронной почты org.mafun@lists.ut.ee.

Самой важной стороной деятельности Ассоциации было и все еще остается взаимное информирование: через МАФУН собирались участники проводимых на финно-угорских территориях России культурных мероприятий. Возможности МАФУНа как посредника в обмене инфор-

мацией — в том числе и за границей — улучшились с осени 1999 года с появлением газеты «Kudo+Kodu». Эта газета является не только органом МАФУН, она стала общей финно-угорской газетой.

В 2001 г. Ассоциация начала работу по созданию средств распространения информации совместно с редакцией финно-угорской газеты Kudo-Kodu.

Таким образом, следуя своим четким поставленным задачам, МАФУН сделала первые шаги — мероприятия на пути к созданию взаимной информации через глобальную сеть. В дальнейшем работа в этом направлении была продолжена. В течение 2002 г. усилия МАФУН были направлены на создание виртуального пространства молодежных финно-угорских организаций, освещение в СМИ деятельности организации — членов МАФУН и бюро МАФУН по адресу www.mafun.org.

Еще одним положительным результатом стала разработка группой МАФУН «Масс Медиа» проекта по созданию своего инфоцентра МАФУН. Таким образом, была выполнена резолюция Второго Всемирного Конгресса, на котором отмечалась необходимость создания российского координационного и информационного центра.

Тем не менее, участие молодежи в процессах культурного развития является важным и значительным, так как без этого не может будущего ни у национальных движений, ни у языков и культур этих народов. Это подтверждает и резолюция о молодежной политике принятая на V съезде коми народа, в которой подчеркивалась значимость проведения «детских и молодежных фестивалей, конкурсов, семинаров, конференций в области родного языка, литературы, истории и краеведение, традиций и фольклора, современных направлений искусства коми народа», а также выдвигалось требование «продолжить работу по развитию международного сотрудничества в рамках деятельности МАФУН» [9].

Констатацией позитивного факта в деятельности финно-угорской молодежи является то, что национально-культурные организации в последнее время научились находить точки конструктивного сотрудничества с различными органами государственных структур, принося действительно немалую пользу финно-угорским народам. В качестве примера можно назвать удмуртскую молодежную общественную организацию «Шунды», которая в своей деятельности стала связующим звеном органов власти, Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи, Министерство национальной политики, Министерство культуры, Государственный комитет. Практика показала, что такая взаимосвязь является плодотворной. Это позволило «Шунды» реализовать ряд социально значимых проектов, таких, как проведенный в 2002 году обучающий INTERNET-семинар для удмуртов, проживающих на территории республик Удмуртия, Башкортостан, Марий Эл; программа «Лулчеберет», основной целью которой является создание условий и организационных механизмов, обеспечивающих самореализацию и развитие социально-этнического само-

сознания удмуртской молодежи в духе интернационализма и культуры мира, участие в выработке и реализации государственных программ в области культуры и межнационального сотрудничества. Марийская общественная региональная организация «Союз марийской молодежи» «Увий» также не является исключением. Активно сотрудничая и взаимодействуя с Министерством культуры, печати и делам национальностей Республики Марий Эл, марийская молодежь доказала свою социальную значимость, активно участвуя в общественной жизни региона и проводя свои важные проекты, среди которых есть как традиционные, так и инновационные [1].

Молодежная ассоциация участвовала в работе IV Всемирного конгресса финно-угорских народов, 15–19 августа 2004 года в Таллинне, Республика Эстония. Все 20 человек делегации МАФУН на Конгрессе — молодые люди в возрасте до 30 лет, представляющие организации-члены. Непосредственно перед началом Всемирного конгресса в Таллинне 10–14 августа 2004 года было проведено очередное расширенное заседание правления МАФУН, на котором была обсуждена концепция участия Ассоциации в Конгрессе. Председатель правления МАФУН выступает с докладом на открывающем пленарном заседании конгресса. Представители Ассоциации выступают с основными докладами на секциях IV Всемирного конгресса финно-угорских народов по темам «Социальная адаптация молодежи» и «Молодежь и СМИ». Кроме того, представители Ассоциации принимают участие в подготовке проекта резолюции конгресса [3].

В августе 2009 года в городе Петрозаводске состоялся IX Конгресс МА-ФУН, на котором было решено выбрать местом проведения следующего X юбилейного Конгресса — город Саранск. Он проводится в рамках Второго международного десятилетия коренных народов мира и подготовки к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства [8].

В настоящее время МАФУН активно развивает и реализует крупные международные и межрегиональные проекты: «Мастерская будущего финно-угорской молодежи», «Межрегиональный лагерь-семинар для молодых финно-угорских семей», «Интернет-сайт МАФУН» и др. МАФУН реализует издательские проекты, проводит обучающие семинары.

Вот уже на протяжении многих лет МАФУН является соорганизатором Международной конференции студентов финно-угроведов IFUSCO (International Finno-Ugric Student Conference), которая является молодежным аналогом международного конгресса финно-угроведов. Первая конференция IFUSCO была проведена в 1984 г. в городе Геттинген (Германия). Ежегодно форум организовывался в различных странах Европы, впервые в России конференция прошла в 1999 году в Сыктывкаре. IFUSCO — это стартовая площадка для молодых ученых, где они могут попробовать свои силы, познакомиться с исследованиями своих коллег. На конференции активно обсуждаются вопросы языкознания, литературоведения, политологии,

юриспруденции, экономики, экологии, социологии и т.д.

Неизменна основная миссия МАФУН — сохранение языков и культур финно-угорских народов. Однако реалии сегодняшнего дня побуждают молодых финно-угров активнее участвовать и в социально-экономическом развитии своих регионов. Данной цели служит учрежденный в 2009 г. в Кудымкаре «Международный социально-экономический форум финно-угорской молодежи», в котором приняли участие десятки молодежных организаций финно-угорских регионов Российской Федерации, Венгрии, Финляндии, Эстонии. Основной целью Форума является содействие распространению и практическому применению инновационных моделей социально-экономического развития финно-угорских народов. Основными организаторами Форума выступают: ПРОО «Роза ветров», АНО «Институт гражданской активности», МАФУН (Молодежная ассоциация финно-угорских народов).

Следует отметить, что Ассоциация не замыкается на сотрудничестве с организациями только из финно-угорских стран и регионов Российской Федерации. МАФУН принимает участие в Курултаях тюркской молодежи, взаимодействует с Международным объединением тюркской молодежи (МОТМ), которое является одной из авторитетных молодежных организаций на евразийском пространстве. Так в августе 2010 года по приглашению МОТМ, делегация МАФУН приняла участие во Всемирном конгрессе тюркских народов, который проходил в АТО Гагаузия (Республика Молдова). В этом Конгрессе участвовали делегации из Российской Федерации, Казахстана, Азербайджана, Украины, Кыргызстана, Турции, Болгарии, Ирака и других стран. В рамках Конгресса прошли пленарные и секционные заседания, круглые столы, обширной была и культурная программа. Возможность познакомиться тюркскую молодежь со своей богатейшей культурой была предоставлена и финно-угорской молодежи.

2010 год являлся юбилейным для МАФУН. В октябре 2010 г. Молодежная ассоциация финно-угорских народов провела в Российском центре науки и культуры в Финляндии (зарубежном представительстве Россотрудничества) международный семинар «Между прошлым и будущим: 20 лет на благо языков и культуры», посвященный 20-летию юбилею организации. Более 40 гостей из финно-угорских регионов России, Финляндии, Эстонии приняли участие в дискуссии «Приоритеты развития молодежного финно-угорского движения: язык и культура или социально-экономические блага.

Поистине знаковым событием для международной деятельности МАФУН стало участие в работе Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов был основан в соответствии с резолюцией 2000/22 Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) от 28 июля 2000 года. В этой резолюции форуму были даны полномочия «обсуждать вопросы коренных народов в рамках мандата Совета в том, что касается экономического и со-

циального развития, культуры, окружающей среды, образования, здравоохранения и прав человека».

В работе Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов (15–27 мая 2011 г., штаб-квартира ООН, г. Нью-Йорк, США) интересы финно-угорской молодежи представляли А.В. Цыкарев и В.Н. Немечкин. На X Сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов член Правления МАФУН от Мордовии Василий Немечкин выступил с докладом о реализации прав финно-угорских народов.

Президент МАФУН Алексей Цыкарев выступил на заседании Экспертного механизма ООН по вопросам коренных народов (13 июля 2011 г., г. Женева, Швейцария) с докладом, посвященным реализации Декларации ООН о правах коренных народов.

Таким образом, можно сделать следующее заключение:

Молодежная ассоциация финно-угорских народов осуществляет свою деятельность в рамках управления, организации и участия в различных мероприятиях, имеющих местный, региональный, федеральный и международный масштабы. МАФУН принимает участие в работе международных конгрессов, заседаний Правления ассоциации, Совета старейшин, рабочих проектных групп, в тематических встречах, фестивалях, научных семинарах, дискуссиях, культурно-просветительных и спортивно-массовых мероприятиях. Она также активно участвует в подготовке и проведении комплексных исследований по изучению актуальных проблем суверенитета и культурной самобытности уральских (финно-угорских и самодийских) народов,

возрождения и развития их национальных культур, поиска оптимальных путей экономического развития регионов и рационального природопользования, а так же состояния здоровья населения. Важным аспектом ее деятельности последнее время становится подготовка совместных изданий, радио- и телепередач, освещающих насущные проблемы народов и, особенно, деятельность молодежных организаций. Большое внимание обращается на установление контактов и творчески взаимосвязей с молодежными объединениями других регионов и стран мира [10, С. 12].

К настоящему времени установлены деловые контакты МАФУН с молодежными организациями Венгрии, Финляндии, Эстонии, финно-угорскими молодежными организациями России — с Марийской общественной региональной организацией «Союз марийской молодежи» «Увий», с удмурдской молодежной организацией «Шунды» («Солнце»), с карельской Молодежной общественной организацией «Nuori Karjala» и другими.

За 20 лет своего существования Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) внесла и успешно продолжает вносить большой вклад в укрепление сотрудничества финно-угорской молодежи, в дело сохранения родных языков и культуры. Её участники научились находить точки конструктивного сотрудничества в сфере общественной дипломатии с различными международными организациями, государственными органами, неправительственными организациями, принося действительно немалую пользу финно-угорским народам.

Литература:

1. Александров Е.В. Финно-угорская молодежь в контексте современных интеграционных и межкультурных процессов: доклад на открытии XXII Международной студенческой конференции IFUSCO / Е.В. Александров, Н.Н. Осипов // Вестник Марий Эл. — 2006. — № 2. — С. 56–61.
2. Выступление Президента МАФУН, Председателя по национальным делам при Совете Министров Удмуртской республики Смирновой С.К. // Молодежь и Финно-угорский мир: материалы Международной научно-практической конференции. — Йошкар-Ола, 1994.
3. Официальная страница МАФУН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mafun.org/index_ru.htm
4. Прозес Й. Духовное единство молодежи / Й. Прозес // Kudo+Kodu. — 2000. — № 19.
5. Протокол заседания Совета МАФУН от 10–11 ноября 2000 г., г. Саранск [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mafun.org/archives/2000-11ru.html>
6. Резолюция Второго Всемирного конгресса финно-угорских народов // Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов, сб. материалов. — Будапешт, 1996. — С. 234–245.
7. Устав Молодежной Ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mafun.org/archives/kongr6/statV1ru.rtf
8. X Конгресс МАФУН пройдет в Саранске [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://izvmor.ru/article_13244.html
9. Шабаев Ю. Финно-угорская культурная политика в контексте межрегиональных и межгосударственных связей // Финно-угроведение. — 2002. — № 1. — С. 3–27.
10. Якунчев М.А. Молодежная Ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) / М.А. Якунчев // Финно-угорский мир. — 2009. — № 1. — С. 12–13.

Обоснованность выбора Бородинского поля как места сражения

Николаев Олег Сергеевич, аспирант

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой

Все дальше вглубь истории уходит грозный 1812 год. Прошло уже 200 лет «со времен Бородина». Теперь это далекая страница истории. С тех пор в мире многое произошло, многое изменилось. Но героический подвиг, совершенный нашими предками в Отечественной Войне 1812 года во имя защиты нашей Родины от иностранных завоевателей, и теперь вызывает у людей восхищение и благородное чувство национальной гордости. В истории России есть немало великих страниц, насчитывается немало великих сражений, от исхода которых зависела судьба страны, и которые были выиграны благодаря таланту великих полководцев. Одно из таких сражений — Бородинское сражение, в котором участвовали многие выдающиеся полководцы, но среди них особенно проявился гений М.И. Кутузова.

Бородинское сражение во многом повлияло на дальнейший ход Отечественной войны 1812 года. Начиная войну, Наполеон планировал приграничное генеральное сражение, но отступавшая русская армия завлекла его далеко от границы. Продвигаясь вглубь России, Наполеон терял свои силы из-за бесконечных нападений со стороны крестьян, оставлявших свои деревни. «Кровь и пожары дымились на длинном пути вторжения», — писал участник отечественной войны 1812 года Ф. Глинка: «Французы, в полном смысле шли по пеплу русских сел» [12, с. 84]. Участник похода в Россию французский генерал Ф. Сегюр в своих воспоминаниях приводит высказывания маршала Даву: «Должно сказать, что отступление русских совершается в удивительном порядке. Одна местность, а не Мюрат определяет их отступление. Их позиции избираются так хорошо, так кстати, и каждая из них защищается соответственно их силе и времени, которые генерал их желает выиграть, что, по справедливости, движение их, кажется, идет сообразно с планом, давно принятым и искусно начертанным» [16, с. 57].

Ошибочно представляя себе замысел сражения, западные военные историки несправедливо обвиняют Кутузова также в том, что он не сумел выбрать для сражения подходящей местности. Эту же версию повторяют и некоторые русские историки, считая, что Кутузов совсем не выбирал позиции, а прижатый Наполеоном, остановился на неправильно выбранной и оцененной местности [9, с. 27]. Военный историк А.К. Байов утверждал, что Кутузов не придавал значения выбору позиции для Бородинского сражения: «Расположение войск на позиции не вполне соответствовало ни значению, ни свойствам ее различных участников» [2, с. 113]. Такие выводы ошибочны и с исторической, и с военной точек зрения. Выбор местности для боя или сражения, разумеется, не второстепенный фактор. Местность всегда, а в те времена особенно имела

чрезвычайно важное значение. Она оказывала влияние на выбор направления главного удара, от нее зависели расположение и группировка войск и их использование в сражении.

Готовясь к сражению с численно превосходившим противником, Кутузов, естественно, принял все меры к тому, чтобы найти наиболее удобную позицию на пути от Царево — Займища до Можайска. Для этого были заранее посланы вперед опытные офицеры. По приезду в Горки Кутузов утром 22 августа сразу же поехал осматривать позицию и лично отдавал распоряжения по ее укреплению.

Избранная позиция защищала основные пути, ведущие к Москве: ее фланги не могли быть обойдены, так как они прикрывались: правый фланг — рекой Москвой, а левый — полосой лесов. Позиция возвышалась над впереди лежавшей местностью и давала хороший обзор и возможность обстрела для артиллерии. Реки и овраги, находившиеся впереди фронта, мешали французской армии свободно маневрировать. Равнинная местность допускала, за исключением отдельных участков, ведение пехотой атак в батальонных колоннах и использование крупных соединений кавалерии. Южная часть позиции имела лесистый, закрытый характер и стесняла действия войск, особенно конницы [8, с. 24].

Позиция была хорошо оборудована в инженерном отношении. В центре, на высоте Курганной, русские возвели 18-орудийную батарею. Ее назвали именем генерала Н.Н. Раевского, войска которого оборонялись на этом участке. На правом фланге, у деревни Маслово, находилось несколько редутов и люнетов — «Масловские укрепления». На левом фланге, у деревни Семеновское, построили три флеши. Позднее их назвали «Багратионовыми» — в честь П.И. Багратиона. К западу от флешей, у деревни Шевардино, был сооружен редут, игравший роль передового опорного пункта. Тыл позиции, особенно на левом фланге, прикрывался лесным массивом, что обеспечивало скрытное расположение войск и маневр резервами.

Бородинская позиция резко ограничивала возможности Наполеона в выборе формы маневра. Наиболее уязвимая часть боевого порядка — фланги — была в результате искусного использования местности надежно прикрыта. Охват флангов был затруднен. Можно было произвести глубокий обход, но это привело бы к чрезмерной растяжке фронта и ослаблению сил.

Наполеон был вынужден, таким образом, принять сражение на невыгодной для него местности и применить фронтальный удар на узком участке фронта. Совершенно очевидно, что не Наполеон, а Кутузов диктовал условия

предстоящего сражения. Кутузов с полным основанием доносил царю: «Позиция, в которой я остановился, при деревне Бородине, в 12 верстах от Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции; тогда имею я большую надежду к победе» [6, с. 47].

Готовясь к сражению, командование русской армии умело расположило войска на позиции, создав глубокий боевой порядок. Основу его составляли четыре группировки: правое крыло, центр, левое крыло и резервы. На правом крыле, на участке от села Малое до деревни Горки, располагались 2-й и 4-й пехотные корпуса, а за ними находился 2-й кавалерийский корпус. Резерв русских войск правого крыла состоял из 1-го кавалерийского корпуса генерала Ф.П. Уварова, расположенного справа за открытым флангом позиции. Девять казачьих полков М.И. Платова, находясь также в резерве, стояли на опушке Масловского леса. Таким образом, на правом крыле были сосредоточены два пехотных, два кавалерийских корпуса и казачьи полки Платова, всего более 30 тыс. человек. Командование этой группой войск было возложено на генерала Милорадовича. Войска правого крыла должны были надежно прикрывать кратчайший путь на Москву. Кроме того, они были тем резервом, который Кутузов мог использовать для маневра с целью усиления левого фланга и центра, а также для нанесения сильных контрударов противнику.

В центре позиции от деревни Горки до батареи Раевского находился 6-й пехотный корпус Дохтурова, а позади него — 3-й кавалерийский корпус. Войска центра прикрывали Новую Смоленскую дорогу и подступы к батарее Раевского со стороны Бородина. Обе эти группировки состояли из войск 1-й армии и подчинялись Барклаю-де-Толли.

На участке между батареей Раевского и Шевардином были расположены 7-й пехотный корпус Н.Н. Раевского, 8-й пехотный корпус М.М. Бороздина с 27-й пехотной дивизией Д.Н. Неверовского под общим командованием Горчакова 2-го. Позади 7-го корпуса стал 4-й кавалерийский корпус. За открытым левым флангом был поставлен особый резерв в составе: 2-й кирасирской дивизии, сводно-гренадерской дивизии М.С. Воронцова и резервной артиллерии 2-й армии. Для наблюдения за левым флангом позиции было выделено восемь казачьих полков А.А. Карпова. Войска левого фланга общей численностью около 30 тыс. человек, включая и частный резерв, подчинялись командующему 2-й армией генералу Багратиону.

Впереди всего расположения русских войск были развернуты цепи егерей. Центр позиции прикрывался тремя передовыми отрядами, которые располагались у Бородина, на правом берегу реки Колочи и против батареи Раевского.

Общий резерв обеих армий в составе 3-го и 5-го пехотных корпусов, 1-й кирасирской дивизии, резервной

артиллерии и ополчения был расположен за центром позиции — в районе Князькова, близ Новой Смоленской дороги [17, с. 149]. Численность резерва доходила до 40 тыс. человек. Резервам придавалось большое значение. Наличие крупных резервов, в том числе артиллерийского, позволило придать обороне активный характер и вести длительное сражение, истощая атакующего врага. В диспозиции Кутузова указывалось, что «резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден» [13, с. 171].

Реализуя указания Кутузова об умелом использовании резервов, Барклай-де-Толли потребовал от подчиненных командиров «без особой надобности не вводить в дело резервы свои» [5, с. 68]. «Резервы иметь сильные, — указывал Багратион, — и сколько можно ближе к укреплениям, как батарейным, так и полевым» [5, с. 71]. Конечно, резервы, расположенные вблизи от укреплений, несли потери от артиллерийского огня противника. Однако требование Багратиона вызывалось необходимостью: штыковой бой, часто применявшийся в то время, был скоротечен, поэтому резервы обороняющегося должны были находиться близко, чтобы поспеть к атакованным войскам раньше, чем те будут сломлены.

Основная группировка армии сосредоточивалась, на правом фланге. Около 70% всех сил было сконцентрировано у Новой Смоленской дороги. В результате всестороннего анализа обстановки Кутузов пришел к правильному решению: прочно прикрывать Новую Смоленскую дорогу, как основное стратегическое направление на Москву.

Мощная правофланговая группировка русской армии создавала постоянную угрозу флангу и тылу противника, его артиллерийским паркам и сковывала действия его войск. Кроме того, большая часть сил, сосредоточенных на правом крыле, должна была играть роль главного резерва, готового не допустить обхода противником этого участка обороны и способного поддержать центр и левое крыло. Кутузов, зная стратегические и тактические приемы Наполеона, создал такую группировку сил, которая не позволила Наполеону применить его излюбленные методы ударов.

Усиленно готовился к предстоящему генеральному сражению и Наполеон. Во время двухдневного пребывания в Гжатске он произвел последние приготовления. Подтягивались войска, осматривалось и приводилось в порядок оружие, пополнялись боевые запасы. Одновременно принимались меры по доукомплектованию конницы, артиллерии и пехоты. Дважды — 24 и 22 августа — производились переключки всего личного состава армии и точный учет наличия пехоты, конницы, артиллерии, боеприпасов, перевязочных средств и т.д. По армии был отдан приказ. В нем говорилось, что император счел нужным снова предоставить отдых армии, с тем, чтобы дать время отставшим догнать свои части, артиллеристам пополнить артиллерийский боезапас, а всем ни-

жним чинам — время для приведения в порядок оружия. «Его величество приказывают, — писал начальник Главного штаба армии Наполеона маршал Бертье, — сегодня, 3 сентября [22 августа], в 3 часа пополудни произвести новую переключку людей, находящихся в строю и готовых к предстоящему сражению. Для составления списков необходимо выстроить всех в колонну. Списки должны быть немедленно отправлены начальнику штаба, чтобы он получил их не позднее 10 часов вечера, командиры полков должны принять все необходимые меры к тому, чтобы солдаты, способные участвовать в бою, в том числе и ездые, в день битвы находились в строю, на своем месте [10, с. 73].

В 10 часов вечера 22 августа начальник штаба Бертье представил Наполеону общие данные о состоянии армии: 103 тыс. пехоты, 30 тыс. кавалерии и 587 орудий [7, с. 136].

В отношении численности войск, участвовавших в сражении, в военно-исторической литературе приводятся различные данные. Назывались цифры 160–180 тыс. французской и 100–140 тыс. русской армии. Но при всем

расхождении в определении численности войск все исследователи сходятся на одном: силы французов превосходили русскую армию. Более близкими к истине являются цифры: 120 тыс. русской армии и 640 орудий; 130–135 тыс. французов при 587 орудиях [3, с. 62].

Как уже говорилось, численность наполеоновской армии по мере углубления на территорию России сокращалась не только за счет того, что французы вынуждены были оставлять большие силы для охраны растянувшихся коммуникаций, но и от потерь в боях с русской армией и от все усиливавшихся активных действий партизан. Перед Бородинским сражением в приказе по армии 23 августа Наполеон через своего начальника штаба потребовал от командующих корпусами усилить охрану команд, направляемых для фуражировок, отмечая, что «мы ежедневно теряем много людей вследствие отсутствия порядка в способах сбора продовольствия... Число пленных, захватываемых неприятелем, доходит ежедневно до нескольких сот» [1, с. 21].

Итак, и русские и французские войска завершали последние приготовления к решающему бою.

Литература:

1. Абаляхин, Б.С. Тайны Бородинской битвы [Текст] / Б.С. Абаляхин. // Российский исторический журнал. — 1994. — № 1. — С. 19–24.
2. Байов, А.К. Курс истории русского военного искусства [Текст] / А.К. Байов. — СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1909–1913. — С. 113.
3. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. [Текст] / М.И. Богданович. — СПб. 1859. Т. 2. — С. 162.
4. Герои 1812 года. Серия ЖЗЛ. сб. [Текст] / сост. В. Левченко; М.: Молодая гвардия, 1987. — С. 59–76.
5. Донесение М.И.Кутузова Александру I.О состоянии армии и о выборе позиции при Бородине. 23 августа, 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954.
6. Дюпюи, Р.Э., Дюпюи, Т.Н. Всемирная история войн [Текст] / Р.Э. Дюпюи, Т.Н. Дюпюи. — Полигон, АСТ. Кн.3. — С. 135–137.
7. Земцов, В.Н. Битва при Москве-реке. [Текст] / В.Н. Земцов. — М.: Эксмо, 2001. — С. 15–34.
8. Земцов, В.Н. Французская историография Бородинского сражения [Текст] / В.Н. Земцов // Отечественная история. — 2002. — № 6. — С. 26–31.
9. Лашук, Анри. Наполеон: походы и битвы 1796–1815 [Текст] / Анри Лашук. — М.: Эксмо, 2004. — С. 46–94.
10. Письма 1812 года. Записки очевидцев. М., 1989.
11. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию [Текст] / Е.В. Тарле. — М.: ОГИЗ, 1943. — С. 162–184.
12. Троицкий, Н.А. 1812: Великий год России [Текст] / Н.А. Троицкий. — М., 1989. — С. 13–19.
13. Чандлер, Д. Военные кампании Наполеона. [Текст] / Д. Чандлер. — М.: Центрполиграф, 1999. — С. 56–67.
14. Юлин, Б.В. Бородинская битва. [Текст] / Б.В. Юлин. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — С. 145–167.

Социальная защита беспризорных и безнадзорных детей в 1945–1946 гг. (на материалах БАССР)

Рискулова Флюза Фиратовна, соискатель

Башкирский государственный педагогический университет (г. Уфа)

В данной статье автором рассматриваются решение социальных проблем детей, оставшихся без родителей, в первые послевоенные годы в Башкирской АССР.

Ключевые слова: БАССР, детские дома, опека, усыновление, патронат, ГорОНО, медосмотр, Наркомздрав, бюро обкома, попечительские советы, комсомольские организации.

В результате голода, разрухи и других тяжелых последствий второй мировой войны резко возросло количество беспризорных детей. Сиротство, беспризорность, правонарушения среди детей и подростков — острейшие социальные проблемы того времени, которые требовали своего решения. В связи с массовым характером беспризорности в стране охрана детства стала общегосударственной задачей.

Была законодательно оформлена государственная система социально-правовой защиты несовершеннолетних, создана система взаимосвязанных органов и учреждений, способных вести одновременно и борьбу с беспризорностью и безнадзорностью и осуществлять их профилактику.

Органы Советской власти на местах направляли большие усилия на борьбу с детской беспризорностью. Предусматривались различные условия передачи детей в приемные семьи — опека или попечительство, патронат или усыновление [1, с. 130]. Во всех попечительских документах, регулирующих устройство детей, оставшихся без попечения родителей, признавались преимущества семейного воспитания. Традиция воспитания приемных детей в семье не умерла с внедрением государственной системы помощи сиротам. Немаловажным был и материальный фактор. Устройство ребенка в приемную семью значительно снижало или полностью освобождало государство от расходов на него [2, с. 131].

Опекунами, как правило, становились родственники ребенка, которыми двигали преимущественно родственные чувства, а не материальный расчет. Пособие опекунам обычно не выплачивалось. Предполагалось, что средства на содержание ребенка давала пенсия или страховка после смерти родителей, личный заработок или стипендия, если подросток работал или учился [3, с. 9].

На территории Башкирской АССР, в 1946 году на воспитании в семьях трудящихся находилось 4558 детей сирот, в том числе: на патронате — 2106 человек, усыновлено — 639, на опеке — 1839 детей. Контролем и обеспечением лучших условий жизни детей, находящихся на воспитании в семьях трудящихся, занимались 526 общественных инспектора. На каждого ребенка было заведено личное дело и соблюдены многие другие правила передачи детей на усыновление, опеку и патронат [4, с. 80]. Обследование материальных условий жизни проводилось ежеквартально.

Помимо денежных пособий, районными отделами народного образования оказывалась помощь одеждой и обувью. Например, по Стерлитамакскому ГорОНО выдано 11 пар валенок, 21 пара ботинок, 30 штук костюмов и другие вещи. Белебеевский ГорОНО выделил в помощь детям — сиротам 10 пар платьев, 7 пар нательного белья, 4 пары калош, 45 метров хлопчатки, 8 метров шерсти. Кроме того, патронированным детям выдавали учебники, тетради, карандаши, ручки, перья [5, с. 81].

Необходимо отметить, что допускались перебои в отношении своевременного финансирования патронатов в Ишимбайском, Белебеевском, Чекмагушевском районах. Не единичны случаи нарушений в работе инспекторов, например, нет договора с приемными родителями, на патронате состоят дети, достигшие 14 лет и старше, или когда ребенок усыновлен, а выдается пособие за патронат [6, с. 36].

В Башкирской АССР государственными учреждениями, которые были призваны сохранить жизнь и здоровье детей сирот в первые послевоенные годы являлись детские дома. Если до войны дети, как правило, имели отца и мать, и только потом, в результате террора, голода и болезней, оказывались сиротами, то после войны дети заведомо рождались сиротами. Кроме того, были и другие причины, порождающее сиротство. К ним можно отнести, прежде всего, голод, охвативший в 1946 году ряд регионов страны. От голода бежали целыми семьями, но, попав в безвыходное положение, родители сами вынуждены были нередко бросать детей, тем самым, давая им, шанс на спасение [7, с. 71]. Матери-одиночки с 1944 года были лишены права требовать алименты с мужчин, являющихся отцами их детей, но могли получать пособие от государства. Однако пособие это незначительно и одинокие матери содержать и нормально воспитывать детей, как правило, не могли. Они объективно были принуждены сдавать детей в детские дома. Таковы причины послевоенных источников пополнения детских домов, наряду с осиротевшими и потерявшими семью детьми, принудительно отобранными от родителей [8, с. 53].

В детских домах воспитывались преимущественно дети — круглые сироты. Из 393000 воспитанников детских домов РСФСР, в 1946 году было около 120000 детей, имеющих одного из родителей (большей частью мать), и

только около 20 000 детей, имеющих обоих родителей. Из детей круглых сирот и полусирот около 80% потеряли родителей на фронтах Великой Отечественной войны [9, с. 10]. В Башкирской АССР на 1 января 1945 года функционировали 130 детских домов, в том числе школьных 101, с контингентом 11769 воспитанников, дошкольных 25 с количеством 2209 детей, и смешанных 4 с контингентом 458 человек. В 1946 году 127 детских домов и 13775 воспитанников [10, с. 59].

К окончанию войны многие детские дома находились в исключительно тяжелом состоянии, 127 детских домов не имели бань, 90 не имели вошебоек, 92 прачечных, 35 изоляторов для больных детей.

Например, в справке указывалось, что в Кольтовском детском доме Иглинского района дети спят по 2 человека на койке, дети грязные, многие болеют часоткой, зашивлены, мальчики и девочки не разделены, столовой нет, обедают на койках. Никакой воспитательной работы не ведется. Такие условия жизни приводили к побегам — за последние месяцы 1945 года 15 побегов. Такое же положение в детских домах Макаровского и Уфимского района. Санитарное состояние находится на низком уровне [11, с. 67].

В некоторых районах не учли, что здания пришли в ветхость, так как в годы войны капитальный ремонт не производился, дети оставались в помещениях мало пригодных для жилья. Описывалось, что в Буздякском, Аургазинском, Дуванском, Альшеевском районах печи не отремонтированы, подвезенных дров нет, окна двойных рам не имеют, в помещениях постоянный холод. Дети спят одевшись. Ремонт производился некачественно, окна не застеклены, а забиты листами от фанеры, в комнаты дует ветер, двери не утеплены. Помещения содержатся в антисанитарном состоянии. Имелись случаи зашивленности, в деревянных койках клопы [12, с. 30]. В Стерлитамакском районе здание размещено в совершенно непригодном помещении, которое пришло в ветхость и угрожает обвалом. В Благовещенском районе пришлось вывести детей, поскольку в марте месяце в одной из комнат обвалился потолок [13, с. 91].

В Альшеевском районе дети были размещены только в двух комнатах. Эти комнаты служили спальней, комнатой для подготовки уроков и для игры дошкольников. Эти же комнаты служили и изоляторами, так как изолятора не было, а в детском доме много больных трахомой и больные дети находились вместе со здоровыми. Спали по 2 и даже по 3 человека на одной кровати [13, с. 67].

Вот строки из других документов. В Тугаевском детском доме Буздякского района кухня не изолирована от спальни, для детей имеются только сплошные нары, на нарах они спят, после сна вся постель складывается в один угол, и на этих голых нарах дети играют и обедают. Все старшие дети спят по 2 человека на одной кровати, так как на 100 человек имеется только 31 кровать, а если их было больше, то их некуда было ставить. В Миякибашевском детском доме дети спят в маленьких детских кро-

ватах, поэтому ножки у детей всегда согнуты. Дети спят по 4 человека. Кроме того, нет подсобных помещений. Весь урожай: картофель, пшеницу, капусту директор разместил по амбарам колхозников. Нет кастаньянской комнаты, поэтому воспитатели постельное белье хранят дома. К сожалению, наблюдались и факты злоупотребления работников детских домов. В условиях послевоенного времени детские дома должны были рассчитывать не только на средства местных бюджетов и на помощь шефов, но и на свои собственные силы (работа в подсобных хозяйствах, мастерских и т.д.) [14, с. 69].

В источниках отмечают, в первую очередь, материальные трудности, сложные условия проживания, которые создавали проблемы со здоровьем и воспитанием детей-сирот. Необходимо было в короткие сроки улучшить работу по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Многие промышленные организации БАССР не имели возможности оказать помощь, поскольку им для осуществления заказов (кровать, посуда и т.д.) необходимо было менять производственное оборудование.

Несмотря на мероприятия, проводимые Наркомздравом БАССР, санитарное состояние большого ряда детских домов оставалось тяжелым: не была изжита скученность, во многих детдомах отсутствовали бани, санитарные и подсобные помещения, было недостаточно белья и верхней одежды. Все это создавало угрозу роста инфекционных заболеваний [15, с. 51].

Учитывая наличие большого количества больных детей, 127 детских домов к концу 1945 года были укомплектованы средними медицинскими работниками и 44 врачами.

Медицинским осмотром 91 детского дома было выявлено больных открытой формой туберкулеза 48, костным туберкулезом 36, трахомой 94, кожно-грибковыми заболеваниями 91. Из них были госпитализированы в лечебные детские учреждения с открытым туберкулезом 27, трахомой 54, кожно-грибковыми заболеваниями 41. В Республиканской психиатрической больнице выделили 20 мест, в неврологической клинике 10 мест для госпитализации детей страдающих нервными и психическими заболеваниями [15, с. 52].

В Кармаскалинском и Бишбулякском районах были созданы лечебницы для больных детей. Для детей дошкольного возраста с туберкулезной интоксикацией организовали санаторный детский дом в городе Белебее на 125 человек [16, с. 4].

К февралю 1946 года был произведен частичный перевод детей из тесных маленьких зданий в благоустроенные детские дома. В результате произведенных мероприятий удалось ликвидировать скученность и создать надлежащие условия в 38 детских домах, где дети спали уже по одному на кровати — койке. Всего имелось бань в 117, дезокамер при 60, и изоляторов при — 103 детдомах. В целях укрепления подсобных хозяйств было получено 20 дойных коров, 43 головы нетелей и 50 голов овец [16, с. 2].

В целях повышения успеваемости воспитанников была улучшена работа по подготовке воспитанниками уроков,

упорядочено внеклассное чтение, созданы общеобразовательные кружки [16, с. 62].

Питание воспитанников значительно улучшилось, продовольственные фонды начали отовариваться своевременно. Улучшению питания в значительной мере содействовала продукция подсобных хозяйств.

Шесть детских домов, размещенные в непригодных помещениях, были переведены в более приспособленные, пригодные для жилья здания, четыре получили дополнительные помещения. Производился и частичный перевод детей из одних учреждений в другие в более благоустроенные [17, с. 59].

Например, Ново-Сикиязовский детский дом Балтачевского района получил новое школьное помещение. Скудность была ликвидирована, дети стали спать по одному в кроватке. Под изолятор приспособили отдельный дом. Детей, больных туберкулезом, кожно-грибковыми заболеваниями уже не было. Детский дом обслуживался постоянным средним медработником и прикрепленным врачом. Учреждение имело баню и санитарную комнату [17, с. 52].

Снабжение детских домов значительно улучшилось. Местные предприятия и торгующие организации оказали существенную помощь в снабжении предметами хозяйственно-бытового обслуживания. Можно сказать, что к концу 1946 года детские учреждения предметами первой необходимости были удовлетворены. Все дети полностью обеспечены постельной принадлежностью. На каждого воспитанника было выдано по две смены постельного белья и приступили к выдаче третьей смены. Имелись две смены нательного белья, верхняя одежда и обувь. Производилась замена простых матрацев, ватными, для детей изготавливались первые подушки.

Большими партиями поступали и распределялись между детскими домами зимнее обмундирование хорошего качества. В зиму 1947 года планировалось полное обеспечение детей теплой одеждой и обувью. Налаживалось снабжение художественной и методической литературой [17, с. 72].

Воспитательная работа с детьми-сиротами строилась на общих принципах. Воспитанники детских домов посещали общие школы, ездили в пионерские лагеря, принимали участие в массовых детских организациях. Это делалось для того, чтобы не создавать замкнутости, изолированности воспитанников детских домов. К сожалению, специфика состава интернатных детских учреждений слабо учитывалось при подготовке кадров педагогических работников. Многие воспитатели имели низкую методическую и педагогическую квалификацию. Воспитателей детских домов готовили только педагогические училища, но не ВУЗы.

Рассматривая деятельность детских домов в БАССР в первые послевоенные годы, надо отметить, что, несмотря на отсутствие квалифицированных кадров и помещений, нехватку материальных средств, продовольствия, обуви, белья, посуды, постельных принадлежностей, они сохранили жизнь и здоровье многим тысячам детей, дали им надежду на жизнь. В деле организации большую роль сыграли партийные и государственные органы БАССР, профсоюзы и общественные организации.

Однако не стоит забывать, о том, что нужда в послевоенное время была повсеместной. Большинство людей жили в тесноте без элементарных бытовых удобств, donaшивали довоенную одежду и обувь.

В целом же существовавшая в первые послевоенные годы система социальной защиты детей-сирот выполняла свои функции. В короткие сроки была ликвидирована детская беспризорность. Дети, оставшиеся без родителей, получали первую необходимую помощь, чтобы стать полноправным гражданином общества. Действовала система контроля за положением детей-сирот: регулярная отчетность о здоровье и успеваемости воспитанников детских учреждений и приемных детей [18, с. 131]. Но были и проблемы — система воспитания и образования в детских учреждениях была унифицирована и не учитывала специфические потребности детей, оставшихся без родителей. Государственная помощь детям-сиротам не компенсировала неравенства их социальных возможностей.

Литература:

1. Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории — 1999. — № 1. с. 130.
2. Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории — 1999. — № 1. с. 131.
3. Зубкова Е.Ю. Общество вышедшее из войны (1945–1946) // Свободная мысль. — 1992. — № 6. — с. 9.
4. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 26. Д. 456. Л. 80.
5. ЦГАОО. Ф. 122 Оп. 26. Д. 456. Л. 81.
6. ЦГАОО. Ф. 122 Оп. 2Курга5. Д. 378. Л. 36.
7. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953гг. М., 2000. с 71.
8. Курганов И.А. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968 г.с. 53.
9. Медынский Е.Н. Просвещение в СССР. Государственное учебно-педагогическое изд-во, М., 1955 г.с. 64.
10. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 25. Д. 378. Л. 59.
11. ЦГАОО Ф. 122. Оп. 25. Д. 378. Л. 67.
12. ЦГАОО Ф. 122. Оп. 25. Д. 378. Л. 30.

13. ЦГАОО Ф.122. Оп. 25. Д. 378. Л. 91, 67.
14. Хомякова Н.В. Социальная защита детей 1945—1953 гг. // Вестник ОГП — 2008 № 1. с. 69.
15. ГАОО Ф.122. Оп. 25. Д. 378. Л. 51.
16. ГАОО Ф. 122. Оп. 26. Д. 456. Л. 4, 2, 62.
17. ЦГАОО Ф. 122. Оп. 26. Д. 456. Л. 59, 52, 72.
18. Зезина В.Ф. Социальная защита детей сирот в послевоенные годы (1945—1955) // Вопросы истории — 1999. № 1. с. 131.

К вопросу о статусе и положении первых русских митрополитов

Семендяев Филипп Иванович, доктор богословия

Армавирский православно-социальный институт

Как известно, русскую православную церковь со времени ее основания в X в. и до учреждения Московского патриархата возглавляли митрополиты, а Русь до XIV века представляла собой одну митрополию. Первым митрополитом Руси был Леонтий; первым митрополитом из русских был Иларион (1051—62), испросивший, впрочем, благословение от патриарха. Последующие митрополиты были опять из греков: после Илариона киевскую митрополию возглавляли: Ефрем (ок. 1055 — ок.1061), Георгий (1062—1072/1073) и Иоанн II (до 1077/1078—1089). *Лишь в конце XI в. на митрополичий престол возшел русский иерарх, бывший епископ Переяславский Ефрем* (1089—1097), посвященный в сан в Константинополе. Затем вновь в течение многих лет в списке митрополитов следуют ставленники Константинопольского патриарха: Николай (1097), Никифор (1104—1121), Никита (1122), Михаил (1130 — не ранее 1145).

Влияние константинопольского патриарха на дела русской церкви и в особенности на отношение между различными лицами духовной иерархии было довольно значительно. Митрополиты поставлялись из греков Византийским патриархом, но за отдаленностью Византии русские митрополиты были совершенно независимы от патриарха — вследствие этого статус и положение первых митрополитов на Руси отличаются заметной спецификой:

— Митрополиты на русскую митрополию избирались в Византии из ромеев и посвящались в сан в Константинополе;

— Патриархи требовали, чтобы русские митрополиты время от времени приезжали в Константинополь в видах получения инструкций относительно различных вопросов церковного управления; вместе с тем митрополиты должны были присутствовать в патриаршем синоде;

— Если митрополиты почему-либо не могли являться лично, то должны были посылать уполномоченных;

— При поставлении митрополиты получали от патриарха так называемые «ставленные» или «настоленные» грамоты, в которых вменялось в обязанность всем и каждому оказывать митрополиту должное почтение и повиновение; таким образом, патриархи простирали свою власть как бы

на все население; на русских князей они старались влиять то словом убеждения, то угрозами отлучения от церкви;

— Руководя всем церковным управлением Руси, константинопольский патриарх иногда ставил не только митрополитов, но и епископов; вместе с тем патриархи сами иногда удостоивали русских епископов особых отличий и преимуществ;

— Через уполномоченных же патриарх принимал участие в борьбе с религиозными сектами, охраняя всеми зависящими от него мерами чистоту православия; содействуя развитию и распространению церковных братств, патриархи старались влиять на укрепление веры, правильных религиозных понятий и духовного просвещения среди населения;

— Как представитель церковной иерархии, русский митрополит осуществлял в своей митрополии власть патриарха Константинопольского и находился под его юрисдикцией;

— Император Византийской империи как глава христианского мира формально обладал властью над русским митрополитом.

Но в то же время:

— Русский митрополит фактически являлся главой национальной церкви самостоятельного государства и потому обладал большей независимостью по отношению к Константинополю по сравнению с другими, подчиненными Царьграду епископами;

— В реальной жизни осуществление полномочий митрополита в значительной степени зависело от князя, который на данный момент занимал великокняжеский престол.

Как уже отмечалось, первые митрополиты не только избирались, но и посвящались в Греции. Но это не мешало им быть вполне независимыми в области внутреннего управления русской митрополией: *решение митрополита не требовало утверждения патриарха, а считалось окончательным*. Такая независимость была обусловлена, главным образом, отдаленностью от Византии. Константинопольский патриарх ревниво оберегал правило, чтобы русские митрополиты поставлялись ис-

ключительно из греков, русские же князья стремились передать митрополию в руки русских по рождению. Это вело к спорам, обыкновенно, впрочем, не имевшим важных последствий.

П.В. Знаменский [1] таким образом описывает данную ситуацию: В России митрополиты из греков были люди чужие и по происхождению, и по языку, и по национальным симпатиям, и не возбуждали к себе особенного доверия ни в князьях, ни в народе. Нужно при этом иметь ввиду и ту дурную репутацию, какой греки исстари пользовались на Руси и которая выразилась в заметке летописца: «суть бо Греци лъстиви и до сего дне». Притом же на Русскую митрополию присылались даже не лучшие люди из греков. Из 25 митрополитов греков в первые 4 с половиной века существования Русской Церкви не более 5–6 человек заявили себя просвещением и благочестием... а об одном — Иоанне III (с 1089 г.) даже прямо замечено, что он был не книжен и прост умом. Между тем, немногие митрополиты из русских все оставили после себя самую хорошую память и по своему образованию, и по благочестию, и по благотворному влиянию на паству. Не мудрено, что у великих князей рано явилась мысль об избрании митрополитов из русских. После смерти м. Феопемпта греки 3 года не присылали нового митрополита. В это время только что кончилась война Ярослава с греками, в которой греки варварски ослепили 800 русских пленников. И вот в 1051 году «Бог князю вложи в сердце» поставить митрополита из русских и собором русских же епископов, — поставлен был Илларион, священник княжеского села Берестова. Новый святитель, впрочем, в том же году испросил себе благословение патриарха. Он был муж благочестивый, часто уединялся для молитвы в пещеру, которую выкопал в горе недалеко от своего села, и кроме того, был известен своим просвещением. *Несколько времени спустя, в конце XI века, видим еще митрополита из русских св. Ефрема, бывшего прежде придворным великого князя Изяслава, потом епископом Переяславским. И он был известен, как святой муж и чудотворец; свое управление и переяславской епископией, и митрополией он ознаменовал строением многих церквей, больниц и странноприимниц. Поставление на митрополию он, впрочем, получил не в России, а в Греции.*

В ряду первых русских митрополитов Ефрем Переяславский является одной из ключевых фигур. «Он был одним из первых монахов Киево-Печерского монастыря; затем в результате конфликта с киевским князем Изяславом Ярославичем, вынужден был бежать в Византию, после этого вернулся на Русь титулованным Архиереем (митрополитом) и стал в начале 1090-х гг. проводить церковную политику, которую иногда называют «прозападной», — пишет в своей монографии Д.Г. Хрусталева. — «Для страны это время было переломным во многих отношениях: зарождалась отечественная литература, формировались национальные особенности архитектуры, возникло русское летописание, проявились региональные стили в изобразительном искусстве, мелкой пластике, ак-

тивизировались экономические процессы, градостроительство, изменения претерпела организация государства и церкви» [2, с. 6]. Митрополит Ефрем Переяславский сыграл важную роль в этих процессах: он доставил из Константинополя Студийский устав; был автором крупного комплекса литературных памятников, посвященных прославлению Св. Николая Чудотворца, а также участвовал в утверждении на Руси западного праздника Перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари. Он был заказчиком многих храмов, принимал участие в создании необычной для русского зодчества переяславской архитектурной школы.

В. Ивановский [3] отмечал: если зависимость русской церкви от константинопольского патриарха представляется вполне понятной ввиду принятия русскими православной веры именно из Греции и при помощи греческой церкви и греческого духовенства, то сама по себе эта зависимость была, конечно, явлением ненормальным, явлением только временным. По утверждению в России православной веры русские князья начинают тяготиться этой зависимостью; даже при не совсем еще сложившемся политическом строе, для представителей власти вмешательство константинопольского патриарха в дела русской церкви казалось нарушением их собственной самостоятельности... Отсюда постепенно развивавшееся стремление к освобождению от влияния патриарха; если первоначально митрополиты были почти исключительно из греков и прямо назначались и посылались в Россию патриархом, то с течением времени в звании митрополитов выступают русские и при том по избранию их в России собором епископов [4, с. 172]; некоторое время сохранялся еще обычай, по которому и такие избранные митрополиты должны были получать утверждение от константинопольского патриарха [5, с. 436].

Возникновение и развитие института киевских митрополитов было обусловлено политическими интересами великокняжеской власти. Это объясняется дипломатическими нуждами, а так же интересами внешне- и внутриполитического престижа. *Объем канонических и иных прав митрополита на Руси возник как результат эволюции церковно-государственных отношений.* Процесс возрастания церковного и политического авторитета киевских первосвятителей не был поступательным и в своих основных периодах совпадал с годами правления великих князей, основными этапами социально-экономического, политического и территориального развития Киевской Руси.

Положение митрополита в древней Руси было очень высокое. Он стоял во главе церковной иерархии и являлся часто ближайшим советником князя. Первое время по принятии христианства и назначение епископов зависело всецело от митрополита. Митрополиты пользовались громадным влиянием на Руси в древнее время; находясь во главе церковной иерархии, митрополиты часто оказывали влияние также и на ход государственной жизни. Они имели свой двор по образцу дворов удельных князей,

свое войско, у них существовал целый штат чиновников для управления митрополией. В то же время, *освободившись от влияния константинопольских патриархов, митрополиты естественно стали в большую зависимость от княжеской власти*. Хотя право поставления митрополита и суда над ним принадлежало собору русских иерархов, тем не менее, эти действия не могли совершаться без согласия и одобрения представителя государственной власти и это тем более, что сама государственная власть укрепились и объединилась в лице великих князей. От этих последних поставлены были в полную зависимость как митрополиты, так и вообще все церковное управление.

Т. е., в рассматриваемый временной период гарантом единства русской церковной организации выступала великокняжеская власть. Именно она была той силой, которая обеспечивала эффективность митрополичьего управления, способствовала укреплению авторитета церковной иерархии, пресекала возможность устойчивого существования иных митрополий [6, с. 4]. Также и основным гарантом экономического благополучия митрополитов на протяжении всей истории Киевской Руси

оставались либо великие князья, либо претенденты на великокняжеский престол. Именно поэтому митрополиты стремились к союзу с великим князем, а влияние киевских святителей продолжительный период было ограничено, в лучшем случае, великокняжеской семьей.

Таким образом, первые митрополиты на русскую митрополию избирались в Византии из ромеев; через своих ставленников патриарх Константинопольский получал возможность влиять на политику русского князя. В свою очередь русские князья, стремившиеся к независимости от Константинополя и желавшие видеть в митрополите единомышленника и помощника, стремились передать управление митрополией в руки русских иерархов. Авторитет митрополита на Руси был чрезвычайно высок. Как правило, русские митрополиты оказывали большое влияние на государственную жизнь страны. Они часто выступали в качестве посредников в разрешении дипломатических и военных конфликтов между князьями, отстаивая единство Русской церкви, и тем самым способствовали сохранению единства Руси. Видную роль митрополиты сыграли и в области развития русской словесности и просвещения.

Литература:

1. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Изд-е 3-е. — Казань: Университетская типография, 1880. — 478 с.
2. Хрусталева Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. — СПб.: Евразия, 2002. — 448 с.
3. Ивановский В. История высшего церковного управления в России до учреждения Синода / Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию №5 1895 года — №11 1896 года [электронный ресурс]. URL: Allpravo.ru (дата обращения: 20.04.2012).
4. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т.1—12. — СПб., 1857—1883. — Т. 8.
5. Барсов Т.В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. — СПб: Тип. П.А. Ремезова, 1878. — 592 с.
6. Гайденов П.И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: Автореферат дис. ... доктора исторических наук (07.00.02). — Екатеринбург, 2011. — 41 с.

Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства: история деятельности (1889–1911)

Хорина Вера Владимировна, зам. директора научной библиотеки
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Сельскохозяйственные общества в XIX — начале XX вв. составляли одну из самых многочисленных групп добровольных общественных объединений в Российской Империи. К их числу, например, принадлежали такие старейшие научно-практические общества как Вольно-экономическое общество (1765), Лифляндское общепольное экономическое общество (1796), Царства Польского сельскохозяйственное общество (1805) и Имп. Московское общество сельского хозяйства (1819) [1, с. 104–105].

В начале 1860-х гг. стали возникать региональные сельскохозяйственные общества с небольшим районом деятельности (губерния, уезд и т.д.). В 1866 г. в целях облегчения процедуры появления таких обществ был упрощен порядок получения разрешения на их открытие, в результате чего к 1898 г. число их в России достигло 300 (в т.ч. около 170 самостоятельных обществ и 125 отделов).

Пик создания губернских и уездных сельскохозяйственных обществ пришелся на 1880-е гг. — начало XX в. По данным на 1914 г. в России в сфере сельского хозяй-

ства существовало уже 5795 различных общественных организаций [1, с. 187–258; 2]. Все они преследовали одну цель — осуществление модернизации сельского хозяйства, основанной на последних рекомендациях агрономической науки, в конкретном регионе. Каждое из таких обществ вносило уникальный вклад в дело развития местного сельского хозяйства.

Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) официально открылось в 1820 г. В его Уставе было указано «Цель общества сего есть та, чтобы соединенными силами стараться об усовершенствовании в России сельского хозяйства во всех его отраслях» [3, с. 38–39]. Согласно Уставу 1864 г. Московское общество сельского хозяйства имело право учреждать по всей Российской Империи свои отделы. К 1897 г. МОСХ имело 13 отделов: Воронежский, Владимирский, Костромской, Острогжский, Темниковский, Козловский, Тверской, Курский, Кирсановский, Уфимский, Даниловский, Красноярский и Томский [4].

Красноярский отдел МОСХ был основан в 1889 г. группой губернских чиновников, занимавшихся землеустройством и переселением. Он стал первым сельскохозяйственным обществом в Енисейской губернии, объявив своей задачей «содействие соединенными силами своих членов всестороннему развитию и усовершенствованию всех отраслей сельского хозяйства и сельской промышленности в пределах Енисейской губернии». Для осуществления этой задачи в Уставе Отдела был обозначен ряд практических мер: «а) периодический сбор своих членов для совещания по вопросам, касающимся местного сельского хозяйства и сельской промышленности; б) распространение теоретических и практических сведений по сельскому хозяйству устройством сельскохозяйственных бесед, публичных чтений, выставок, конкурсов, опытных хуторов, испытаний сельскохозяйственных машин, орудий и проч.; в) издание, по мере средств, сочинений, могущих иметь полезное применение в сельском хозяйстве; г) ходатайство о приискании опытных людей для заведывания разными частями хозяйства по выписке, покупке и продаже сельскохозяйственных машин и орудий, семян, племенного скота и прочего посредством сношений с сельскохозяйственными учреждениями и известными хозяйствами в России и за границей; д) составление библиотеки и сбор предметов, поучительных для сельского хозяйства» [5].

О первом десятилетии существования Красноярского отдела МОСХ мы знаем лишь по заметкам журналиста и общественного деятеля Н.В. Скорнякова в газете «Енисей». Судя по ним, в это время Отдел занимался, главным образом, теоретической разработкой вопросов, имеющих важность для местного сельского хозяйства, которая выражалась в некотором количестве прочитанных на его собраниях докладов (о состоянии рыбного промысла в Туруханском крае П.Е. Кулакова, о плодоводстве и огородничестве в Енисейской губернии В.М. Крутовского и др.). Кроме того, сотрудники Отдела в этот период начали попытки наладить работу по рассылке улучшенных

семян хлебных злаков и огородных растений сельским хозяйствам губернии, призывая их заводить опытные поля для селекции, а в 1897 г. при нём была организована комиссия по рыбопромышленности, которая предложила ряд мер по улучшению положения туруханских промысловиков-инородцев, организации хранения и своевременного вывоза рыбы из Туруханского края в южные уезды Енисейской губернии и регулирования условий её сбыта [6; 7; 8].

В сентябре 1892 г. Красноярский отдел МОСХ организовал первую в губернии сельскохозяйственную выставку (которая имела более музейный, чем практический, характер — в ней участвовало небольшое число сельских хозяев, зато представили свои экспозиции три губернских музея — Минусинский, Енисейский и Красноярский). Выставка подразделялась на 10 отделов: животноводство; земледелие; сельскохозяйственные машины и орудия; лесоводство; садоводство и огородничество; рыболовство и пчеловодство; кустарные промыслы, фабричные, заводские и ремесленные производства; горное дело; школьные пособия и ученические работы; естественная история и этнография губернии.

Представленные на выставке предметы сопровождались описаниями, в которых были указаны их свойства, место производства, общее количество и ценность ежегодного производства, места сбыта, продажная цена и прочее. Некоторые экспонаты можно было купить прямо на месте. За лучшие предметы участникам присуждались медали, денежные премии и похвальные листы [9].

В целом деятельность Отдела до второй половины 1899 г. была малозаметной и малоэффективной. Н.В. Скорняков в заметке об очередном заседании в 1897 г. отметил: «Публичное заседание вышеозначенного Отдела, бывшее 15 ноября, едва ли не первое в жизни этого, имеющего, кажется, все задатки к жизненности, учреждения. Между тем, оно в продолжение 7 лет своего существования не проявило особой жизненности, нося более административный, бюрократический характер, благодаря чему в последние 2 года деятельность его совершенно замерла, и даже не появлялось его отчётов. <...> Отдел был преисполнен благими намерениями и кое-что делал, можно указать на бесплатную раздачу им семян культурных злаков и огородных овощей, привлечение народных учителей к занятию сельским хозяйством на отведённой им земле, устройство сельскохозяйственной выставки в Красноярске и ещё некоторые другие начинания. Но все эти благие намерения не носили большой жизненности по многим причинам». Причиной «безжизненности» Отдела Скорняков назвал отсутствие в сельскохозяйственном обществе самих сельских хозяев, отсюда и его бюрократический характер. Он отметил, что основной состав Отдела — городские чиновники, имеющие отдалённое и, в основном, теоретическое представление о сельском хозяйстве, и постоянно занятые по основному месту службы. Почти не входя в общение с крестьянством, и к тому же имея постоянную нехватку денежных средств, связывающую руки членам Отдела в любом его благом начинании, эти чинов-

ники всё больше остывают к деятельности по развитию сельского хозяйства в губернии [6, с. 1–2].

На заседании Красноярского отдела МОСХ 4 ноября 1898 г. присутствовало всего 10 членов. Н.В. Скорняков сообщает, что в правлении осталось всего 3 человека, нет даже секретаря, а А.Ф. Духович (управляющий государственными имуществами Енисейской губернии и председатель Отдела) не может исполнять свои обязанности из-за постоянной занятости. Лучшие сотрудники уехали из Красноярска на другие места службы, а заменить их некем. Местные крестьяне постоянно просят у отдела помощи семенами, ульями или средствами, но заниматься этим некому и не на что [10].

Со второй половины 1899 г., вследствие пополнения Красноярского отдела МОСХ новыми молодыми и энергичными сотрудниками, его деятельность несколько оживилась и стала носить более практический характер. В отделе на тот момент состояло 244 человека (в т.ч. 2 почётных члена, 78 действительных и 164 члена-корреспондента). Председателем по-прежнему был А.Ф. Духович, товарищем председателя — В.Ю. Григорьев, секретарём — Д.М. Головачёв [11, л. 1].

В 1899–1900 гг. Отдел занимался проведением следующих мероприятий: 1) впервые был осуществлён опыт сбора текущей сельскохозяйственной статистики в губернии; 2) закупались и рассылались по заявкам крестьянских хозяйств семена улучшенных злаков и овощей, саженцы плодовых деревьев; 3) среди крестьянского населения путём чтений, бесед и специальных листов распространялись сельскохозяйственные и агрономические знания; 4) обсуждался вопрос об агрономическом образовании населения губернии; 5) была создана сельскохозяйственная библиотека, пополнявшаяся по мере нахождения на неё средств (к концу 1899 г. она насчитывала уже 415 томов) и т.д. [11, л. 2–8; 12].

Опыт сбора статистических сведений по сельскому хозяйству губернии был начат в 1899 г. Д.М. Головачёв разработал опросный лист, в котором сельские корреспонденты должны были указать сведения о погоде, об урожае хлебов, трав и огородных растений за определённый период. Эти листы были разосланы во все сельскохозяйственные районы губернии. В результате Отдел получил сведения из 39 волостей 5 уездов губернии (Красноярского, Минусинского, Енисейского, Ачинского и Канского). Бланки прислали, в общей сложности, 163 корреспондента, из них 106 человек (65%) — крестьяне, остальные 57 (35%) — волостные и сельские писари, священники, учителя и лица других званий.

Д.М. Головачёв, обработав опросные листы, определил, что урожай зерновых по всем уездам в текущем году оказался выше среднего в сравнении с данными 1889–1892 гг., качества зерна хорошее, а вот травы уродились плохо [11, л. 3–4; 13; 14]. Полученные выводы он изложил в докладе на собрании Отдела, сообщив своё мнение о необходимости дальнейшего собирания статистических сведений о сельском хозяйстве губернии, ко-

торые имеют большое значение и для науки, и для практических целей, особенно в периоды недородов и неурожаев, так как в таком случае появится возможность делать прогнозы на будущее и заранее подготовиться к грядущим бедствиям. Крестьян, приславших ответы по опросным бланкам, было предложено принять в члены-корреспонденты Отдела [11; 13].

Сельскохозяйственный отчёт Головачёва был отпечатан в количестве 500 экз., из них 242 экз. было разослано членам Отдела, 110 экз. — в правительственные и научные учреждения и отдельным учёным с предложением в дальнейшем обмениваться изданиями. К концу 1900 г. Красноярский отдел МОСХ уже обменивался трудами с 20 научными обществами, а его библиотека насчитывала 567 томов [11, л. 4; 15].

В 1900 г. опросный лист для сбора сельскохозяйственных статистических сведений был дополнен, — корреспондентам было предложено указывать в нём также сведения о текущих ценах на сельскохозяйственную продукцию, на рабочие руки [12, с. 2–4]. Все обязанности по сбору статистических сведений опять упали на Д.М. Головачёва, который с трудом справлялся со столь обширным и сложным для одного лица делом. Поэтому правлением Отдела было решено организовать специальную статистическую комиссию, которая наблюдала бы за поступлением статистического материала по сельскому хозяйству и заботилась о своевременной обработке полученных данных [12, с. 5].

С 1889 по 1899 гг. Красноярский отдел МОСХ разослал крестьянам более 43 пудов улучшенных семян хлебных злаков и огородных растений (всего 24 сорта) [16]. Но в виду того, что среди сельского населения всё чаще слышались жалобы на вырождение местных хлебов, и в Отдел поступали всё новые просьбы о высылке различных сортов семян, в 1900 г. его правление сочло необходимым оказать дополнительную помощь крестьянам в этом вопросе, и поручило товарищу председателя В.Ю. Григорьеву создать комиссию, в состав которой, кроме него самого, вошли В.М. Крутовский и В.В. Абакумов. Комиссия, рассмотрев все способы, которыми такая помощь могла быть оказана, решила продолжать распространять улучшенные семена, поскольку это наименее обременительно для Отдела при его неудовлетворительных денежных условиях. А для того, чтобы иметь возможность пользоваться советами компетентного лица, комиссия обратилась за содействием в выборе и рассылке семян к томскому правительственному агроному И.К. Окуличу. Тот отнёсся к просьбе с пониманием и взял на себя хлопоты по удовлетворению делаемых ему запросов. В.Ю. Григорьев и В.И. Абакумов занялись рассылкой хлебных злаков, а распространение огородных семян взял на себя В.М. Крутовский.

Сообщение о целях и задачах семенной комиссии и характере её деятельности В.Ю. Григорьев сделал на общем собрании Отдела. Возникли прения — некоторые сотрудники (особенно А.А. Ярилов) отрицали плодотвор-

ность мероприятий семенной комиссии по рассылке улучшенных семян для посева неподготовленным для производства таких опытов сельским жителям, не имеющим никакого понятия об отборе лучших семян и их селекции [12, с. 5–7]. В результате прений было решено, что нужно не просто рассылать крестьянам семена, но и обучать их следить за результатами посевов и посадок. Поскольку некоторые растения не приживаются в сибирском климате, нужно отбирать только семена особенно хорошо прижившихся растений, сохраняющих свои положительные свойства и хорошо акклиматизирующихся. Нужно специально выбирать из крестьян лиц, которые будут заниматься этим ответственно и распространять потом лучшие семена среди соседей.

В итоге семенная комиссия решила на первых порах высылать улучшенное зерно и семена огородных культур только тем хозяевам, которые смогут ответственно следить за результатами его посевов. Им было решено разослать ряд вопросов, касающихся опытных посевов (о размерах посевной площади, о почвах, об условиях посевов, о характере всходов, роста и созревания хлебов, об урожае улучшенного зерна в сравнении с урожаем соответствующего местного сорта хлеба и т.д.), на который они будут давать полный ответ. Кроме того, они должны в течение нескольких лет присылать в Отдел образцы урожая от улучшенного зерна, чтобы можно было отследить его изменения и годность в качестве объекта распространения. Предпочтение решили отдавать семенам северных государств, которые имеют климат, схожий с сибирским, чтобы их всхожесть и выживаемость была выше и чтобы они быстрее акклиматизировались [17].

В 1900 г. зерно хлебных злаков было разослано 116 лицам (в Минусинский, Красноярский, Енисейский, Ачинский и Канский уезды). Семенная комиссия попросила своих корреспондентов сообщать ей сведения о всхожести посевов, а также возвращать из полученного урожая небольшую часть зерна каждого сорта. Все адресаты отнесли к просьбе с пониманием, многие не ограничили заполнением присланных вопросных бланков, а давали более подробные разъяснения в прилагаемых к ним письмах, в которых описывали состояние погоды, виды на урожайность, указывали на разницу во всхожести и росте присланных семян и семян местных. К началу 1901 г. было получено 52 ответа по вопросным бланкам, от многих корреспондентов поступили образцы полученного зерна и образцы колосьев. Некоторые крестьяне попросили высылать им больше семян.

Семена огородных растений рассылались и продавались в Красноярском, Канском, Минусинском уездах и Туруханском крае, много их было роздано даром (всего 52 сорта, в том числе фасоль, морковь, капуста и др.). Многих сортов не хватило, так как спрос на них был велик (больше всего просили скороспелые сорта). Крестьяне брали семена неохотно и понемногу, но убедившись в хороших всходах, возвращались и просили ещё [12, с. 8–12].

Кроме того, в 1899–1900 гг. Красноярский отдел МОСХ удовлетворил несколько прошений от крестьян-садоводов о присылке им саженцев плодовых деревьев и пытался некоторым из них помочь материально. Для красноярского пловодода А.И. Олониченко были выписаны саженцы из-за границы. Житель с. Дубенского Минусинского уезда М.Г. Никифоров осенью 1899 г. прислал на адрес Отдела несколько крупных, красивых яблок, вызревших у него в саду. Никифоров уже 8 лет занимался акклиматизацией плодовых деревьев, его питомник насчитывал до 4 тыс. корней. Причём дело это он вёл целиком на свои средства и на свой риск. И когда Никифоров получил положительные результаты своих трудов, у него возникла необходимость расширить плодовый сад и перенести его на новое место, и он обратился в Красноярский отдел МОСХ с просьбой оказать ему помощь в виде денежной субсидии на продолжение опытов по акклиматизации [11, л. 3; 18, с. 1].

Правление Отдела отнеслось к просьбе М.Г. Никифорова с сочувствием, запросив в департаменте земледелия 2500 рублей на перенесение и улучшение плодового питомника. Департамент ассигновал всего 500 рублей, этого, конечно, не хватало для продолжения работ в питомнике. Отдел, не обладая нужной суммой, тоже больше ничем не мог помочь. В.М. Крутовский, сам отличный пловод, в течение трёх последующих лет несколько раз поднимал на собраниях Отдела вопрос о материальном содействии Никифорову. В 1902 г. было решено снова ходатайствовать в министерстве земледелия о выдаче ему субсидии ввиду важности и благоприятных результатов его опытов. «А если министерство не верит в будущность пловодства в Минусинском уезде, пусть пришлют с инспекцией агронома и убедятся в положительности результатов пловодства. Никифоров в течение 10 лет получал прекрасные плоды яблони, которая хорошо переносит сибирскую зиму» [19, 20].

В 1899 г. при посредничестве Отдела в Красноярске были организованы три лекции И.К. Окулича: о маслоделии, о пчеловодстве и о сельскохозяйственных орудиях. На них демонстрировались сельскохозяйственные машины и ульи. В том же году по предложению самого Окулича 5 учителей народных училищ Енисейской губернии были командированы в Томскую сельскохозяйственную школу на курсы по пчеловодству (все они уже имели опыт пчеловодного дела). Получив свидетельства об окончании курсов, они применили новые знания на практике, обучая окрестное население пчеловодству путём демонстраций и бесед, один из них даже прислал в Отдел заявку на улучшенный улей. В 1900 г. на учёбу в Томск на средства Отдела отправились ещё 5 учителей [11, л. 2; 12, с. 16–17, 13].

В течение 1899–1900 гг. на заседаниях Красноярского отдела МОСХ неоднократно обсуждался вопрос об агрономическом образовании крестьянского населения губернии. На общем собрании 19 ноября 1899 г. В.Ю. Григорьев сделал доклад «Одна из главнейших нужд сель-

ского населения Енисейской губернии», в котором напомнил, что в Отдел из разных местностей Енисейской губернии поступают от крестьян просьбы о различного рода сельскохозяйственной помощи. Они просят рекомендовать или выслать им семена хлебных и огородных растений, помочь в устройстве плодовых питомников, снабдить их саженцами, выражают желание иметь племенных производителей или просят помочь усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями. Но, поскольку в губернии нет сельскохозяйственных школ и вообще мало специалистов в сельском хозяйстве, а общий уровень образованности населения очень низок, эти советы и рассылки могут не только не помочь, но даже и навредить, поскольку есть риск, что они будут реализованы совершенно неправильно. Например, применение земледельческих машин на неподходящих почвах может привести даже к отрицательному результату. Поэтому нужно открывать в губернии сельскохозяйственные фермы и обучать крестьян рациональному ведению хозяйства с учётом сельскохозяйственных особенностей конкретной местности.

После этого доклада собрание приняло решение послать министру земледелия обоснование о необходимости организовать в Енисейской губернии несколько школ-ферм с приёмом учеников-практикантов (хотя бы по одной на каждый земледельческий уезд: Красноярский, Ачинский, Канский и Минусинский). Сотрудники этих ферм будут изучать местные условия и в соответствии с ними организовывать своё хозяйство, являя образец рационального ведения дела для местных крестьян. Фермы могут служить доступными и компетентными справочными бюро для населения, они будут организовывать популярные беседы, чтения и лекции по вопросам практического сельского хозяйства, там можно устраивать сельскохозяйственные курсы. Обучение практикантов в короткий срок создаст среди местного населения контингент хорошо подготовленных сельскохозяйственных работников. В декабре 1899 г. обоснование было отправлено министру земледелия [21].

В 1899–1900 гг. на собраниях Красноярского отдела МОСХ прозвучали следующие доклады: «Результаты предварительной обработки данных об урожае хлебов в Енисейской губернии в 1899 г. по данным текущей статистики» Д.М. Головачёва, «К вопросу о возможности промышленного плодоводства в Минусинском уезде» В.М. Крутовского, «Один из способов борьбы против понижения урожаев в Енисейской губернии» и «Одна из главных нужд сельского населения Енисейской губернии» В.Ю. Григорьева, «Эволюция сельскохозяйственных форм у инородцев Мелецкой управы» А.А. Ярилова и др. [11, л. 1–2; 12, с. 21] «К вопросу о возможности промышленного плодоводства ...» и «Одна из главнейших нужд ...» были изданы отдельными брошюрами [18; 22].

К началу 1901 г. в Красноярском отделе МОСХ числилось 303 члена (2 почётных, 62 действительных и 239 членов-корреспондентов). В 1901–1902 гг. Отдел снова собирал сведения сельскохозяйственной статистики, но,

уже далеко не все корреспонденты присылали их добросовестно. Наименее же аккуратными корреспондентами оказались сельские учителя, которые часто меняли место службы, а на лето уезжали из деревни. Общее количество корреспондентов сократилось. Сельское духовенство, за исключением очень немногих лиц, вообще не отзывалось на обращения Отдела. В 1902 г. было получено всего 60 ответов на запросы. В 1901 г. практически не производилось рассылки семян — некому было ими заниматься, а в 1902 г. эти обязанности взял на себя В.К. Востросаблин [23]. Народных учителей на пчеловодные курсы в Томск в эти годы тоже не посылали.

22 января 1902 г. в Санкт-Петербурге было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в состав которого вошли: министр земледелия, министр финансов, министр внутренних дел и другие государственные чиновники. На Совещание было возложено выяснение нужд сельскохозяйственной промышленности в губерниях Российской Империи и выработка мер, направленных на её улучшение. Совещание признало, что необходимо организовать опрос мнений по этому вопросу на местах. В итоге в ряде неземских губерний были образованы специальные губернские комитеты, задачей которых стало «указание на те нужды, удовлетворение которых, по мнению местных людей, представляется в настоящее время существенно важным» [24, с. 1–2]. В состав губернских комитетов для обсуждения проблем сельского хозяйства были привлечены, в числе прочих, представители местных сельскохозяйственных обществ.

С 9 ноября 1902 г. по 6 февраля 1903 г. Красноярский отдел МОСХ провёл подряд 8 заседаний, на которых прозвучали доклады по вопросам о нуждах сельского хозяйства в Енисейской губернии («Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития» Д.М. Головачёва, «Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии в сравнении с губерниями земскими» Е.Г. Шольпа, «О нуждах сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии» В.Т. Волкова и др.). Доклады оканчивались прениями, в результате которых были выработаны «Положения, принятые Красноярским отделом МОСХ по вопросам о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии» и «Заключение Красноярского отдела МОСХ по вопросам о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии», включившие разделы: «Нужды образования», «Нужды правовые», «Нужды финансовые», «Нужды агрономические» и «Введение земских учреждений», в которых члены Отдела изложили свои соображения по поводу причин упадка сельского хозяйства и ухудшения благосостояния сельского населения Енисейской губернии за последние 20–30 лет и предложили ряд мер для решения этих проблем. «Заключение» и «Положения» были доведены до сведения губернского комитета по вопросам о нуждах сельского хозяйства. Материалы этих заседаний и свои рекомендации Отдел издал в 1903 г. [25].

В течение следующих двух лет Красноярский отдел МОСХ опять почти никак не проявлял себя. В местной печати стали появляться нелестные заметки об отделе: «К грустным результатам приводит такая деятельность, которая не опирается на здоровые общественные силы и покоится исключительно на формализме и канцелярщине. Лучшим доказательством <...> служит наше Красноярское сельскохозяйственное общество, это мертворожденное детище канцелярской рутины и бюрократизма. Основанное с самыми благими целями, оно <...> ровно ничего не делало целых 2 года. И теперь, когда, казалось бы, Общество должно было завязать тесные связи с населением, ознакомиться с его нуждами и пойти рука об руку с земледельцами и хозяевами, господа члены к удивлению замечают, что у них даже не выяснено, какие же задачи должно преследовать это Общество <...>. Оказалось, что в сельскохозяйственном обществе нет ни одного сельского хозяина, нет связи с земледельцами и скотоводами, нет никакой творческой работы. <...> Смертный приговор своей деятельности подписали сами господа члены Отдела, указав на то, что они — чиновники, <...> и заинтересованы не сельским хозяйством, а службой» [26].

15 января 1905 г. на годичном заседании Отдела его председателем был избран И.И. Пересвет-Солтан — правительственный агроном Енисейской губернии. Были подведены итоги 1903—1904 гг.: в 1903 г. было всего несколько заседаний в январе (по вопросам о нуждах сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии), в 1904 г. — одно заседание в декабре. В.К. Востросаблин занимался рассылкой семян, но умер, не оставив никаких отчетов, поэтому данных по этому вопросу нет. То есть полезная деятельность в отделе фактически отсутствовала. В качестве причин этого обстоятельства были названы как индифферентность членов Отдела и отвлечение их внимания событиями на Дальнем Востоке (в это время шла русско-японская война) так и тот факт, что все члены отдела — чиновники, занятые на службе и редко занимающиеся делами общества [27].

В дальнейшем, до самого 1910 г., деятельность Красноярского отдела МОСХ так и не приобрела хоть сколько-нибудь заметного оживления. Его собрания созывались всего несколько раз: для обсуждения оснований осуществления земской реформы в Сибири и для выборов представителя Отдела в Совецание по вопросу о введении земских учреждений в Сибири [28, 29]. Едва ли не единственным проявлением того, что общество всё ещё действует, была издаваемая им сельскохозяйственная газета.

Первый номер газеты «Восточно-Сибирский сельскохозяйственный листок» вышел в Красноярске 1 апреля 1906 г. Газета под редакцией И.И. Пересвет-Солтана выходила 2 раза в месяц. Главной её задачей было распространение сельскохозяйственных знаний в доступной для сельских хозяев губернии форме [30]. В основное содержание «Листка» входили сельскохозяйственные вести из уездов, практические советы и рекомендации из разных областей сельского хозяйства, информация о деятельности сельско-

хозяйственных обществ и о ценах на продукты, правительственные распоряжения, касающиеся сельского хозяйства и разъяснения к ним, а также ответы на вопросы крестьян. Приведём как пример названия некоторых статей: «Как построить хорошую борону», «Крестьянская лошадь и её улучшение», «Болезни и лечение домашних животных», «Выбор и содержание молочной коровы», «Болезни наших хлебов», «Сорные травы и способы борьбы с ними», «Болезни и враги пчёл» и т.д. В конце 1907 г. «Сельскохозяйственный листок» выходить перестал.

В 1910 г. правлением Красноярского отдела МОСХ, наконец, был поднят вопрос о его преобразовании. Было решено, что поскольку Отдел очень ограниченно обслуживает сельскохозяйственные нужды Енисейской губернии, здесь нужна организация, имеющая более широкие задачи, тогда можно будет привлечь к её работе новых деятельных членов. В ноябре-декабре 1910 г. состоялось несколько заседаний, на которые были приглашены местные представители торговли и промышленности. В итоге был подготовлен проект Устава Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли, который и приняли с небольшими изменениями. Члены Красноярского отдела МОСХ вошли в новое общество, которое объявило своей задачей «содействие в районе своих действий соединёнными силами своих членов развитию и усовершенствованию торговли, промышленности и сельского хозяйства» [31, 32].

Подводя итоги деятельности Красноярского отдела МОСХ, можно констатировать, что собирая и систематизируя сведения по местной сельскохозяйственной статистике, обсуждая актуальные проблемы местного сельского хозяйства, сельскохозяйственной и кустарной промышленности и вырабатывая, по мере возможностей, практические меры для их разрешения, организуя опытные участки и занимаясь акклиматизацией огородных и плодовых растений для условий Сибири, распространяя среди губернского крестьянства улучшенные семена и обучая его правильно обращаться как с этими семенами, так и с сельскохозяйственными машинами, организуя в деревнях и сёлах сельскохозяйственные чтения и беседы и т.д., Отдел, безусловно, приносил вполне ощутимую пользу местному сельскому хозяйству и вносил свой посильный вклад в развитие губернской экономики.

Но при этом на всём протяжении своей деятельности он сталкивался с целым рядом трудно разрешимых проблем, которые тормозили его практическую работу, главными из которых были: постоянная острая нехватка денежных средств, равнодушие и бюрократизм государственных чиновников самого разного уровня, к которым приходилось обращаться за субсидиями или разрешением на тот или иной вид деятельности по причине отсутствия в губернии земских учреждений, а также почти полное отсутствие связей между Отделом и сельскими хозяевами губернии и, как следствие, явное непонимание их настоящих потребностей и проблем. Всё это и привело, в конечном итоге, к закрытию Отдела.

Литература:

1. Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. Пг., 1914. 607 с.
2. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах: дополнительный выпуск адрес-календарных сведений к 1 января 1917 г. Пг., 1917. 163 с.
3. Земледельческий журнал. 1821. №1. С. 38–39.
4. Московское общество испытателей природы: 200 лет служения России. URL: <http://moipros.ru/?p=1200>
5. Красноярский отдел ИМОСХ // Памятная книжка Енисейской губернии на 1 января 1898 г. Красноярск, 1897. С. 114–116.
6. Скорняков Н. Заседание Красноярского отдела ИМОСХ // Енисей. — 1897. №136. С. 1–2.
7. Скорняков Н. Заседание Красноярского отдела МОСХ // Енисей. 1898. №7. С. 1–2; №8. С. 1–2.
8. Заседание Красноярского отдела МОСХ // Енисей. 1898. №25. С. 2.
9. Об устройстве Красноярским отделом ИМОСХ в г. Красноярске в сентябре 1892 г. первой сельскохозяйственной выставки. Красноярск, 1893. 16 с.
10. Скорняков Н. Заседание Красноярского отдела МОСХ // Енисей. 1898. №133. С. 2.
11. ГАКК. Ф. 388. Оп. 1. Д. 3.
12. Отчёт о деятельности Красноярского отдела ИМОСХ за 1900 г. Красноярск, 1901. 29 с.
13. Скорняков Н. В Обществе сельского хозяйства // Енисей. 1899. №135. С. 2.
14. Енисей. 1900. №15. С. 1; №16. С. 1.
15. Скорняков Н. Деятельность Красноярского отдела ИМОСХ за 1899 г. // Енисей. 1900. №34. С. 2; №35. С. 2–3.
16. Скорняков Н. В Обществе сельского хозяйства // Енисей. 1899. №140. С. 2–3.
17. Енисей. 1900. №37. С. 2; №39. С. 2; №40. С. 2; №41. С. 1.
18. Крутовский В.М. К вопросу о возможности промышленного плодоводства на юге Минусинского уезда Енисейской губернии. Красноярск, 1900. 16 с.
19. Скорняков Н. В сельскохозяйственном обществе // Енисей. 1901. №39. С. 2.
20. Второе заседание Красноярского отдела ИМОСХ // Енисей. 1902. №137. С. 2.
21. ГАКК. Ф. 388. Оп. 1. Д. 4. Л. 18–22.
22. Григорьев В.Ю. Одна из главнейших нужд сельского населения Енисейской губернии. Красноярск, 1900. 43 с.
23. В сельскохозяйственном обществе // Енисей. 1903. №34. С. 3.
24. Духович А.Ф. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Труды Красноярского отдела ИМОСХ. Вып. VI: Нужды с/х промышленности Енисейской губернии. Красноярск, 1903. С. 1–6.
25. Труды Красноярского отдела ИМОСХ. Вып. VI: Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии. Красноярск, 1903.
26. Общественная самодеятельность // Енисей. 1905. №7. С. 2.
27. В Обществе сельского хозяйства // Енисей. 1905. №7. С. 2–3.
28. В сельскохозяйственном обществе // Енисей. 1905. №31. С. 2; №36. С. 3.
29. Местная хроника // Сибирский край. 1905. №136. С. 2.
30. Сельскохозяйственная газета // Голос Сибири. 1906. №17. С. 2.
31. Преобразование общества Красноярского отдела МОСХ // Красноярская мысль. 1910. №15. С. 3.
32. Собрание членов Красноярского отдела МОСХ // Красноярская мысль. 1910. №46. С. 2.

Из опыта архивных исследований Юринского историко-художественного музея: местное кирпичное и гончарное производство

Шалахов Евгений Геннадьевич, заместитель директора по научной работе

Юринский историко-художественный музей им. Г.П. Лосева (пос. Юрино, Республика Марий Эл)

В 2009–2010 гг. нашим музеем разрабатывалась тема «Кирпичное и гончарное производство на территории Юринского района Республики Марий Эл в XX веке». Мы опирались на сотрудничество с архивным отделом администрации Муниципального образования (МО) «Юринский муниципальный район» (руководитель от-

дела — Н.И. Моргунова), знакомились с фондами архивохранилища документов по личному составу.

Начальный этап исследования был посвящен поиску предприятий, специализировавшихся на обработке минеральных веществ. По историческим справкам удалось проследить технологическую-экономическую преемствен-

Пруцаков Александр Васильевич (снимок 1910-х гг.).
Фото из личного архива С. Спиридонова (г. Москва)

ность (через формы слияния и реорганизации) в данной сфере производства. Кирпичные заводы: промколхоз «Память Ленина» (д. Быковка), Юринская промартель «Гончар» (вторая четверть XX в.) → Юринская промартель «Швейник» (1950–1956 гг.) → Юринский райпромкомбинат (1956–1968 гг.) → Юринский валкожкомбинат, затем — валяльно-войлочный комбинат (с 1968 г.). Гончарные цеха: Юринская промартель «Гончар» (вторая четверть XX в.) → Юринская промартель «Швейник» (1950–1956 гг.) → Юринский райпромкомбинат (1956–1961 гг.). Просмотренные «Приказы и распоряжения по личному составу» промартели «Гончар», «Распоряжения по личному составу» промартели «Швейник» и «Приказы по личному составу и основной деятельности» райпромкомбината, хранящиеся в фондах Юринского архивного отдела (ф. 1, оп. 1, д. 1, 11, 14, 24, 27, 32; ф. 12, оп. 1, д. 85, 92, 98, 99), содержат любопытные, на мой взгляд, сведения о назначениях и кадровом составе, производственных нормах и техническом оборудовании на предприятиях.

Артель «Гончар», организованная в довоенное время, имела два профильных производства — кирпичное (сезонное) и гончарное (круглогодичное). Благодаря подробному знакомству с бумагами промартели за период с июля 1942 г. по июль 1950 г., были заново открыты имена

старых мастеров, обучавшихся гончарству на закате шереметевской эпохи в Юрино. Например, заслуженным авторитетом у артельщиков 40-х гг. XX в. пользовались Дунаев Федор Николаевич и Дунаев Алексей Александрович. Именно этим мастерам правление артели доверяло профессиональную подготовку молодых рабочих-гончаров.

Судя по документам, основной проблемой местных керамистов в конце 40-х гг. XX в. была бракованная посуда, появлявшаяся по причине дефицита древесного угля в обжигных печах. Председателем правления Павлом Скороospelкиным в марте 1949 г. издаются два приказа, один из которых воспринимается как прямая внутривозрастная директива: «В целях эффективности и качества обжига гончарных изделий приказываю: не выгребать углей из печей гончарных горн после обжига» (Архивный отдел администрации МО «Юринский муниципальный район», ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 67).

Изделия гончарного цеха находили сбыт в двух торговых точках — в специализированном ларьке на колхозном рынке поселка Юрино и в подобном же ларьке в городе Козьмодемьянске. Доставкой товара на правый берег Волги занималась Малышева Мария Александровна. К лету 1950 г. возникла серьезная проблема со сбытом продукции. Скорее всего, упал спрос на юринскую керамическую посуду. Один из документов свидетельствует

вует: «Ввиду затоваривания гончарной посуды, согласно решения УПК от 26 мая 1950 г. за № 56, гончарное производство временно приостановить, рабочих гончарного производства перевести на выработку кирпича...» (Архивный отдел администрации МО «Юринский муниципальный район», ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 81).

Что касается кирпичного производства артели, то оно изначально существовало только в Полянской гати (к востоку от пос. Юрино). Осенью 1949 г. к артели перешла материальная база кирпично-известкового производства промколхоза «Память Ленина» в Быковской гати. В разные годы кирпичным производством «Гончара» руководили Кочетов Николай Иванович, Тюрин Иван Егорович, Харчевников Алексей Дмитриевич, Дунаев Николай Александрович. В тексте одного из последних приказов по артели мне удалось обнаружить фамилию, имя и отчество человека, ныне забытого большинством юрян — Пруцаков Александр Васильевич (см. фото). Сын бедного кирпичника шереметевского времени, Александр Пруцаков являлся участником пролетарских выступлений в селе Юрино в 1905—1906 гг., был ветераном первой мировой («империалистической») войны. Его недолгая работа в должности заведующего кирпичным производством промартели «Гончар» — малоизвестный факт тру-

довой биографии бывшего юринского революционера.

После слияния промартели «Гончар» с артелью «Швейник» (июль 1950 г.), несмотря на сложности организационного этапа, кирпично-известковое производство осталось профильным. Здесь заметно увеличилось число рабочих мест (на сезон 1951 г. было принято 36 человек — 16 мужчин и 20 женщин). К середине 50-х гг. кирзавод располагал современным техническим оборудованием (установлены глинопресс, кирпично-делательный агрегат).

По архивным документам удалось выяснить, что одновременно с набравшим темп кирпичным производством Юринского райпромкомбината (в 1958 г. кирзавод работал в две смены), продолжало существовать и гончарное (мастера Дунаев и Плотников).

Опираясь на результаты изучения документальных материалов, хранящихся в Юринском муниципальном архиве, можно отметить, что в ряду традиционных промыслов и производств, кормивших население в позапрошлом веке и в советский период истории поселка Юрино, гончарный и кирпичный занимали, пожалуй, самое почетное место по причине их возраста (зародились ещё в Шереметевской вотчине — в первой трети XIX в.) и живучести.

История возникновения и развития практики оглашения в Церкви в I–V вв.

Эмирханов Вадим Мурадханович, аспирант

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

Церковь с первых дней своего существования заботилась о достойной подготовке всех желающих принять крещение. Этот подготовительный процесс назывался «оглашением». Данный термин имеет греческое происхождение: глагол катихео означает слышать что-либо от других, научиться со слуха. В Церкви термин принял значение передачи слушающим главных истин веры для осознанного принятия крещения [4, с. 31]. Из этого факта следует тесная связь оглашения с христианским богослужением: крещением, а также Божественной Литургией.

Время появления института оглашения

Иисус Христос, отправляя на проповедь апостолов, сказал им: «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19). Слово «научите» говорит о необходимости передачи основных вероучительных истин желающему принять крещение. Библия свидетельствует нам, что ученики Христа ревностно исполняли эту заповедь. Апостол Петр произнес продолжительную и основательную проповедь в Иерусалиме на праздник Пятидесятницы, после которой около трех

тысяч человек приняли христианство (Деян. 2, 14–41). Позже он наставлял в вере римского сотника Корнилия с его родственниками и друзьями, а затем разрешил им креститься (Деян. 10, 24–48). Аналогично поступал Павел (Деян. 16, 13–15) и Филипп (Деян. 8, 35–38), и прочие апостолы.

Таким образом, можно однозначно сказать, что зарождение данного феномена относится к первым дням существования Церкви, т.е. к I в.

Прочие предпосылки необходимости оглашения

Помимо прямого указания Иисуса Христа и примеров из жизни святых апостолов были и другие причины необходимости оглашения перед крещением.

Первой причиной являлась нужда в качественных знаниях о христианской вере для желающих креститься. В любом человеческом обществе существуют определенные традиции, правила поведения, цели, задачи. Для желающего стать членом этого общества необходимо знать эти правила и соблюдать их. Христианство, которое также является обществом людей объединенных верой во Христа, не является в этом плане исключением.

Вторая причина заключалась в том, что пастырям Церкви необходимо было время для испытания нравственных качеств катехуменов (оглашенных). Проверялась твердость решения о принятии новой веры. Эта причина была очень важной: во время гонений на христиан бывали случаи их отпадения от Церкви. Историк Е.И. Смирнов пишет по этому поводу следующее: «...во II и III веках, ввиду многих неискренно принимавших христианство и отпадавших от него во время гонений, Церковь признала неудобным совершать крещение вслед за изъявлением желания принять христианство, и поэтому установила определенный порядок испытания и приготовления уверовавших ко вступлению в общество христиан» [7, С. 186]. Пастыри наблюдали за оглашенными не только в период их обучения. По окончании срока оглашения желающих креститься испытывали на предмет тех знаний, которые им преподавали, также требовалось свидетельство их праведной жизни. Свидетелями здесь выступали знакомые им христиане, в первую очередь их восприемники. В Риме этот экзамен имел место за три недели до Пасхи, в других местах — за шесть или семь недель. Тех, кто выдерживал испытание называли *electi* (лат.). Этот термин говорит об участии в подтверждении достоинства оглашенных всех христиан данной церкви. Вероятно, подобные обычаи имели и другие поместные церкви. [5, С. 292].

Существуя в условиях лютых гонений, Церковь на удивление языческих правителей не только не уменьшалась в своих размерах, напротив, численно возрастала. Язычество сдавало свои позиции христианству. Видя это, языческие ученые и религиозные деятели начали вести информационную борьбу с новой религией. Они стали проверять многие исторические и религиозные факты, чтобы ослабить христианство и укрепить язычество. Переносились факты христианской истории на языческие личности, известные в области религиозной философии, проводили параллели между библейскими и языческими персонами, внедряли в свои религии догматы схожие с христианскими (н-р, о Троице), говорили о том, что все религии учат об одном божестве, только разными словами и способами, но ни одна из них не может обладать полнотой истины и ведения [4, С. 74]. Такие ложные доктрины могли сбивать с толку недавно обратившихся в христианство язычников. Будучи еще неопытными и неокрепшими в вере, они могли снова увлечься язычеством, отступив от христианства. Об этом свидетельствует церковный писатель Кирилл Иерусалимский (IV в.): «Поскольку много прельщающих философией и тщетною лестью: язычники увлекают обращающихся сладостью языка;...обрезанные обольщают превратным изъяснением Божественного Писания;...последователи еретиков словами льстивыми и красивыми обольщают сердца простых людей, под именем Христовым, как под медом скрывая яд злочестивых правил: о всех их вместе говорит Спаситель: «Блюдите, да никто же вас прельстит...» (Мф. 24,4). Для сего бывают наставление в вере, для сего де-

лаются изъяснения оной» [6, с. 43]. Подобное обстоятельство является третьей причиной необходимости оглашения.

Четвертая причина — борьба с внутренними врагами христианства, т.е. сектами, ересями и расколами. В христианскую веру обращались люди различных сословий, с разными религиозными и культурными ценностями. Это обстоятельство явилось предпосылкой для бурного расцвета ересей всех мастей. «Следовало ожидать, что на первых порах, вследствие вступления в Церковь иудеев и язычников, не хотевших вполне отказаться от иудейства и язычества и потому смешивавших христианское учение с воззрениями языческими и иудейскими, появятся еретические заблуждения относительно всей системы христианского учения...» [7, С. 98]. На христианских пастырях лежала трудная задача (до IV в. еще не было разработано систематическое учение о Христе и Св. Духе): объяснять катехуменам ложность еретических учений.

Бывали случаи, когда некоторые из особо ревностных язычников притворно принимали крещение. Изучив подробно христианские истины, став участниками богослужения и таинств, они затем злобно насмеялись над Церковью, кощунствовали над ее святынями. В период обучения пастыри тщательно следили за оглашенными: не закрались ли подобные «волки в овечьей шкуре»? Если такие обнаруживались, то сразу изгонялись из собрания катехуменов [4, С. 75]. Эта опасность была пятой причиной.

Шестая причина. После прекращения гонений на Церковь в 313 г. христианство постепенно становится государственной религией. Сами императоры, начиная с Константина Великого, стали принимать крещение и вести активную церковную политику (достаточно взглянуть на историю Вселенских Соборов). Хотя Миланский эдикт и не запрещал исповедовать языческие религии, тем не менее, предпочтение со стороны императоров (за исключением Юлиана Отступника) отдавалось подданным-христианам. Для язычников подъем по карьерной лестнице был закрыт. Это породило негативное явление в жизни Церкви: люди, движимые карьеризмом и корыстью, принимали новую религию притворно, без должной веры. Естественно, что в Церкви появилось много людей случайных, нравственная жизнь которых оставляла желать лучшего [7, С. 422–423]. Подобные христиане являлись позором для Церкви, роняли ее авторитет. Священнослужители и катехизаторы тщательно испытывали искренность намерений оглашенных и на сей счет.

Седьмая причина состоит в том, что многие люди считали принятие крещения средством для приобретения земного благополучия и счастья. Затем, видя, что оно не избавляет от скорбей, более того, что люди нечестивые и порочные живут часто богаче и счастливее их, приходили в уныние, разочарование и оставляли христианство. Пастыри на огласительных беседах объясняли людям, что крещение не является средством для избавления от всех

зол и приобретения земного благоденствия, а преследует иную цель — соединение с Богом и вхождение в Его Церковь [4, С. 75–76].

Эти причины наглядно демонстрируют, с какими проблемами сталкивалась Церковь в упоминаемый период. Христианские пастыри нашли оглашение крайне необходимым для решения данных проблем.

Разряды оглашенных

Из вышеуказанных причин становится ясно, что период оглашения имел достаточно продолжительный период. Смирнов Е.И. называет следующую длительность — от трех месяцев до трех лет [7, С. 187]. Более того, это время делилось на несколько этапов, соответственно с которыми существовали разряды (классы) оглашенных. К сожалению, древние церковные памятники не оставили сообщения о точном количестве этих классов, поэтому церковные историки придерживаются на этот счет неоднозначных позиций. Одни считают, что было всего два разряда: «совершенные» и «несовершенные» (Зонара, Вальсамон, Свицер). Другие признают три класса: «слушающие», «коленоприклоняющие» и «просящие» (Мальдонат, Бинтерим). Третьи называют четыре класса: «слушающие», «коленоприклоняющие», «просящие» и «избранные» (Бона, Бингам). Поздние исследователи склоняются чаще к варианту с тремя разрядами.

Первый разряд (начальный) — «слушающие» — те оглашенные, которые только что были зачислены в ряды катехуменов и имели право находиться на богослужении до молитвы об оглашенных, слушали Священное Писание и поучения священнослужителей (отсюда и название их) [2, кн. 8, 5].

Из разряда «слушающих» оглашенные переходили во второй — «коленоприклоняющих» или «ниц-простертых». Эти оглашенные оставались на богослужении немного дольше: после чтения Писания и поучений они становились на колени, наклоняли голову, предстоятель читал над ними молитву об оглашенных и благословлял их, возлагая им на голову руки. После этого они покидали богослужебное собрание [3, I В.С., 14-е прав.].

Третий разряд имел различные наименования: в Восточной Церкви оглашенные этого класса назывались «крещаемыми» или «просвещаемыми», в Западной — «просящие» или «избранные». В первом случае подчеркивалась готовность оглашенных уже принять крещение, просветиться им. Во втором, название «просящие» происходило от того, что некоторые ревностные катехумены сами просили крещения, чем сокращали период оглашения (если были достойны этого), а наименование «избранные» говорит само за себя — эти оглашенные выделялись пастырями из прочей массы, т.к. уже были готовы принять крещение. Эти оглашенные покидали богослужение самыми последними. Над ними также читалась особая коленопреклоненная молитва и преподавалось благословение.

Если делить оглашенных на два класса (см. выше), то первые два перечисленные относятся к разряду «несовершенных», соответственно, третий — к классу «совершенных» [4, С. 78–84].

Содержание огласительных бесед

В I в. оглашение имело вид проповеди, как это видно из Библии. О содержании этих проповедей можно судить по вышеуказанной речи апостола Петра в праздник Пятидесятницы. В своей речи он последовательно раскрывает историю спасения человеческого рода, начиная с ветхозаветных пророчеств и заканчивая приходом в мир Мессии, т.е. Иисуса Христа. Петр на основании пророчеств доказывает мессианское достоинство Христа и призывает иудеев уверовать в Него. Апостол Павел, проповедуя в афинском ареопаге, исповедовал «неведомого Бога» творцом мира, источником жизни всего существующего и также призывал слушающих к покаянию и принятию Иисуса Христа (Деян. 17, 22–31). Другие тексты проповедей содержат подобную информацию (Деян. 7, 1; 10, 34–43). Христианская жизнь только зарождалась, еще не было развитой догматической системы, поэтому огласительные беседы имели характер простой проповеди, где говорилось о самом главном.

Об эпохе мужей апостольских (II в.) говорить сложнее, т.к. письменные источники не содержат информации о предметах оглашения. Возможно, эти беседы имели схожий характер с оглашением I в. в силу духовной близости мужей апостольских и апостолов. К кон. II в. срок оглашения становится более продолжительным [4, С. 36].

О содержании и объеме бесед III в. можно судить по выдержке из текста Апостольских Постановлений (IV в.): «Итак, имеющий огласиться словом благочестия прежде погружения да будет наставлен в ведении о Нерожденном, в познании о Сыне Единородном, в убеждении о Святом Духе. Пусть изучит он порядок различного творения, пути промысла, суды различного законоположения. Пусть узнает, почему создан мир, и почему человек поставлен господином мира. Пусть изучит природу свою, какова она. Пусть узнает, как Бог наказал злых водою и огнем, а святых во все времена прославил, — разумею Сифа, Еноса, Еноха, Ноя, Авраама и его потомков, Мелхиседека и Иова и Моисея, также Иисуса и Халева и Финееса священника и верных всех времен. Пусть узнает также, как промышляющий Бог не отвратился от рода человеческого, но в различные времена призывал его от заблуждения и суетности к познанию истины, приводя его от рабства и нечестия к свободе и благочестию, от неправедности к праведности, от смерти вечной к жизни вечной. Сие и согласное с сим пусть изучает во время оглашения приходящий» [2, кн. 7, 39]. Данный памятник свидетельствует о том, что в это время вниманию катехуменов предлагались беседы достаточно большого объема.

В IV в. оглашение еще более осложнилось. В это время оглашенные уже разделялись на классы. Незадолго

до крещения находящиеся на последнем этапе подготовки (просвещаемые) имели уже основные знания о вере. Также они получали дополнительные наставления: углубленные знания в области догматического богословия (сюда входили вопросы триадологии, христологии, пневматологии, антропологии, эсхатологии), нравственного богословия и Священной истории. Об обстоятельности предлагаемых Церковью бесед можно судить по объему и содержанию огласительных бесед Кирилла архиепископа Иерусалимского.

В V в. программа оглашений была фактически той же. К ней добавлялись беседы о суетности языческих учений и временной функции ветхозаветной религии [4, С. 36–38].

В IV и V в.в. развитие огласительных бесед достигло своего апогея. Катехумены получали обстоятельные теоретические знания о христианской вере. К опыту оглашения данного периода обращаются катехизаторы и настоящего времени, что также свидетельствует о высоком уровне этих программ.

Обязанности оглашенных

Катехумены должны были проходить не только теоретический курс, но и практический. Он выражался, главным образом, в участии в богослужении до определенного момента (см. выше). В пользу этого факта говорят практически все сохранившиеся древние литургические тексты. В храме оглашенные стояли в задней части храма — в притворе (нарфике), а верные (т.е. крещенные) — в центральной. Пространство, которое их отделяло, символизировало их непосвященность в евхаристическую жизнь общины.

Сами оглашенные стояли не в случайном порядке, но согласно тому разряду, в котором находились. Самый младший разряд — «слушающие» находился ближе всех к выходу и, соответственно, дальше всех от алтаря. Обязанность участвовать в богослужении вменялась оглашенным с первых дней их подготовки к крещению [4, С. 92]. Это нужно было для постепенного обучения соборной (коллективной) молитве и прививания любви к богослужению.

Оглашенных увещевали обучаться молитве и вне храма. Об этом свидетельствует Кирилл архиепископ Иерусалимский: «Молись чаще, чтобы Бог удостоил тебя небесных и бессмертных Таин» [6, С. 11]. Два этих вида молитвы — церковная и частная — являются обязательным условием христианской жизни.

Помимо молитвенной жизни от катехуменов требова-

лась и высокая христианская нравственность, т.е. соблюдение Христовых заповедей, борьба с грехом, сожаление о прошлых злодеяниях перед Богом и людьми, исправление своих душевных пороков и развитие добрых качеств души — добродетелей. В помощь в этой духовной работе над собой Церковь предлагала не только молитву, но и пост. Он обычно назначался для третьего разряда оглашенных — просвещаемых и длился не более сорока дней, после чего человека крестили [7, С. 187]. В том, что оглашенные постились перед крещением сомневаться не приходится. «Тем, кто собирается креститься, нужно к этому подготовиться частыми молитвами, постом, коленопреклонениями, бдением и исповеданием всех прошлых своих грехов...», — обращается к оглашенным Тертуллиан [9, гл. 20, 20]. Об этом говорит и Сократ в своей Церковной истории [8, гл. 17].

Однако были из оглашенных и нерадивые, которые не спешили оставлять греховную жизнь. Если такие уличались в тяжелых грехах, то их переводили в предыдущие разряды. Катехумены из «слушающих» в этом случае теряли право находиться в храме во время богослужения. Им определялся срок покаяния, в течение которого в богослужебное время они стояли на паперти храма [4, С. 84–85].

Даже из краткого ознакомления с историей возникновения и развития оглашения в Церкви I–V в.в. можно понять насколько серьезное было к нему отношение со стороны священноначалия. Это был действительно институт оглашенных с четко проработанной программой и отлаженной дисциплиной. Оглашение давало необходимые качественные знания о христианской вере, предупреждало о разного рода опасностях, которые могли встречаться на пути христиан того времени, давало возможность участвовать в общественных богослужениях, учило жить по-христиански еще до крещения. Из истории Церкви видно, что оглашенные вели активный христианский образ жизни. От христиан они отличались лишь тем, что не участвовали в Евхаристии. Подобная активность позволяла оглашенным не только привыкать к христианской жизни, но и испытывать свое желание принять новую веру. Институт катехумената был неким ситом для отсеивания непригодных или еще неготовых для христианства людей.

Анализируя основные идеи института оглашения данного периода, можно отметить, что они вполне соответствовали проблемам и задачам того времени и являлись весьма полезным инструментом для их решения.

Литература:

1. Библия. — М.: Российское Библийское Общество, 2001. — 1346 с.
2. Апостольские Постановления: [krotov.info >acts/04/2/constit_apost.htm](http://krotov.info/acts/04/2/constit_apost.htm) (дата обращения 10.05.2012 г.)
3. Книга правил святых апостолов и святых Вселенских Соборов: [vselprav.org >Html/Pr/pr.htm](http://vselprav.org/Html/Pr/pr.htm) (дата обращения 10.05.2012 г.)
4. Алмазов А.И., История чинопоследований Крещения и Миропомазания, Каз.: Типография Императорского Университета, 1884. — 779 с.

5. Афанасьев Н., прот., Вступление в Церковь, Шмеман А., прот., Водю и Духом — М.: изд-во ПСТГУ, 2004. — 450 с.
6. Кирилл, архиепископ Иерусалимский, Огласительные и тайноводственные поучения — М.: издание Австралийско-Новозейландской Епархии РПЦЗ, 1991. — 330 с.
7. Смирнов Е.И., История христианской Церкви, Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. — 768 с.
8. Сократ Схоластик, Церковная история, кн. 7, agios.org.ua >...Сократ...Церковная_история._Книга_7 (дата обращения 13.10.2012 г.)
9. Тертуллиан, О крещении: [krotov.info >library/19_t/ter/tullian_baptism.html](http://krotov.info/library/19_t/ter/tullian_baptism.html) (дата обращения 13.10.2012 г.)

5. АРХЕОЛОГИЯ

Древнее поселение типа города-крепости Нахчывана

Багиров Расул Баширали оглы, кандидат исторических наук, доцент
Нахичеванский государственный университет (Азербайджан)

Археологические исследования 1960–1980-х годов показали, что в эпоху бронзы архитектурно-планировочные особенности поселений были совсем иными, чем в предшествующий период. Прежде всего, следует отметить наличие оборонительных стен вокруг поселений и различных ремесленных мастерских внутри них. Раскопки Кюльтепе II выявили хорошо продуманную планировку — выделение ремесленных и жилых кварталов, разделенных улицами [1, с. 25]. Все это позволяет считать данные памятники поселениями раннегородского типа. Взаимосвязь и тесные контакты крупных центров и сельских поселений способствовали развитию ремесел, земледелия, скотоводства, торговли и т.д. Город становится основным экономическим, культурным и торговым центром.

Поселения раннегородского типа среднего периода эпохи бронзы пока зафиксированы и частично исследованы на территории Нахичеванской АССР (Кюльтепе II, Огланкала, Карабаглар — Каладжык, Шахтагы — Гююркала, Казанчыкала и т.д.) Размер их составляет от 6 до 40 га. По площади они делятся на две группы: в первую входят поселения, занимавшие приблизительно 6–10 га, во вторую — 30–40 га.

Как уже отмечалось, одни раннегородские поселения являлись продолжением поселений куро-аракской культуры и обычно расположены в низменных зонах. Другие возникли на новых местах, но также на базе предшествующих культур — Огланкала, Каладжык, Гююркала и Казанчыкала.

По планировке поселения состоят из цитадели и наружного поселения, как правило, укрепленных стенами с прямоугольными башнями [2, с. 20]. Недалеко от поселений, на труднодоступных горах были воздвигнуты мощные крепости.

Процесс появления раннегородских поселения в Закавказье до настоящего времени не был темой специального исследования. В результате новых археологических находок оказалось возможным выявить памятники раннегородской культуры Азербайджана.

КЮЛЬТЕПЕ II расположено в 12 км к северу от гор. Нахичевани, вблизи с Юхары Узуноба и с. Дидивар, у слияния Нахичеванчая и Джагричая Холм, на котором находится поселение, известен под названием Кюльтепе — древняя Нахичевань. Поселение сильно разрушено, а

оставшаяся [1, с. 26] часть его имеет треугольную форму, Юго-западная сторона холма размыта р. Джагричай, вследствие чего образовался обрыв, высота которого местами достигает 12 м, восточная сторона холма частично смыта р. Нахичеванчай.

В период существования поселения р. Джагричай протекала в 5–6 км севернее Кюльтепе II и вблизи с. Халхал впадала Джиннидере, в настоящее время хорошо прослеживается от с. Джагри до р. Нахичеванчай. На правом берегу древнего русла Джагричая зарегистрировано поселение II—I тыс. до н.э. под названием Мейдантепе. В результате обследования местности были зафиксированы следы каналов, идущих от р. Джагричай. Возможно, что широкое развитие земледелия и связанного с ним искусственного орошения привело со временем к изменению русла Джагричая.

Обследование показало, что общая площадь Кюльтепе II достигала примерно 10 га. Толщина культурных слоев на окраинах поселения достигает 5–6 м, а в центральной части около, 14 м. Площадь хорошо сохранившейся его части составляет около 3 га. Поверхности поселения в основном плоская и ровная, за исключением сильно всхолмленной северо-восточной стороны, где прослеживается часть оборонительной стены, сложенной из речного булыжника и сырцового кирпича различной величины. Стена толщиной в 2 м была воздвигнута в поздний период эпохи бронзы и ранний период эпохи железа, т.е. на последнем этапе существования поселения [2, с. 10].

В южной оборонительной стене как с наружной, так и с внутренней стороны примыкают стены, сложенные из булыжника, скрепленного глиняным раствором. По всей вероятности, они играли роль пилястры или контрфорса. Три стены обнаружены с наружной стороны. Длина первой 1 м, ширина 1,56 м, высота 97 см; длина второй 65 см, ширина 60 см, высота 30 см; длина третьей 95 см, ширина 1,1 м, высота 60 см. Длина внутренней стены 0,76 м, ширина 1 м, высота 0,33 м. С внешней стороны закругленного юго-восточного угла оборонительной стены обнаружены части стен прямоугольной башни, сохранившаяся длина их 1,2 м, ширина 2 м, высота 0,8 м.

Северо-восточный закругленный угол оборонительной стены также укреплен прямоугольной башней, стены которой хорошо сохранились. Длина башни 7,4 м, ширина

2,6 м; высота сохранившейся части башни 1,4–2,3 м. Дверной проем имеет ширину 2 м.

В ходе раскопок двух сторон крепостной стены обнаружено большое количество монохромно-расписной и нерасписной керамики красного, черного и серого обжига, а также каменные и костяные изделия.

ОГЛАНКАЛА — один из древнейших городских населенных пунктов на территории Азербайджана (Нахичеванская АР). Для изучения проблемы раннегородской культуры он является одним из уникальных памятников древнего Востока и Кавказа. Это древнее поселение зафиксировано еще в 1936 г. известным азербайджанским археологом-этнографом А.К. Алекперовым. Огланкала выделяется как циклопическая крепость-убежище [3, с. 41, 45].

Новыми археологическими исследованиями (1970–1980 гг.) установлено, что Огланкала представляет собой грандиозное древнее городище (II – I тысячелетие до н.э.) и охватывает обширную площадь — около 40 га. Поселение расположено в Ильичевском районе (бывший Норашенский район), на равнине Шарур, около с. Улья Норашен, на г. Каратепе, находящейся на правом берегу р. Арпачай. По нашему мнению, это мог быть древний город Шарур.

Планировка основного крепостного сооружения в соответствии с рельефом г. Каратепе продолговато-многоугольная. Стены построены на разных террасах зигзагообразно и укреплены четырехугольными ступенчатыми и полукруглыми башнями. Значительные остатки стен основного оборонительного сооружения Огланкалы остались на северной, западной и восточной частях Каратепе. Сохранилось на северной стены, длина которой составляет 192 м. Она загораживает одну из главных дорог и вход в город [1, с. 41].

Огланкала имела мощные наружные оборонительные сооружения с многоярусными и полукруглыми башнями. Последние в основном были построены в северных и южных углах крепости. Внутри нее на плоских площадках, на пяти ступенчатых монолитных скалистых террасах, расположено древнее поселение — городище Огланкала. На каждой террасе находились жилые кварталы городища, каждый из которых имел свои оборонительные стены. Террасы постепенно возвышались и таким образом городище представляло собой пятиступенчатый амфитеатр.

В постройках Огланкалы в основном применяли технику обтесывания камня. Кладка крепостных стен велась слегка стесанными крупными квадратами, вес которых в отдельных случаях достигал нескольких тонн.

Древнее поселение **КАЛАДЖЫК** расположено в 30 км к северо-западу от Нахичевани, на северо-восточной окраине с Карабаглар, там, где склоны Малых кавказских гор спускаются к берегу Аракса. Поселение со всех сторон окружено обширными плодородными землями, что прежде всего обусловило развитие земледелия. Кроме того, близости от поселения имеется обильный источник воды. Река Аснычай, истоки которой находятся среди скал, рас-

положенных в северо-восточной части Карабаглар, протекает прямо в середине этого древнего поселения в направлении с севера на юг [1, с. 46–47].

Одна из легенд гласит, что якобы в том месте, где р. Аснычай берет начало, в древние времена было казнено через повешение много пленных рабов. Поэтому река получила название Асны, что означает повешение.

Обширная территория Карабаглар у подножья горы и на возвышенности состоит из многоступенчатых террас, которые были удобны для заселения их древними племенами. Это способствовало быстрому росту древнего Карабаглар, развалины которого охватывают площадь около 30 га. В некоторых разрушенных местах прослежено наличие культурного слоя толщиной 3 м. Несмотря на сильные разрушения поселения, по остаткам помещений и крепостных стен хорошо прослеживается, что в плане оно было удлиненным, построено вдоль склона гор.

В поселении Каладжык пока не проведены широкие археологические раскопки, однако в результате долготлетних (1970–1980 гг.) археологических разведок было собрано много материалов. На территории Каладжыка сохранились развалины жилищ и крепостных стен, подтверждающих, что здесь был высокий уровень строительной техники. Из строительных материалов в основном использовался известняк. На поселении хорошо прослеживаются прямые параллельные улицы с остатками стен четырехугольных жилищ, построенных из камня. Согласно преданию местных жителей, до начала XX в. в центральной части поселения была расположена цитадель.

КРЕПОСТЬ СЕДЕРЕК. Во время исследований, проведенных археологической экспедицией на территории Нахичеванской Автономной Республики в августе 2001-го года, в список таких памятников было включено еще одно название. Проф. В.Г. Алиев и к.и.н. С.Г. Ашуров в Седерском районе зафиксировали одноименную крепость и провели первичные исследования [4, с. 51–52].

«Седерек кала» расположена на юго-западном конце села Седерек, на Границе с селом Демирчи Шарурского района, на одной из вершин Велидага. Пик Велидага находится на высоте 1242,2 м над уровнем моря. Велидаг охватывает северо-восточную часть Седерека и северо-западную часть села Демирчи. На границе этих двух сел цепочка гор отделяется от Велидага в сторону реки Аракс и тем самым как бы отделяет равнины Седерек и Шарур. Цитадель «Седерек кала» находится на высоте 955,2 м над уровнем моря. Южные подножья горы рассечены для прокладки дороги. Таким образом маленькая часть горы в виде холма отделена от цепочки гор в сторону реки Аракс. Среди народа эта часть горы известна как «Чапачак» или же «Дахна гапысы». Река Аракс, берущее свое начало с территории Турции, на 1,5–2 км южнее Велидага, закручивается лабиринтом и продолжает течь в сторону равнины Шарура. Нижние подножья горы в восточном, южном и западном направлении охвачены крепостной стеной в один ряд. Стены обычно строились из крупных массивных плит. Для скрепления камней строительный

раствор не использовался. Высота первой крепостной стены, большая часть которой разрушена, меняется в зависимости от рельефа горы. Стены на склонах горы, где опасность была наиболее вероятной, сравнительно высокие и мощные.

В 2001 году, до обнаружения крепости Седерек, первая ирригационной системой. По мнению авторов, предполагающих этот исторический памятник ирригационной канавой «Фархад архы» начинающейся с Арпачая и имеющая протяженность 30 км, была проведена для

орошения земель на равнине Седерек в I тыс. до н.э. Археологи-специалисты, приехавшие из соседней Турции высказали это ошибочное мнение в 1998 году в опубликованной в Истамбуле книге. Авторы книги попытались найти сходство между «Фархад архы», обнаруженной в Седереке с древней ирригационной канавой «Фархад каналы» около Догубаязит в Анатолии [5, с. 27].

Нахождение в этих поселениях керамических изделий раннего периода средней бронзы подтверждает, что эти процессы начались уже в середине III тысячелетия до н.э.

Литература:

1. Алиев В.Г. Культура эпохи средней бронзы Азербайджана. Баку, 1991.
2. Алиев В.Г. Древние крепости Нахичевани. РВ.ОГ 1970.
3. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960
4. Aşurov S.H. Naxçıvanda arxeoloji tədqiqatlar (2001–2002-ci illər). Bakı, 2003
5. Belli Oktay, Baxşaliev Veli. Middle and late Bronze Age Painted Pottery culture of the Naxchivan Region. Istanbul. 2001

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Новая функция специальных исторических дисциплин

Барштейн Виктор Юрьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник

Государственное учреждение «Институт пищевой биотехнологии и геномики Национальной академии наук Украины»

Определение «вспомогательные исторические дисциплины» заменяет новое — «специальные исторические дисциплины». Их число с каждым днем возрастает. С восьми [1, с. 208] дисциплин оно возросло до шестидесяти двух [2, с. 3–4]. При этом в последнем справочнике был упущен ряд дисциплин (папирология, фотодокументалистика, филигранология, филокартия, филателия и др.) [3, с. 768].

Следует согласиться с разделением специальных исторических дисциплин на две группы: изучающие отдельные типы (виды) источников (нумизматика, бонистика, фалеристика, филателия, сфрагистика и т.д.), и разрабатывающие специальные методы работы с источниками и изучающие отдельные черты и особенности, присущие источнику, независимо от его видовой принадлежности (палеография, хронология, маргиналистика и т.д.) [2, с. 9].

В данной работе нас будут интересовать дисциплины первой группы.

Определения каждой отдельной дисциплины в разных источниках отличаются, иногда вызывая путаницу.

По одному из определений нумизматика — историческая дисциплина, изучающая монетное производство, историю денежно-весовых систем и денежного обращения [1, с. 122]. По другому — изучающая монеты и монетные находки как источник исторических, экономических, политических и культурных знаний, а также историю денежного обращения и монетного производства [2, с. 390]. К вспомогательным нумизматическим источникам относят, среди прочего: медали, жетоны, печати, бумажные денежные знаки [2, с. 394]. С этим невозможно согласиться. Печати изучает сфрагистика, бумажные денежные знаки — бонистика. Что касается медалей (преимущественно, настольных) и медалевидных жетонов, то это самостоятельная часть нумизматики. Существуют попытки отделить медали и жетоны от нумизматики: понятие «медальерного искусства», как отдельной дисциплины, на территории бывшего СССР и понятие «экзонумии», которое придумал американский нумизмат *Russell Rulau* в июле 1960 г. в США и других странах. Еще одно определение нумизматики нам наиболее близко, так как оно учитывает изучение медальерного искусства: наука о монетах, изучает отдельные монеты и клады монет как отражение товарно-денежных

отношений, а также памятники медальерного искусства и технику монетного дела [4, с. 95–96]. Как полноценный раздел нумизматики появляется медальерное искусство, но наряду с ним далее говорится о бумажных деньгах и бонах (относятся к бонистике), орденах и медалях (относятся к фалеристике).

Бонистика изучает бумажные денежные знаки и другие ценные бумаги (чеки, талоны, купоны, облигации, акции, ордера, векселя и т.д.) ... как источник исследования истории функционирования и эволюции денежной системы, политико-экономические документы и культурные памятники прошлого [2, с. 104].

Фалеристика комплексно изучает историю основания и функционирования орденов, наградных медалей, нагрудных знаков отличия, значков и жетонов, исследует процессы возникновения и развития наградной системы, а также наградную документацию и статистику в контексте развития общества [2, с. 486]. С таким определением можно было бы согласиться, однако далее [2, с. 487] классифицируются группы наград, относящихся к сфере фалеристики. Здесь мы встречаем: государственные награды (основанные монархами, президентами и т.д.), Нобелевскую премию, отличия имени выдающихся ученых за заслуги перед человечеством, выдающиеся научные достижения и т.д. Позволим себе не согласиться с таким определением объектов фалеристики. Вспомним российскую традицию жалования монет и проистекающее от нее награждение Петром I отличившихся настольными медалями, жетонами [5, с. 9]. Медаль, вручаемая нобелевскому лауреату, также является настольной, как и многие награды имени выдающихся ученых. Все эти объекты относятся, по нашему мнению, к сфере медальерного искусства (разделу нумизматики), в отличие от всех объектов, которые носят на груди, шее (объекты, изучаемые фалеристикой).

Филателия — область коллекционирования и изучения знаков почтовой оплаты, к которым относят марки, этикетки, ярлыки, разнообразные провизории, почтовые штемпели (календарные и специальные гашения), штампы, а также конвертов, почтовых карточек и открыток с этими знаками — напечатанными (так называемых *цельных вещей*) или наклеенными (так называемых *целых вещей*), других видов филателистических матери-

Рис. 1. Половая система растений Линнея. Медаль Великобритании

алов. Областью изучения филателии самым непосредственным образом является история почтовой связи [6].

Однако, целью настоящей публикации не является формулирование точных определений некоторых специальных исторических дисциплин.

Речь идет о новой функции специальных исторических дисциплин, изучающих отдельные типы (виды) источников (нумизматика, бонистика, фалеристика, филателия и т.д.), точнее — объектов, изучаемых этими дисциплинами. Носителями этой функции около двух столетий являются настольные медали, памятные монеты с момента их появления, бумажные денежные знаки и филателистическая продукция (с повышением их информативности в последние десятилетия). Список не исчерпывается этими примерами, но остановимся на них. Эта функция, не сформулированная достаточно четко и однозначно специалистами до сих пор — быть **историческим вещественным источником** (если хотите — **пособием**) для изучения истории: отраслей науки (биология, медицина, физика, химия и т.д.), видов искусств (живопись, музыка, скульптура, архитектура и т.д.), географии, политики и т.д. Мы имеем в виду, что пользуясь информацией, которую содержат медали, монеты, банкноты, марки, почтовые блоки и другие вещественные источники, можно изучать историю, например, биологии.

В 1835 г. в Великобритании была выпущена настольная медаль (49 мм, олово), являющаяся уникальной иллюстрацией деятельности Карла Линнея (швед. *Carl Linne*, лат. *Carolus Linnaeus*, 1707–1778) — выдающегося шведского естествоиспытателя и врача, первого президента Шведской королевской академии наук, принадлежащего к тем выдающимся личностям в мировой истории, которым посвящены многочисленные памятники материальной культуры: медали, монеты, марки, банкноты и т.д. [7].

Медаль (рис. 1), о которой идет речь, демонстрирует половую систему растений из 24 классов, основанную на строении тычинок и пестиков.

Эта классификация впервые появилась в книге *Florula Lapponica* (Флора Лапландии) и содержится в одной из основных работ Линнея *Systema naturae* (Система природы) — книги большого формата на 12 листах, состоящей преимущественно из таблиц, показывающих в виде конспекта расположение отделов трех царств природы (минералов, растений и животных) — их классов, порядков и даже родов. В основу изображения медали положены иллюстрации немецкого или немецко-британского ботаника, мастера ботанической иллюстрации Георга Дионисия Эрета (нем. *Georg Dionysius Ehret*; 1708–1770), приложившего руку и к работе Линнея.

Одним из ярчайших примеров (и далеко не единственным) возможности изучения истории биологической науки (в частности, микробиологии) средствами бонистики является французская банкнота номиналом 5 франков 1966 г., рассказывающей об основных научных свершениях Луи Пастера (фр. *Louis Pasteur*; 1822–1895) — выдающегося французского микробиолога и химика (рис. 2).

На одной из сторон банкноты — портрет Пастера на фоне овала, в правой части которого — первое здание Института Пастера в Париже. Овал окружен своеобразным орнаментом, слева — виноградные гроздья с листьями, справа — листья шелковицы и шелковиные черви. Виноград заставляет нас вспомнить разработку Пастером средств и методов борьбы с болезнями вина (1857). Пастер доказал, что болезни вина вызываются различными микроорганизмами, причем каждая болезнь имеет особого возбудителя. Для уничтожения вредных «организованных ферментов» он предложил прогревать вино при температуре 50–60°C. Этот метод, получивший название пастеризации, нашел широкое применение в пищевой промышленности. Шелковиные черви напоминают о другой научной задаче, блестяще решенной Пастером (1865). Пытаясь разгадать причины эпидемии, поразившей шелковиных червей и угрожавшей подорвать шелководство юга Франции и Италии, Пастер уста-

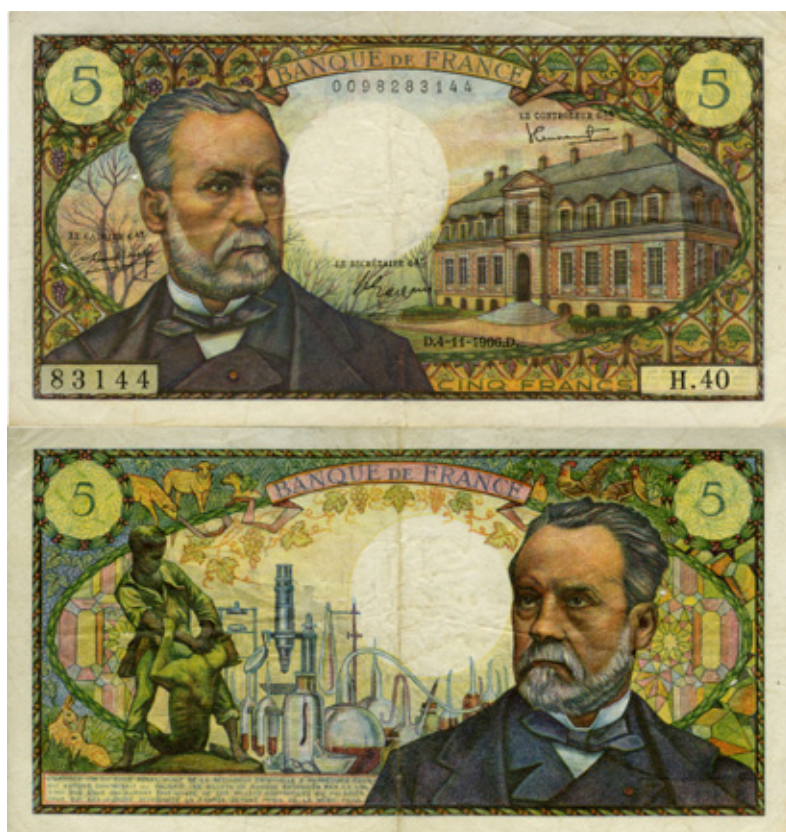

Рис. 2. Луи Пастер. Французская банкнота

Рис. 3. Микологи XVII–XIX вв. и описанные ими грибы. Почтовый блок Республики Якутия

новил две различные болезни, поражающие червей и раз-
работал эффективные способы борьбы с ними.

На второй стороне банкноты — портрет Пастера на
фоне овала, заполненного химическим оборудованием, в
левой части которого — фигура мальчика, борющегося

с бешеным псом. Изображение — символическое, во-
первых, олицетворяет борьбу человека против бешенства,
во-вторых, 6 июля 1885 г. 9-летнему Йозефу Майстеру
была сделана, по просьбе его матери, первая прививка
против бешенства. Мальчик поправился. Большая часть

пространства овала (и за его пределами) занята изображением кристаллов. Это дань работам Пастера в области химии в начале его карьеры. Изучение строения кристаллов и явления поляризации легли в основу стереохимии. Слева сверху, над овалом — овцы. Овцам и коровам Пастер ввел микробы сибирской язвы, причем половина животных была предварительно им вакцинирована. Массовый публичный опыт доказал эффективность вакцинации против сибирской язвы. Куры справа сверху над овалом также изображены не случайно. В 1880 г. Пастер выделил культуру возбудителя холеры кур, а случай позволил сделать одно из величайших открытий. Оставленная в термостате без пересева на новые среды культура потеряла способность убивать кур и Пастер предположил, что введение ослабленных культур микробов может создать невосприимчивость у животных к данному заболеванию. Были заложены основы представлений об искусственном иммунитете. И, наконец, кролики в левом нижнем углу. В основе создания Пастером антирабической вакцины (против бешенства) было употребление особым образом высушенного мозга зараженных бешенством кроликов [8].

Целый пласт истории микологии раскрывает почтовый блок (2009) «Микологи XVII–XIX вв. и описанные ими грибы» Республики Якутия (рис. 3).

Литература:

1. Вспомогательные исторические дисциплины. В.Б. Кобрин, Г.А. Леонтьева, П.А. Шорин. Под ред. В.Г. Тюкавкина / М.: Просвещение, 1984. — 208 с.
2. Спеціальні історичні дисципліни. Довідник: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Редкол.: В.А. Смолій (гол. ред.); І.Н. Войцехівська (кер. авт. кол.), В.В. Томазов, М.Ф. Дмитрієнко та ін. — К.: Либідь, 2008. — 520 с.
3. Інна Заболотна. Спеціальні історичні дисципліни. Довідник: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Редкол.: В.А. Смолій (гол. ред.); І.Н. Войцехівська (кер. авт. кол.), В.В. Томазов, М.Ф. Дмитрієнко та ін. — К.: Либідь, 2008. — 520 с. // Український археографічний щорічник. — 2009, Вип. 13/14. — С. 767–769.
4. Зварич В. Нумизматический словарь. — Львов: Вища школа, 1975. — 262 с.
5. Щукина Е.С. Два века русской медали. — М.: Терра, 2000. — 272 с.
6. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%8F>
7. Барштейн В.Ю. Карл Лінней, його внесок у біологічну науку в медальєрному мистецтві // Наукові зписки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: біологія. — № 3 (48), 2011. — С. 143–150.
8. Барштейн В.Ю. Памятники материальной культуры в системе биологического образования // Материалы III международной научно-практической конференции «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук». — Россия, Москва, 20–25 июня 2010 г. — С. 30–33.

Центральная часть блока состоит из двух рядов, в верхнем — портреты микологов, в нижнем — грибы. Слева направо: немецкий естествоиспытатель и путешественник Франц Вильгельм Юнгхун (нем. *Franz Wilhelm Junghuhn*; 1809–1864), «отец финской микологии», профессор ботаники в Агрономическом институте в Мустииала Петер Адольф Карстен (фин. *Petter Adolf Karsten*; 1834–1917), выдающийся французский ученый-естествоиспытатель Жан Батист Пьер Антуан де Моне Ламарк (фр. *Jean-Baptiste Pierre Antoine de Monet, Chevalier de Lamarck*; 1744–1829), французский ботаник, миколог, врач Жозеф-Анри Левейе (фр. *Joseph-Henri Lévêillé* или фр. *Joseph Henri Lévêillé*!; 1796–1870). В нижнем ряду — соответствующие грибы: *Geastrum triplex* Junghuhn, *Coprinus lagopides* Karsten, *Amanita virosa* (Lamarck) Bertillon, *Clavaria zollingeri* Lévêillé.

Приведенные примеры (их перечень можно продолжать до бесконечности) наглядно свидетельствуют, что объекты, изучаемые специальными историческими дисциплинами, обладают новой функцией — служить **историческим вещественным источником (или — пособием) для изучения истории отдельных наук, видов искусств и т.д.**

Проблема осмысления взаимоотношений полов культурной элитой серебряного века

Горбачева Галина Викторовна, кандидат культурологии,
заведующий кафедрой естественнонаучных и информационных дисциплин
Костромской филиал Международной академии бизнеса и новых технологий

Конец XIX века характеризуется повышенным интересом к «половым проблемам», как в России, так и за рубежом: из сугубо частного интимного явления проблема пола становится глобальным, макросоциальным «половым вопросом».

Если раньше проблемы пола обсуждались преимущественно в религиозно-нравственных и эстетических терминах, то теперь рядом с ними возникает множество других, отчетливо социальных контекстов: пол и способы регулирования рождаемости, пол и брак, пол и бедность, пол и воспитание детей и т.д. [5, с.51].

Особый интерес со стороны общества к «половым проблемам» был обусловлен рядом причин экономического, политического и культурного характера. Большую роль также оказали появившиеся в России переводные труды западных психологов и психиатров по проблемам пола (З. Фрейда, О. Вейнингера, М. Нордау, Р. Крафт-Эбинга, Г. Эллиса).

Таким образом, постепенно проблема пола выходила за рамки профессиональных интересов врачей, юристов, криминалистов и педагогов.

Поводом для обсуждения вопросов пола и сексуальности в широких слоях русской общественности послужило появление «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. В этой повести русский классик открыто осудил сексуальное влечение и половую близость как нечто гнусное, развратное и унижительное. «...Предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно» — обличал Толстой словами своего героя Позднышева [17, с. 151]. Писатель признает за этим фактом трагедию общественного масштаба, когда половые отношения рассматриваются лишь в качестве наслаждения.

Острота постановки проблемы вызвала высокий накал страстей вокруг «Крейцеровой сонаты» (в полемике приняли участие критики различных направлений от народников до церковнослужителей) и во многом послужила толчком к появлению разнообразной литературы по вопросам пола [8, с.764–815].

Осмысление половых вопросов стало одной из ведущих тем в философских исканиях многих мыслителей Серебряного века: Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, З.Н. Гиппиус, В.И. Иванова и др.

«Вопрос о поле» рассматривался в разных аспектах: сексуальность и любовное влечение, влияние пола на творческие способности личности, мужские и женские

половые различия, нравственные и религиозные грани становления человека.

В целом, в русской философии можно выделить два идейных направления в понимании пола — «пол как полярность» и «пол как половина».

Первое направление, подразумевает то, что два пола (мужской и женский) отражают два полюса бытия. Так как в мире всегда действуют два противоположных начала, то пол лишь отражает эту противоречивость. Значение этой метафоры раскрывает точка зрения Н.А. Бердяева: «Существенно для нашей эпохи властное чувство центральной проблемы пола и глубокая потребность осознания половой стихии. Пол как бы выявляется, из тайного становится явным. От пола зависит мироощущение человека. Пол — источник бытия; половая полярность — основа творения. Чувство бытия, его интенсивность и окраска имеют свой корень в поле» [1, с. 399].

Второе направление заключается в понимании пола как половины некоего ранее целого начала. В рамках этого подхода в основе половой любви лежит жажда обретения утерянной целостности.

Данное направление получило распространение благодаря творческим исканиям В.С. Соловьева: «Задача любви — отмечал мыслитель — состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность — Эта задача ... прямо дана нашей духовной природой ... Но чтобы наполниться абсолютным содержанием, сама человеческая форма должна быть восстановлена в своей целостности» [16, с. 25].

В.С. Соловьев в свою очередь обратился к анализу работ Платона. Именно Платон высказал мнение о том, что боги разделили некогда целостных людей (андрогинов — существ имеющих одновременно и мужскую и женскую природу) на две половины и «разбросали» их по свету. Поэтому мужчины и женщины как вечные странники ищут свои когда-то утерянные физические половины, чтобы воссоединиться с ними в чувстве радости, любви и гармонии [7, с. 100–101].

Векания «вольного Эроса» воплотились и в других культурных направлениях: русской эротической прозе (рассказы «В тумане и бездна» Л. Андреева; романы «Мелкий бес» Ф. Сологуба; «Санин» М. Арцыбашева; «Ключи счастья» А. Вербицкой; «Яма» А. Куприна; «Гнев Диониса» Е. Нагродской и др.), изобразительном искусстве (М. Врубель, В. Серов, З. Серебрякова, К. Сомов, М. Ларионов и др.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «Серебряный век» — это особенная эпоха, когда эротика стала ведущей темой практически всех культурных направлений.

По-своему воплотил в своих творческих исканиях идеи Серебряного века русский мыслитель В.В. Розанов, в отличие от современников он «открыл пол» в ином свете. Суть совершенного им идейного поворота Розанов отразил в «Уединенном»: ««многие начали смотреть в *корень*» ... «стал всем интересен *его* пол, *личный* свой пол»» [9, с.212].

Пол, по Розанову, есть «сама жизнь», так как «жизнь начинается там, где в существах возникают половые различия... Растения — и те не лишены пола, но его совершенно лишены — камни. Глубоко поэтому, и как бы выявляет мысль всей природы, наименование подруги первого человека «Евою», что значит одновременно и «женщина» то есть «жизнь», что в ее половых отличиях, и соответственно, конечно, в половых различиях ее друга, и лежит тончайший субъективный нерв жизни» [9, с.213].

Пол является связующим звеном между трансцендентным и реальным миром жизни. «Пол — это начинающаяся ночь в самой организации человека: в том смысле, что ясно: анатомическое сухо, анатомическое его расчленение теряет здесь ясность, сухость и вместе рациональность свою. Все, приближаясь сюда, становится трансцендентным, то есть не только окружено трансцендентными по необъяснимости своей бурями, «огнем поедающим», но и вообще как-то переливается в значительности своей за край только анатомических терминов. Это — второе темное лицо в человеке, и, собственно, оно есть ноуменальное в нем лицо: от этого — творческое не по отношению к идеям, но к самим вещам, «клубящее» из себя «жизнь»; но оно так густо застлано от наших глаз туманом, что, в общем, никогда его не удавалось рассмотреть. В нормальном случае, сейчас после невинности и даже еще невинные, юноша и девушка, тяготеют друг к другу бесспорно полом, тяготеют им не функционально, но лично: ясный знак, что пол — не функция, не орган» [9, с.213].

Таким образом, пол, в понимании Розанова — это принципиальное, стержневое бытие человека и всего живого, это сама тайна жизни, предельно-мистический «узел жизни», «податель жизни», «родник на земле жизни» [11, с.46].

Не подразумевая конкретно анатомическую или физиологическую стороны, пол в философских построениях писателя всегда нечто духовное и одновременно физическое, это — «мировой феномен; какой-то мировой, межзвездный и вместе микроскопический свет». Кроме

разума, уверен мыслитель, в человеке есть еще «второе духовное начало — его пол». В нем, пишет он, «необыкновенно запутаны нити романа и церкви, «мяса» и духа; где столько земного и так очевидно есть небесное» [10, с. 306].

Пол, по мысли писателя, в сущности своей «неисповедим», поэтому, все связанное с полом, рационально непознаваемо или познаваемо в малом объеме. Пол — странное физиолого-мистическое явление, в котором явно доминирует вторая составляющая. Розанов рассматривает пол как всеобъемлющее и всеобщее начало. Поскольку пол соединяет все живое в природе, писатель уверен, что «плоть всякая (по существу) есть пол» [12, с.265].

В своих работах Розанов осуждает противопоставление пола и души, являясь сторонником их отождествления. В книге «В мире неясного и нерешенного» (1901) он заявляет, что «центр души лежит в поле и даже что душа и пол идентичны». Но он не останавливается на этом выводе и поднимает пол на ступень выше.

В «Людах лунного света» (1911) душа уже «есть только функция пола, что пол есть ноумен души, как своего феномена. Точнее, пол — невидимый, бесцветный, неосязаемый — есть сотворяющий душу и тела с его формами».

В «Последних листьях» (1916) В.В. Розанов скажет, что пол выражает в себе не голую нужду самок и самцов друг в друге, но «предназначения», обусловленные космическими и метафизическими различиями — гармонию и соответствие судеб мира.

В метафизике Розанова пол воспринимается как «полость». Центр пола, указывает Розанов, не в коже и не в геометрии, центр пола — не в осязаемом. «Центр этот в пустоте между покровами, в полом месте... «Пол» есть «весь человек»: но центр пола и вместе биологическое сосредоточение человека — в том пространстве абсолютно не замеченном, которое собственно облекается и телом человека, как своим футляром ли, одеждою ли, храмом ли. Но что это за пустота и что в ней содержится, это хоть сколько-нибудь можно разгадать по «образу и подобию» ее, второй соответствующей голове. Об «Аврааме» можно угадать по «Аврааму» ... в поле ... зарождается, растет, до конца сформировывается человек, и, очевидно, сформировывается чем-то или кем-то, именно присутствующим в пустоте; причем организм матери собственно дает (в крови) лишь строительный материал. Кто же создает? кто — третий?» Ответ для В.В. Розанова однозначен: этот третий — Бог [13, с.293].

Своей трактовкой «полового вопроса» писатель обосновывает третье направление в понимании пола, возводя пол на уровень трансцендентной связи Бога и человека.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда», 1989. — 396 с.
2. Булгаков С.Н. Свет вечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. — 452 с.
3. Гиппиус З.Н. Дневники. В 2 кн. М., 1999.

4. Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Интелвак, 1994. — 461 с.
5. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. — 324 с.
6. Мережковский Д.С. Тайна трех. Прага, 1925. — 132 с.
7. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т.2. М., 1993. — 501 с.
8. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. М.: Ладомир, 2004. — 874 с.
9. Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. Т.2. М.: Изд-во «Правда». — 365 с.
10. Розанов В.В. Сочинения. Т.1. — 283 с.
11. Розанов В.В. Собр. соч. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999. — 396 с.
12. Розанов В.В. Собр. соч. В темных религиозных лучах. М., 1994. — 421 с.
13. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. — 301 с.
14. Розанов В.В. Последние листья. М., 1994. — 268 с.
15. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1990.
16. Соловьев В.С. Смысл любви. Киев.: «Лыбидь — Аски», 1991. — 290 с.
17. Толстой Л.Н. Крейцеров соната // Собр. соч.: В 22 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1982. — 351 с.

Толерантный характер архитектуры ярмарочных городов Западной Европы и России в средние века и новое время

Мельникова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается толерантный характер архитектуры ярмарочных городов, выразившийся в строительстве многофункциональных зданий, а также в их архитектурном стиле. Вершиной проявления толерантности в архитектуре стало строительство ярмарочного дома на территории Нижегородской ярмарки в конце XIX века.

Ключевые слова: толерантный характер архитектуры, ярмарочные города, купеческие строения, кирпичный стиль, эклектика, русский стиль.

Проблема сохранения культурного наследия современных городов в настоящее время приобретает особое значение. Это связано с активной градостроительной деятельностью местной власти, ведущей к изменению исторически сложившегося облика города. Следует отметить, что архитектурно-пространственный облик города формировался под влиянием множества факторов: географического, природного, социокультурного и др. Однако не менее, важную роль в формировании облика города сыграли специфика занятий его жителей, а также присущая им особая ментальность. Для жителей городов, в которых проводились международные ярмарки, было характерно такое качество как этническая и религиозная толерантность. Это связано с тем, что в период проведения ярмарочной торговли в ярмарочные города прибывало большое количество людей.

К примеру, с 1356 по 1464 годы в период расцвета ярмарки в Женеве население города выросло почти в пять раз.

К середине XVI века население ярмарочного города Антверпен превышало 100 тыс. жителей, а ко времени упадка ярмарки к 1589 году население сократилось до 42 тыс. жителей.

К концу XV века город Лион представлял собой крупный торговый и финансовый центр с населением 65 тыс. человек.

В XIV—XV вв. на международную ярмарку в Брюгге стекались купцы со всей Европы. Город стал общим рынком германских и фламандских народов. Здесь встречались немцы, англичане и скандинавы с нормандцами, итальянцами, португальцами, испанцами и жителями Лангедока [3, с. 211]. В этот период население города составило 105 тыс. жителей, из которых 15 тыс. были иностранцами. Кроме того, в Брюгге располагались резиденции двадцати иностранных государств.

В XIX веке на Нижегородской ярмарке торговали купцы со всей России, Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, частью из Западной Европы и Америки.

В конце 1850-х годов из 15 тыс. торговцев на Нижегородской ярмарке иностранцы составили 700 человек. Из них 485 прибыли из Европы, 215 — из Азии (120 персов, 70 бухарцев, 15 хивинцев и 10 ташкентцев). Среди остальных выделялись следующие группы: русские — 12500 человек (83,3 %), армяне — 1500 (10%) и татары — 300 (2%) [7].

Особенно значительным было участие мусульман, которых насчитывалось от 10 до 15 тыс., в основном татар [5].

В XIX веке на ярмарку в город Ирбит приезжало до 100 тыс. представителей различных национальностей: вогулы, армяне, татары, киргизы, бухарцы, калмыки, чуваша, вотяки, пермяки [4, с. 79]. Население города в этот период увеличивалось почти в 15 раз.

Мы полагаем, что этническая и религиозная толерантность, присущая жителям ярмарочных городов, отражалась на архитектуре города.

Исследователь Т.Я. Вавилова считает, что история архитектуры демонстрирует многочисленные примеры воплощения идей социальной толерантности. Тем не менее, толерантный подход как таковой свойственен лишь довольно поздним периодам истории архитектуры — начиная с эпохи Возрождения. Идеи гуманизма, характерные для данного периода, обусловили развитие социальной сферы и возникновение объектов социальной помощи. К XVII веку активно развивается строительство таких объектов как богадельни, вдовьи дома, госпитали, дома инвалидов, сиротские дома и др. [2, с. 18].

Мы полагаем, что проявление этнической и религиозной толерантности в архитектуре ярмарочных городов нашло отражение в строительстве многофункциональных объектов и культовых зданий.

Для ярмарочных городов характерно большое количество ярмарочных площадей и купеческих строений (гостиные дворы, торговые лавки), а также гостиниц, постоялых дворов, трактиров и других заведений, направленных на обслуживание посетителей ярмарки.

К примеру, в Провене был выстроен десятинный склад — здание, которое снимали тулузские купцы, приезжающие на ярмарку. В Антверпене на улице Мясника возвышалось здание скотобойни, на верхних этажах которого располагались помещения для проведения переговоров. В Брюгге знаменитое здание купца Ван дер Берса строилось как гостиница для купцов. В XII веке здесь стали собираться купцы, чтобы совершать торговые сделки и обсуждать свои дела. В Лионе на улице Сен-Жан расположен Адвокатский дом XVI века, который был в свое время постоянным двором.

В Лейпциге для многочисленных гостей, приезжающих на ярмарку был выстроен Королевский дом, который, в сущности, представлял собой гостиницу.

В силу того, что мусульманский элемент играл огромную роль в торговле на Нижегородской ярмарке, на ее территории была создана зона, пространственно объединяющая мусульман. В данной области были заложены традиции восточного торгового города. Рядом с ярмарочной мечетью располагалась Магометанская площадь, на которой торговали купцы из Средней Азии, Закавказья, Ирана, Турции и других мусульманских государств. Названия улиц в этом районе носили соответствующие названия: Азиатский переулок, Персидская улица, Оренбургская улица и др. [7].

В 1899 году на территории Нижегородской ярмарки функционировали гостиные дома, управляемые Тимерши Соловьевым, постояльцами которой были в основном му-

сульмане, главным образом татарские купцы. В этой гостинице можно было отдохнуть, послушать музыку, как русскую, так и татарскую, а также почитать мусульманские газеты [5].

В ярмарочных городах для приезжающих на ярмарку иностранцев строились культовые сооружения. На территории Нижегородской ярмарки, наряду со Спасским собором были выстроены армянская церковь и мусульманская мечеть. Во второй половине XIX века в Ирбите кроме православных сооружений функционировала еще и мечеть.

Строительство зданий, соответствующих этнической и религиозной толерантности, позволяло создавать комфортную социокультурную среду для приезжающих на ярмарку, в условиях которой осуществлялась торговля, оправлялись религиозные обряды и проводились национальные праздники.

Мы полагаем, что толерантный характер архитектуры ярмарочных городов нашел свое выражение в архитектурном стиле ярмарочных сооружений.

Расцвет ярмарки в таких городах как Провен, Труа, Брюгге, Антверпен, Лион и др. приходился на различные временные периоды. В связи с этим формирование архитектурного облика этих городов зависело от характерного для данного периода архитектурного стиля. Вместе с тем возведение сооружений в средние века происходило медленными темпами, что обусловило смешение различных стилей выстроенных зданий. К примеру, архитектура города Брюгге явилась результатом смешения романского, готического стилей, а также стиля раннего ренессанса.

Однако именно открытость ярмарочных городов для большого количества приезжающих позволяла осваивать различные направления и стили в архитектуре. Вместе с тем не следует абсолютизировать данное утверждение, так как на облик города оказывали влияние и другие факторы. В том же Брюгге было построено множество зданий из кирпича, вследствие отсутствия иного материала. Кроме того на градостроительную политику влияло местное купечество и его эстетические вкусы. А торговый класс, как известно, в любом деле исходил из принципа коммерческой выгоды. В связи с этим здание должно было, в первую очередь, быть добротным и удобным.

Этому принципу в полной мере соответствует архитектурный облик ярмарочного города Ирбита, для архитектуры которого характерен кирпичный стиль, как наиболее удобный, вследствие дешевизны данного материала.

Мы полагаем, что наивысшего развития этническая и религиозная толерантность достигла в архитектурном облике ярмарочного комплекса в Нижнем Новгороде. Это связано с тем, что международная ярмарка в Нижнем Новгороде возникла в результате переноса Макарьевской ярмарки в его окрестности в начале XIX века. Поэтому строительство ярмарочного комплекса в городе изначально велось для организации международной ярмарки, с большим размахом и при участии власти. Главной от-

личительной чертой архитектуры ярмарочных строений в Нижнем Новгороде стал эклектизм, как проявление толерантности в архитектуре. К примеру, на территории ярмарочного комплекса Нижнего Новгорода были выстроены китайские ряды для торговли чаем. Несмотря на то, что основой архитектурного стиля данных сооружений был классицизм, выстроены они были в духе китайской архитектуры.

Присутствующие в первоначальном архитектурном варианте Староярмарочного собора элементы в стиле французского Возрождения во второй половине XIX века были заменены на древнерусские: арки с гирьками-висягами, ширинки с фигурными вставками «штучного набора», ряды кокошников кровли [6].

До сих пор много споров вызывает специфика архитектуры Нижегородской ярмарочной мечети. Одни ученые считают, что мечеть была выстроена в духе иерусалимской мечети Куббаи ас Сахра, другие — сравнивают мечеть с памятником русским воинам, павшим при взятии Казани (он же — храм Спаса Нерукотворного).

И наконец, образцом толерантного подхода в архитектуре является главный ярмарочный дом Нижегородской ярмарки. Изначально ярмарочный дом был выстроен в классическом стиле. В 1890 году он был перестроен в русском стиле. Однако в архитектуре ярмарочного дома присутствуют элементы, не характерные для русского стиля. Все помещения здания выполнены в стиле французского Возрождения. Влияние этого стиля обнаруживается также в арочном витраже центрального объема и больших окнах с частыми переплетами на третьем этаже, освещающих зал пассажа [1, с. 153].

Таким образом, несмотря на разнообразие архитектуры ярмарочных городов, для нее характерно проявление такого качества как толерантность. Это связано с открытостью ярмарочных центров для широкой торговли. Толерантный характер архитектуры выразился в строительстве многофункциональных зданий и культовых сооружений. Вместе с тем выражением толерантности стало смешение различных архитектурных стилей в облике ярмарочного города.

Литература:

1. Бубнов Ю.Н. Архитектура Н. Новгорода сер. XIX — нач. XX века. Н. Новгород, 1990. 176 с.
2. Вавилова Т.Я. Актуальность применения категории «толерантность» в архитектурно типологии объектов социальной сферы // Социология города. 2010. № 3. С. 16–22.
3. Пиррен А. Средневековые города Бельгии. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 512 с.
4. Черепанов С. Ирбитская ярмарка (из путевых заметок) // Ирбит и Ирбитский край. Очерки истории и культуры. Екатеринбург: «ИД «Сократ», 2006. 256 с.
5. Таиров Н.И. Нижегородская ярмарка и татары // URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/1/sect1_zagidul.htm (дата обращения: 18.04.2012).
6. Нижегородская ярмарка // Энциклопедия Нижнего Новгорода URL: <http://www.nnov.org/> (дата обращения 28.03.2012).
7. Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарка как центр экономической и общественной жизни татарских предпринимателей // Официальный сайт духовного управления мусульман Нижегородской области URL: <http://www.islamnn.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2017> (дата обращения: 14.05.2012).

К вопросу о хронологии сводных статистических данных, опубликованных в 23-ем номере «Периодического сочинения о успехах народного просвещения». Предварительные итоги исследования

Феребов Александр Николаевич, аспирант
Московский государственный областной университет

Одной из главных проблем изучения образовательной системы России начала XIX в. до сих пор остается скудость статистических сведений. Поэтому особое значение приобретает достоверность тех немногих известий, которые доступны исследователям. В том числе, это касается учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения. Так, одним из основных источников статистических сведений о заведениях, подведом-

ственных Министерству народного просвещения, стала сводная ведомость, опубликованная в середине 1809 г. в 23-м номере «Периодического сочинения о успехах народного просвещения» [15, с. 264–335]. Полностью ее название выглядит так: «Ведомость, составленная по последним донесениям, вступившим в Департамент Министерства народного просвещения о числе учебных заведений, в ведении сего Министерства состоящих, о числе в

них учащихся и учащихся и о числе учеников, по окончании учения из училищ выбывших в течении года» (далее: «Ведомость»).

«Ведомость» представляет собой таблицу с девятью столбцами. Таблица построена в соответствии с нормами реформы системы народного просвещения, утвержденными в 1802–1804 гг. Так, в 1803 г. вся территория России была разделена на шесть учебных округов: С.-Петербургский, Московский, Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский. Поэтому в первом столбце «Ведомости», получившем заголовок «в каких местах училища состоят», наиболее общим принципом группировки заведений стала их принадлежность к определенному учебному округу. Ко времени составления «Ведомости» еще не все училища, существовавшие до 1802 г., были преобразованы по новым правилам. Те заведения, которые уже были преобразованы, поименованы в соответствии с предусмотренной реформой народного просвещения номенклатурой названий учебных заведений: университеты, училища высших наук, гимназии, уездные училища, приходские училища. Те заведения, которые еще не были преобразованы по новым правилам, или были открыты после 1802 г. по ранее действовавшим планам, разработанным при Екатерине II, были поименованы «по-старому»: главные народные училища, малые народные училища. По неустановленной причине, исключения составляют только упомянутые в рамках Дерптского учебного округа народные, которые уже были преобразованы по новым правилам [15, с. 299–300]. Также в таблице упомянуты особые учебные заведения, как-то: благородные пансионы, дворянские училища и частные пансионы, — наименование которых не зависело от того, были ли они преобразованы ко времени составления «Ведомости» или нет.

Внутри учебных округов училища разделены по губерниям. В рамках губерний сначала указан губернский центр с находившимися в нем училищами, а затем остальные города с их училищами. Заведения, занимавшие в новой образовательной системе России ступень от уездного училища и выше, а также главные народные училища представлены особо, и информация следующих столбцов относится к каждому заведению по отдельности. Малые народные училища, приходские училища и частные пансионы в одних случаях представлены по отдельности, в других — объединены в рамках города или губернии. Соответственно, второй столбец сообщал «число учебных заведений», о которых далее следует информация.

В третьем и четвертом столбцах было указано «время основания» училища (иногда, приблизительно) и «время преобразования по новому плану», то есть в соответствии с реформой 1802–1804 гг. Пятый столбец сообщал «число учащихся». Далее следовали три столбца с общим заголовком «число учащихся»: «мужеска», «женска», «всего». Последний столбец сообщал «число выбывших учеников».

Значение «Ведомости» в историографии российского образования трудно переоценить. По общепризнанному

мнению, все представленные в ней данные относятся к 1 января 1809 г. При отсутствии иных комплексных сведений, «Ведомость» до сих пор остается единственным источником, который позволяет проанализировать результаты первых лет по осуществлению широкомаштабной образовательной реформы, предпринятой Александром I на общероссийском и региональном уровнях, а также в отношении отдельных типов учебных заведений [1, с. 47; 7, с. 75–82; 8, с. 454; 11, с. 189; 12, с. 144–148; 18, с. 5; 19, с. 71; 22, с. 68–69].

В то же время, обзор историографии показал, что источниковедческий анализ приведенной в «Ведомости» информации ограничен лишь несколькими замечаниями общего характера, сделанными еще в XIX в. Е. Шмидом. По словам исследователя, представленные в ней цифры «можно считать приблизительно верными», что связано с внутренними недостатками отчетной документации самих заведений училищного ведомства. К примеру, в губернских городах уездные училища обычно располагались в одном здании с гимназией, и «некоторые случаи указывают, что по официальным отчетам число учеников уездного училища... показано нераздельно с числом учеников гимназии». Также бывали случаи искусственного завышения общего числа учащихся путем приписок: «так как начальство слишком категорически заявило свое сочувствие к прогрессу, то подчиненные, желая угодить ему, округляли числа» [22, с. 69]. Чуть позже И. Алешинцевым была предпринята попытка выявления более точных сведений о численности учащихся гимназий Московского учебного округа «по первоисточнику» и сравнению полученных результатов с показаниями «Ведомости» [1, с. 47–48]. Таким «первоисточником» стало хранившееся в министерском архиве «Систематическое извлечение из Визитаторских донесений на 1808 г.». Визитации это ревизии или осмотры университетскими профессорами состояния учебных заведений своего округа. Сверка полученных данных с «Ведомостью» показала, с одной стороны, незначительных, редко более чем на 10 человек, расхождений между двумя источниками в цифрах по каждой гимназии в отдельности, и, с другой стороны, совпадение общей численности гимназистов по округу. Совпадение общих цифр стало дополнительным доказательством наличия в «Ведомости» частных погрешностей [1, с. 48; 15, с. 264–279]. Следует отметить, что к предположенным и установленным погрешностям «Ведомости» Е. Шмидом была добавлена еще одна статистическая неточность. Начиная с его труда, в последующие работы переходило сообщение, что, согласно «Ведомости», в Московском учебном округе состояло 44 уездных училища. На самом деле, как совсем недавно уточнил Д.А. Захаров, в «Ведомости» было упомянуто о 46 уездных училищах Московского округа [7, с. 78].

Сомнений по поводу датировки сведений, представленных в «Ведомости», исследователями до сих пор высказано не было. Хотя в литературе не приведено обоснования принятой датировки рубежом 1808–1809 гг.,

очевидно, что выбор последней связан с помещением «Ведомости» в раздел 23-го номера «Периодического сочинения...» под заглавием «Разные известия по части Министерства народного просвещения 1808 года». Здесь были перечислены новости по части просвещения за сентябрь–декабрь 1808 г. Таблица «Ведомости» следует за последней текстовой новостью за декабрь 1808 г. и заканчивает номер журнала. Доверие исследователей к такому принципу датировки способствовало положению журнала в качестве официального повременного издания Министерства народного просвещения.

Однако анализ накопленных к настоящему времени в историографии данных, противоречащих показаниям «Ведомости», содержания самой «Ведомости» и исторических условий ее возникновения не позволяет безоговорочно принять жесткую датировку помещенных в нее сведений рубежом 1808–1809 гг. Даже предпринятое И. Алешинцевым уточнение некоторых данных «Ведомости» по архивному источнику опиралась на априорное мнение исследователя о принадлежности проверяемых сведений к концу 1808 г. Во-всяком случае, автор не сообщил об обращении к визитаторским донесениям за другие годы. Разные свидетельства указывают на то, что представленные в «Ведомости» данные хронологически неоднородны и сообщают статистическую информацию за более широкий хронологический период, чем принято считать. Вероятнее всего, приведенная в «Ведомости» статистика относится к концу 1807 — первой половине 1809 г., с преобладанием информации по состоянию на 1 января 1808 г. Следует отметить, что местоположение архива редакции «Периодического сочинения...» до сих пор не известно, и принято считать, что он не сохранился [10, с. 14]. Поэтому на данном этапе было важно проанализировать имеющийся опубликованный материал. Обоснованию выдвинутой гипотезы о датировке статистических данных, помещенных в «Ведомость», с привлечением опубликованного источникового материала и посвящена предлагаемая работа.

Прежде всего, следует упомянуть о накопленном к настоящему времени комплексе данных, который противоречит показаниям «Ведомости». Так сложилось, что из приведенных в «Ведомости» сведений в течение второй половины XIX — начала XXI в. наиболее детальной разработке была подвергнута статистика университетских студентов. Из пяти университетов, открытых в России к 1809 г., в отношении четырех исследователями была установлена численность студентов по состоянию на рубеж 1808–1809 гг. по архивным документам. Ни в одном из этих случаев выявленная исследователями цифра не совпала с показаниями «Ведомости». Так, согласно «Ведомости», в Дерптском университете состояло 193 студента, в Московском — 135, Харьковском — 82 и в Казанском — 40 студентов [15, с. 264–317]. По данным историографии, к 1 января 1809 г. в Дерптском университете на самом деле училось 200 студентов, в Московском — 228, в Харьковском — 61 и в Казанском — 33 студента [2, с. 287; 3,

с. 794; 5, с. 450; 9, с. 75]. В отношении Виленского университета «Ведомость» сообщает о 525 студентах. Новых сведений по Виленскому университету, почерпнутых из независимых архивных источников, в историографии не обнаружено, но, безусловно, в нем на самом деле училось больше студентов, чем любом другом Российском университете, поскольку с самого начала Александровской реформы и до 1812 г. он всегда опережал другие университеты по данному показателю [23, р. 60]. По неизвестной причине, на столь разительные расхождения, какие видны на примерах Москвы и Харькова, исследователи до сих пор не обращали внимания. В частности, еще в 2002 г. при сравнении университетов по наполненности учащимися к концу 1808 г. Ф.А. Петров использовал только данные «Ведомости» [18, с. 5].

Следует отметить, что из рассмотренных случаев, только в отношении Дерптского университета по независимому источнику численность студентов была установлена только на начало 1809 г. В остальных трех случаях исследователи определили точную статистику студенческого состава за период времени от открытия того или иного университета по правилам Александровской реформы народного просвещения до 1809 г. Причем среди данных Московского и Казанского университетов есть цифры полностью совпадающие с показаниями «Ведомости». Так, 135 студентов училось в Московском университете по состоянию на 1 января 1806 г. и 1 января 1808 г., а 40 студентов в Казанском университете учились по состоянию на 1 января 1808 г. [2, с. 287; 5, с. 450]. Поэтому особую остроту принимает проблема источниковой базы составления «Ведомости», с одной стороны, и новых данных, установленных в историографии, с другой стороны.

Проще всего ответить на вопрос об источниках, использованных исследователями. Добытые авторами сведения были извлечены из различных видов делопроизводственной документации, отложившихся в архивах учреждений разного уровня. Данные по Московскому университету получены А.Ю. Андреевым из поступивших в министерство ежегодных отчетов о состоянии университета и его учебного округа. Сходным источником воспользовался Н. Булич при восстановлении статистики учащихся Казанского университета. Только им были привлечены первичные экземпляры подобных отчетов, хранившиеся в университетском архиве, а не отправленные в министерство и оставшиеся в С.-Петербургском архиве. Д.И. Багaley использовал комплекс статистической документации Харьковского университета, не связанной напрямую с процессом составления отчетов перед вышестоящим начальством.

Из-за отсутствия архива редакции «Периодического сочинения...», источниковую базу «Ведомости» можно определить лишь приблизительно. Сам журнал был учрежден в качестве официального ведомственного периодического издания Министерства народного просвещения в 1803 г. и продолжал выходить вплоть до 1819 г. Период

личность издания журнала не была строгой, и в одни годы мог выйти один номер, в другие — до семи номеров. В историографии нет единого мнения о том, кто был редактором «Периодического сочинения...». Дореволюционные авторы указывали на академика Н.Я. Озерецковского [19, с. 45; 21, с. 28]. По мнению Ф.А. Петрова, бессменным редактором был академик Н.И. Фусс [17, с. 206]. Как бы то ни было, оба предполагаемых редактора одновременно являлись членами главного руководящего органа министерства, Главного правления училищ, и имели доступ к различным материалам министерства. Структура журнала не была постоянной и от номера к номеру менялась. Однако в каждом номере обязательно присутствовали разделы, сообщавшие о высочайших повелениях по Министерству просвещения, о распоряжениях министра и о «разных известиях» в деле развития учебной системы. Как было сказано, в последнем разделе и была помещена «Ведомость».

Приступая к поиску источниковой базы «Ведомости», нельзя не отметить, что она занимает особое место среди материалов, опубликованных в разделе «разных известий» в течение 1803—1809 гг. До 23-го номера журнала представленная среди «разных известий» статистическая информация касалась преимущественно отдельных учебных заведений, в основном, по случаю завершения очередного академического года. Постоянным материалом для публикаций в «Периодическом сочинении...» являлись также донесения попечителей о проведенных ими личных обзорах учебных округов. Согласно законодательству 1802—1804 гг., такие обзоры должны были происходить не реже, чем один раз в два года. В остальное время попечители должны были находиться вне границ своего округа, обычно в С.-Петербурге, поскольку они одновременно являлись членами Главного правления училищ [20, с. 16—17]. На страницы ведомственного журнала попадали донесения не всех попечителей. Обычно это были сообщения дерптского попечителя, который посещал свой округ дважды в год. Правда, помещенные в журнале материалы касались только проведенного им осмотра Дерптского университета. На данном этапе изучения проблемы нельзя сказать, представлял ли оригинальный экземпляр его донесения более обширную информацию. Также до 1809 г. на страницах журнала представлена информация об одном осмотре Виленского учебного округа, затронувшего часть состоявших в округе губерний. Капитальных систематизированных данных о развитии учебной сети в России до публикации «Ведомости» в «Периодическом сочинении...» не опубликовано.

Из-за отсутствия необходимых сведений, сейчас нельзя точно сказать, кто был автором «Ведомости», и какую роль в ее составлении сыграла редакция журнала. Однако уникальность в ряду материалов «Периодического сочинения...», безусловно, предполагала привлечение особых источников для составления «Ведомости». Так, обширность и систематизированность представленных в ней сведений свидетельствуют о том, что вряд ли состави-

тели «Ведомости» использовали данные донесений о каждом отдельно взятом заведении по какому-либо случаю. Скорее всего, это были документы сводного характера. Согласно законодательству 1802—1804 гг. министерство должно было получать три вида таких документов. Это уже упомянутые донесения попечителей о проведенных ими личных обзорах своих учебных округов; привлеченные И. Алешинцевым «Систематические извлечения из визитаторских донесений» за календарный год; ежегодные отчеты попечителей о состоянии учебных округов, составленные на основе готовых отчетов губернских дирекций училищ и университетов.

Неоднократное использование редакцией «Периодического сочинения...» материалов донесений попечителей об итогах личных обзоров округов позволяет предварительно отнести их к вероятным источникам «Ведомости». Однако, как было сказано, не известно, насколько полную информацию о состоянии учебных округов содержали такие документы. К тому же, достоверно известно, что попечитель Казанского округа до публикации «Ведомости» посетил подчиненный ему университет только один раз в 1805 г. [6, с. 51]. Вряд ли материалы этого обзора могли войти в «Ведомость». Поэтому, если составители «Ведомости» и обращались к документам подобного рода, то, скорее всего, только для справок по отдельным вопросам.

Более изучено содержание ежегодных отчетов попечителей о состоянии учебных округов. Как показано Л.А. Булгаковой, они включали подготавливаемые по итогам каждого календарного года отчеты глав дирекций училищ каждой губернии, входившей в состав учебного округа. Первоначально эти отчеты поступали в Училищный комитет университета. Затем их рассматривали в Совете университета, откуда пересылали к попечителю. Одновременно с отчетами губернских дирекций из Совета к попечителю поступал подготовленный профессорской корпорацией по итогам календарного года особый отчет о состоянии университета. Дополненные замечаниями попечителя они составляли общий ежегодный отчет попечителя о состоянии учебного округа, поступающий в основной исполнительный орган министерства — Департамент народного просвещения. На основе полученных таким образом ото всех округов сведений министерство было обязано составлять общий ежегодный отчет о состоянии училищной части в стране и представлять его императору в рамках всеподданнейших докладов министра [4].

Как видно, ежегодные отчеты о состоянии университетов и училищ их округов представляли собой более полные и систематизированные документы в сравнении с донесениями попечителей об итогах личных обзоров округов. Кроме того, ежегодно проводимая компиляция показаний отчетов по округам в единый отчет по министерству просвещения облегчала задачу составителям «Ведомости». Не имея данных об авторстве «Ведомости», следует отметить, что публикация в «Периодическом сочинении...» теоретически могла представлять собой лишь краткую выдержку из министерского отчета. По мнению,

Е. Шмида и И. Алешинцева, не приведших, правда, никаких аргументов, первоисточником указанных в «Ведомости» данных по средним и низшим училищам были отчеты губернских дирекций, то есть, составная часть ежегодных отчетов о состоянии округов [1, с. 48; 22, 69]. На то, что при составлении «Ведомости» были использованы именно ежегодные отчеты шести учебных округов, указывает ссылка в полном ее заглавии на донесения, вступившие в «Департамент Министерства народного просвещения». Приведенные соображения важны при оценке возможности использования составителями «Ведомости» следующего вида отчетной документации.

«Систематическое извлечение из визитаторских донесений» должно было сообщать о состоянии училищ каждого учебного округа. Каждый такой документ в соответствии с названием, представлял собой краткое «извлечение» из оригинальных отчетов визитаторов о состоянии осмотренных ими училищ, подготовленное Советом университета для отправления в министерство по итогам календарного года. Однако все «Систематические извлечения...» поступали не в Департамент народного просвещения, а в Главное правление училищ [3, с. 1187]. Как показывает сделанная И. Алешинцевым ссылка, соответствующий документ по Московскому учебному округу автор также взял из архива Главного правления училищ. Учитывая членство редактора журнала в Главном правлении училищ, последнее обстоятельство не исключает возможности привлечения материалов «Систематических извлечений...» для составления «Ведомости».

Однако по известным данным можно утверждать, что донесения, входившие в отдельно взятое «Систематическое извлечение...», не обязательно содержали полную статистическую информацию об училищах округа, отображенную затем в «Ведомости», а те сведения, которые были в них представлены, не обладали хронологической однородностью. Так, например, визитаторы Дерптского округа не должны были осматривать частные училища. Эта задача была поручена дирекциям училищ, из сообщений которых университет и «получает о всем должное донесение» [20, с. 232]. Кроме того, дерптские визитаторы должны были осматривать училища своего округа дважды в год во время роздыхов, то есть в январе и июле каждого года, «таким образом, чтобы каждый раз осмотры были две Губернии» [20, с. 159, 232]. Всего в Дерптском округе состояло четыре губернии. То есть, по состоянию на один и тот же срок визитаторские отчеты Дерптского университета сообщали в министерство информацию лишь по половине губерний своего округа.

Перед визитаторами других учебных округов формально были поставлены более крупные задачи. Профессоры соответствующих университетов должны были ежегодно осматривать все училища своих округов, включая частные пансионы. Но и здесь на практике складывалась та ситуация, которая была законодательно предусмотрена для Дерптского округа. Согласно подсчетам Д.И. Багалея, в Харьковском учебном округе за 1805–1813 гг. «...было

32 визитации... В общем визитации захватили всю территорию Харьковского учебного округа, но на долю каждой отдельной губернии выпадало немного их...» [3, с. 1184]. В течение 1805–1807 гг. из одиннадцати губерний округа визитаторы посещали не более семи в год. О визитациях за 1808 г. полных сведений автором обнаружено не было, а в последующие годы профессора осматривали не более четырех губерний, ограничиваясь, преимущественно, посещением губернских центров. Обезымы происходили не только во время «роздыхов», которые в Харьковском университете продолжались с 30 июня по 17 августа и с 24 декабря по 8 января, а в учебных заведениях округа — с 1 июля по 1 августа каждого года. Профессоры посещали училища и в мае, и в сентябре-октябре, и во второй половине января [3, с. 1182–1183; 20, с. 306, 334]. Еще более редкими были визитации в Казанском учебном округе, состоявшем из тринадцати губерний. Первый осмотр училищ произошел только в 1807 г., второй — в 1809 г. Причем тогда были посещены не более двух губерний за раз [5, с. 558–565].

Как видно, помимо Дерптского округа, визитаторские отчеты по другим учебным округам тоже не отличались систематичностью и хронологической одновременностью сообщаемых сведений. Кроме того, «Систематические извлечения...» уступали ежегодным отчетам по учебным округам в том, что в них не могли быть приведены сведения об университетах. При таких качествах «Систематические извлечения из визитаторских донесений» вряд ли могли стать основой для составления «Ведомости». Видимо, не случайно, что выдержки из «Систематических извлечений...» или отдельных визитаторских отчетов до 1809 г. отсутствовали на страницах «Периодического сочинения...». С рациональной точки зрения, привлечение «Систематических извлечений...» при составлении «Ведомости» было целесообразно только в рамках справочного материала.

Таким образом, исходя из качественных особенностей различных видов отчетной документации училищного ведомства и некоторых косвенных признаков, можно заключить, что наиболее вероятной основой для составления «Ведомости» стали ежегодные отчеты попечителей о состоянии университетов и их учебных округов. Сделанное заключение ведет к двум важным следствиям. Во-первых, следует подчеркнуть принципиальную недопустимость прямолинейного сопоставления «Ведомости» с «Систематическими извлечениями...» с целью выяснения более точных статистических показателей на определенный момент времени, как это было сделано И. Алешинцевым. Опираясь на доводы Е. Шмида о вероятности низкого качества отчетной документации губернских дирекций училищ, исследователь неоправданно решил, что визитаторские отчеты будут более точны и что доказательством этому служили обнаруженные расхождения. На самом деле, часть или все цифры, сообщенные визитаторами, из-за особенностей их фиксации, безусловно, должны были противоречить показаниям «Ведомости».

Ведь часть или все донесения визитаторов на несколько месяцев предшествовали составлению ежегодных отчетов дирекций училищ. Совпадение общей численности гимназистов, выявленное И. Алешинцевым по двум источникам, является случайным, а расхождения по каждой гимназии в отдельности — закономерными. Тем самым, результаты сопоставления не могут ни подтвердить, ни опровергнуть точность и датировку представленной в «Ведомости» информации.

Вторым следствием вывода об источниковой базе «Ведомости» является обоснование допустимости прямого соотнесения содержащихся в ней данных с хронологически более ранними, нежели рубеж 1808/1809 гг., показаниями о численности студентов Московского и Казанского университетов, выявленными исследователями из архивных документов. Причем здесь очень важен факт не зависящего от сопоставления конкретных данных пути определения наиболее вероятного источника «Ведомости», полученного только благодаря анализу особенностей делопроизводственной документации.

Но, может быть, совпадения данных «Ведомости» с установленными в историографии данными по отдельным университетам за 1806—1807 гг. столь же случайны, как совпадение с общей численностью гимназистов по использованному И. Алешинцевым «Систематическому извлечению...»? А если они не случайны, то какое из двух совпадений, замеченных по Московскому университету, следует выбрать. Ответу сразу на оба вопроса помогает следующее обстоятельство.

При основании Московского университета в 1755 г. большую проблему составляло отсутствие каких-либо учебных заведений, способных подготовить мальчиков к слушанию профессорских лекций. Поэтому одновременно с университетом и под его непосредственным руководством были открыты две гимназии, разделенные по сословному признаку. Постепенно гимназии были объединены в одно заведение. Кроме того, в 1779 г. при университете был открыт особый Благородный пансион. Уставом Московского университета, принятым 5 ноября 1804 г., данные заведения было разрешено сохранить и оставить в непосредственном ведении университета. Они продолжили действовать параллельно с открытой, согласно Александровской реформе образования, в Москве губернской гимназией.

В соответствии с линией подчинения, ежегодные сведения о состоянии университетской гимназии и Благородного пансиона являлись неотъемлемой частью собственно университетских ежегодных отчетов, через попечителя поступавших в Департамент народного просвещения. Согласно «Ведомости», в университетской гимназии состояло 205 учеников, а в Благородном пансионе — 219 воспитанников. Ровно те же самые цифры приведены А.Ю. Андреевым по отчету университета за 1807 г. [2, с. 287; 15, с. 264—265]. Значит, поскольку университетские отчеты являлись лишь частью ежегодных отчетов попечителя о состоянии конкретного

округа, то можно основательно полагать, что внесенные в «Ведомость» статистические данные в отношении учебных заведений Московского учебного округа были приведены, главным образом, не на 1 января 1809 г., как принято было считать, а на 1 января 1808 г. По аналогии, то же можно сказать и о данных, указанных в «Ведомости» применительно к заведениям Казанского учебного округа.

Насколько правомерно проецировать полученный вывод на остальные округа, трудно сказать. Следует подчеркнуть, что даже в отношении Московского и Казанского учебных округов сделанное заключение нельзя абсолютизировать. Дело в том, что в столбце «Ведомости», сообщавшем о времени преобразования училищ по утвержденным в 1802—1804 гг. правилам, нередко указан «1808» г. В частности, такая дата преобразования указана в отношении трех уездных училищ Московского округа: Вяземского, Скопинского и Боровского. Подобная информация не могла присутствовать в отчете за 1807 г. Составители «Ведомости» взяли ее из другого источника, используя, возможно, и необходимые статистические данные, если они находились в этом источнике.

Приведенные рассуждения ставят вопрос о причинах одновременности привлеченных для составления «Ведомости» источников и их отдаленности от времени ее публикации. При поиске ответа на поставленный вопрос следует снова вспомнить об уникальности «Ведомости» среди материалов, опубликованных в разделе «разных известий» «Периодического сочинения...» до 1809 г., хотя все необходимые источники для составления подобного документа существовали прежде. В этом обстоятельстве следует усматривать особую значимость ее презентации перед обществом именно в тот момент, когда это произошло. Следует отметить, что, хотя никто не сказал об этом прямо, обычно исследователи использовали показания «Ведомости» в качестве иллюстрации состояния учебного дела в России перед утверждением 6 августа 1809 г. так называемого указа об экзаменах на чин. Согласно указу, с августа 1809 г. ни один чиновник не имел права на повышение в чины VIII и V классов по «Табели о рангах» без предъявления аттестата об окончании университетского образования или о сдаче специального экзамена по соответствующей университетскому курсу программе. Общеизвестно, что принятие указа об экзаменах на чин было обусловлено недовольством правительства темпами распространения знаний среди населения, а также в связи с сделанным еще в 1803 г. обещанием ввести образовательный ценз для вступления в службу. Об этом было объявлено в тексте самого закона: «В Правилах Народного Просвещения, в 24 день Генваря 1803 года изданных, постановлено было: «Чтоб ни в какой Губернии, спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании общих правил училищной части, не определять к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей не

окончивших учения в общественном или частном училище»... Предполагаемо было, что все свободные состояния... с поревнованием воспользуются открытием Университетов, Гимназий и Училищ в округах, Губерниях и уездах... Но из ежегодных отчетов Министерства Просвещения и из сведений, к Нам доходящих, с сожалением Мы видим, что предположения сии доселе не восприяли еще своего действия. Исключая Университеты Дерптский и Виленский, все прочие учебные заведения, в течение сего времени открытия, по малому числу учащихся, не соразмерны способам их учреждения» [20, с. 582–583]. Рассматриваемый номер «Периодического сочинения...» был издан в середине 1809 г., то есть незадолго до принятия указа об экзаменах на чин и, таким образом, как бы обосновывал столь резкую меру принуждения общества к приобретению высшего образования.

Между тем, следует отметить, что проект упомянутого указа, включавший большинство утвержденных затем положений, был представлен М.М. Сперанским императору еще 11 декабря 1808 г. Именно здесь М.М. Сперанский обратил внимание царя на то, что положенный 23 января 1803 г. срок истекает, «но каким образом привести меру сию в действие, когда во всех университетах и гимназиях количество учащихся столь малочисленно?». Здесь же он вводит образовательный ценз для правильного чиновпроизводства в средние и высшие ранги, а не для вступления в службу вообще [13, с. 374–379]. Можно предположить, для анализа возможности введения предусмотренного в 1803 г. образовательного ценза для вступления в службу уже в 1808 г. была составлена некоторая сводная ведомость о развитии учебного дела в России. Наиболее удобным источником для этого были ежегодные отчеты попечителей о состоянии университетов и их учебных округов. Вполне вероятно, что уже тогда по другим источникам были учтены некоторые изменения в распространении школьной сети за период, от 1 января 1808 г. и до сочинения проекта будущего указа об экзаменах на чин. Основываясь на полученных данных, М.М. Сперанский предложил применить более мягкий вариант цензового принуждения населения к приобретению систематического образования. На допустимость такого предположения указывает упоминание в утвержденном 6 августа 1809 г. тексте указа Виленского и Дерптского университетов в качестве заведений с лучшими показателями численности студентов. Если бы законодатели на самом деле использовали данные по состоянию на 1 января 1809 г., то среди «успешных» уни-

верситетов они не могли не отметить Московский университет, где численность студентов была выше, чем в Дерпте.

Если приведенные рассуждения справедливы, то можно полагать, что для публикации в «Периодическом сочинении...» составители «Ведомости» взяли за основу документ, подготовленный в ходе разработки проекта будущего указа об экзаменах на чин. Затем они могли привлечь более поздние отчеты с мест для уточнения наиболее общих вопросов, каковым была, например, дата преобразования училищ по новым правилам. Тем самым, основываясь на данных рубежа 1807/1808 гг. и, видимо, некоторых более поздних показателях, «Ведомость» вполне могла включить и сведения за первую половину 1809 г. В частности, примечательны расхождения между показаниями разных источников о преобразовании Вяземского уездного училища. Так, в «Ведомости» указано, что ранее существовавшее в Вязьме малое народное училище было преобразовано в уездное училище в 1808 г. [15, с. 268]. Однако, например, по материалам газеты «Московские ведомости» и более поздним публикациям в том же «Периодическом сочинении...» становится известно, что данное преобразование произошло 12 марта 1809 г. [14, с. 1307; 16, с. 45–46].

Таким образом, проделанный анализ опубликованного источникового и историографического материала показывает верность сделанного предположения о датировке статистических сведений, представленных в «Ведомости», рубежом концом 1807 — первой половиной 1809 г., с преобладанием информации по состоянию на 1 января 1808 г. Главным следствием такого заключения является недопустимость использования показаний «Ведомости» для сравнительного анализа развития однотипных учебных заведений, в частности, университетов. Следует делать оговорки и при ее использовании для выяснения распространенности училищной системы в целом. Кроме того, анализ обстоятельств публикации «Ведомости» проявляет важные особенности разработки и обоснования правительственного курса в области просвещения в начале XIX в. Разумеется, нельзя не заметить, что до сих пор вопрос об источниковой базе и других характеристиках «Ведомости» можно основывать только на суждениях гипотетического характера. В данном направлении необходимы дополнительные архивные изыскания. В первую очередь, стоит сосредоточиться на сопоставлении данных «Ведомости» и ежегодных отчетов попечителей о состоянии университетов и их учебных округов.

Литература:

1. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.
2. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.
3. Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. Харьков, 1893–1898.
4. Булгакова Л.А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л., 1978. С. 244–251.

5. Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805—1819). Рассказы по архивным документам. Ч. 1. Казань, 1887.
6. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Т. 1. Казань, 1902.
7. Захаратос Д.А. Московский учебный округ в 1804—1835 годах: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров. Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.
8. Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 492—550.
9. История Тартуского университета. 1632—1982. / Под ред. проф. К. Сийлиласка. Таллин, 1982.
10. Календарова В.В. Возникновение ведомственной периодики в России в начале XIX века, первые министерские журналы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2000.
11. Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910.
12. Материалы для истории и статистики наших гимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 1. С. 129—171.
13. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках. (Приложение к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках», Т. 1). / Сост. С.В. Рождественский, при участии В.Г. Соломина и П.П. Тодорского. СПб., 1910.
14. Московские ведомости. 1809. № 57.
15. Периодического сочинения о успехах народного просвещения. 1809. № 23.
16. Периодического сочинения о успехах народного просвещения. 1810. № 24.
17. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002.
18. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. М., 2002.
19. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.
20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1975.
21. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889.
22. Шмид Е. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.
23. Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802—1835. Washington, 1988.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Международная заочная научная конференция
г. Уфа, июнь 2012 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 25.06.2012. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Лайм»
450059, г. Уфа, ул. Новосибирская, д. 2